

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирского отделения Российской академии наук

На правах рукописи

Ван Ирина Доржиевна

**СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БУРЯТИЯ
В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА**

Специальность 5.4.4. – социальная структура, социальные институты
и процессы

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата социологических наук

Научный руководитель -
доктор социологических наук,
доцент Е.В. Петрова

Улан-Удэ – 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава 1. Социальная стратификация как объект социологического изучения	21
1.1. Теоретические подходы к изучению социальной стратификации	21
1.2. Методологические принципы исследования доходной и субъективной стратификации	54
Глава 2. Региональное измерение социальной стратификации в Бурятии	66
2.1. Социально-экономические показатели развития республики и формирование региональной модели расслоения	66
2.2. Модель доходной стратификации и характеристика доходных групп	81
2.3. Особенности субъективной стратификации и анализ социальных слоев	111
Заключение	138
Список литературы и источники	145
Приложения	172

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Серьезные изменения в экономической и общественно-политической жизни страны, происходящие последние десятилетия, кардинально повлияли на социальную структуру, привели к углублению социальной дифференциации населения и появлению новых неравенств в формирующейся стратификационной системе.

Поэтому актуальными и значимыми стали исследования современного общества для получения ответов на вопросы о том, какова социальная структура российского общества, какие существуют классы или страты, по каким основаниям происходит расслоение населения, чем обладают социальные группы и как они планируют сохранять свои позиции, в чем состоят их горизонтальные связи и как осуществляется вертикальная мобильность (восходящая или нисходящая), какие существуют неравенства в обществе и как к ним относится население.

Особую важность приобретают региональные исследования социальной стратификации. В условиях трансформации российского общества усилилось межрегиональное неравенство, которое детерминировало неравенство в доходах, уровне жизни населения, инфраструктурной развитости, возможностях получения качественных образовательных и медицинских услуг для жителей разных регионов. Территориально-поселенческая неоднородность страны и отличия в социально-экономическом развитии регионов заметно дифференцировали возможности жителей различных населенных пунктов для конвертации своих активов в ресурсы или капиталы.

Наиболее уязвимыми в экономическом плане и наименее развитыми оказались удаленные от центра страны регионы, одним из которых является Республика Бурятия. При этом ее трансграничность обуславливает стратегическое значение, оказывает влияние на появление новых форм занятости местного населения, а также служит основой для формирования миграционных потоков как в ту, так и другую сторону.

Однако проблемы социальной стратификации на региональном уровне являются недостаточно изученными в российской социологии, мало учитывается факт неравномерности социально-экономического развития различных регионов страны и их исторических и этнокультурных особенностей, оказывающих серьезное влияние на формирование моделей социальной стратификации.

В связи с этим представляется особенно важным и актуальным изучить региональные особенности социальной стратификации в Республике Бурятия: проанализировать влияние показателей социально-экономического развития республики на социальное расслоение, исследовать доходную и субъективную стратификации, обосновать характеристики выявленных доходных групп и социальных слоев в социальной структуре республики, их адаптационные стратегии, обозначить направления для уменьшения социальной дифференциации и преодоления бедности, а также корректировки социальной и экономической политики региона.

В диссертации осуществлен сравнительный анализ показателей социально-экономического развития республики в контексте межрегионального неравенства. Рассмотрены общероссийские и региональные модели доходной и субъективной стратификации на основе данных статистики и материалов социологического исследования по Бурятии, охарактеризована динамика показателей социально-экономического развития республики за 30-летний период трансформации (среднедушевые денежные доходы, коэффициент Джини, коэффициент фондов, занятость населения, безработица и др.), которые серьезным образом повлияли на процессы дифференциации населения и их специфику в общероссийском пространстве, а также создали условия для формирования региональной социальной стратификации. Также проанализированы демографические тенденции развития республики (динамика численности населения, естественный прирост, миграционные показатели, соотношение сельского и

городского населения), которые обуславливают дифференциацию населения и изменение социальной структуры региона.

Полученная информация позволила выявить специфику моделей стратификации регионального общества (по доходным распределениям и самооценкам респондентов), сформулировать выводы для принятия эффективных решений в области социально-экономического развития и социальной политики по уменьшению социального расслоения населения, преодоления его бедности, сохранения социально-политической стабильности общества и его консолидации.

Степень научной разработанности темы. Изучение социальной стратификации – одна из важнейших тем социологической науки. Проблемы расслоения общества и его неравенства, формирования социальной структуры интересовали еще древнегреческих философов, которые предлагали свои модели справедливого общества. Позднее Н. Макиавелли, Т. Гоббс, Дж. Локк, Ж. Ж. Руссо, Г. Гегель, А. Смит, Д. Риккардо, А. Сен-Симон обосновали существование социальных классов, или слоев, и связанных с ними различий и неравенств.

Социологический взгляд на структуру общественного устройства принадлежит классикам социологии – О. Конту, Г. Спенсеру, Э. Дюркгейму¹.

Важными являются подходы представителей марксистской традиции к природе социальной стратификации, в основе которых лежит экономический фактор². Большое значение имеют труды исследователей веберианской школы, предлагавших для анализа социальной стратификации использовать несколько критериев³. Концепция П. А. Сорокина позволила определить

---

¹ Конт О. Общий обзор позитивизма / пер. с фр. И. А. Шапиро; под ред. Э. Л. Радлова. Изд. 2-е. М.: Либроком, 2011. 296 с.; Спенсер Г. Основания социологии. Т. 2. М., 2012. 412 с.; Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / пер. с фр. и послесл. А. Б. Гофмана. М.: Наука, 1991. 572 с.; Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / пер. с фр., сост., послесл. и примеч. А. Б. Гофмана. М.: Канон, 1995. 352 с.

² Маркс К., Энгельс Ф. Капитал // Собр. соч. Т. 25, ч. II. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1962. 558 с.

³ Вебер М. Избранные произведения / пер. с нем., сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайденко. М.: Прогресс, 1990. 804 с.; Вебер М. Основные понятия стратификации // Социологические исследования. 1994. № 5. С. 147–156.

положение индивидов и социальных групп в многомерном социальном пространстве и исследовать социальную мобильность¹.

Известны и широко применимы для анализа общества концепции структурно-функционального анализа Т. Парсонса, Р. Мертона, Л. Уорнера². Заслуживают отдельного внимания взгляды П. Бурдьё, М. Кастельса, У. Бека, Д. Грузски, Дж. Коулмана, Г. Беккера, Э. Соренсена³, которые в качестве критериев стратификации общества предлагали рассматривать ресурсы (активы, капиталы).

В отечественной социологии проблемам исследования социальной структуры и социальной стратификации посвящены работы Н. А. Аитова, Ю. В. Арутюняна, В. Х. Беленького, И. В. Мостовой, М. Н. Руткевича, Ж.Т. Тощенко, В. А. Ядова, М. Ф. Черныша, М.А. Тарусина и др.⁴.

Кроме того, Т. И. Заславская охарактеризовала модель социальной стратификации российского общества в условиях трансформации на основе множества параметров⁵. Р. В. Рывкина рассмотрела критерии социальной

---

¹ Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. СПб.: Изд-во Рус. христиан. гуманитар. ин-та, 2000. 1054 с.; Он же. Социология революции. М.: Территория будущего: РОССПЭН, 2005. 702 с.; Он же. Социальная мобильность / пер. с англ. М. В. Соколовой; под общей ред. В. В. Сапова. М.: Academia LVS, 2005. XX, 588 с.; Он же. Человек. Цивилизация. Общество / общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонов / пер. с англ. С. А. Сидоренко. М.: Политиздат, 1992. 543 с.

² Парсонс Т. Аналитический подход к теории социальной стратификации // Социальная стратификация. Вып. 1. М., 1992. С. 114–137; Он же. Система координат действия и общая теория систем действия: культура, личность и место социальных систем // Американская социологическая мысль: тексты. М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 448–464; Мертон Р. Явные и латентные функции // Там же. С. 379–448.

³ Бурдьё П. Формы капитала // Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики / пер. М. С. Добряковой, сост. и научн. ред. В. В. Радаев. М.: РОССПЭН, 2004. 656 с.; Он же. Социология социального пространства / пер. с фр.; отв. ред. Н. А. Шматко. М.: Ин-т эксперимент. социологии; СПб.: Алетейя, 2005. 288 с.; Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.; Бек У. Общество риска: на пути к другому модерну / пер. с нем. В. Седельника, Н. Федоровой. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 383 с.

⁴ Аитов Н. А., Филиппов Ф. Р. Управление развитием социальной структуры советского общества. М.: Наука, 1988. 169 с.; Арутюнян Ю. В. Социальная структура сельского населения СССР. М., 2012. 376 с.; Беленький В. Х. Стратификационная система общества: некоторые вопросы теории и практики. М.: ИНФРА-М; Красноярск: СФУ, 2018. 242 с.; Мостовая И. В. Социальное расслоение: символический мир метаигры. М., 1997; Руткевич М. Н. Социальная структура. М.: Альфа-М., 2004. 272 с.; Руткевич М. Н. Трансформация социальной структуры российского общества // Социологические исследования. 2004. № 12. С. 41–46; Ядов В. А. Социологическое исследование: методология, программа, методы. М., 1987. 248 с.; Черныш М. Ф. Социальная мобильность // Средний класс в современной России / отв. ред. М.К. Горшков, Н. Е. Тихонова; Ин-т социологии РАН. М., 2008. С. 143–154. Социальная мобильность в усложняющемся обществе: объективные и субъективные аспекты / отв. ред. В. В. Семенова, М. Ф. Черныш, П. Е. Сушко. М.: ФНИСЦ РАН, 2019. 512 с.; Реальная Россия: социальная стратификация современного российского общества / М. Тарусин и др.. М.: Ин-т общественного проектирования: Эксперт, 2006. 677 с.

⁵ Заславская Т. И. Стратификация современного российского общества // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. 1996. № 1. С. 7–15; Она же. Социальная структура

стратификации и необходимость их исследования в современном обществе¹. В. В. Радаев, О. И. Шкаратан проанализировали теоретико-методологические подходы к изучению социальной стратификации, выявили ее исторические типы, обосновали ресурсный подход². В. И. Ильин типологизировал властно-административную, социально-отраслевую, социально-демографическую, социально-пространственную, этносоциальную стратификации³. З.Т. Голенкова, М. К. Горшков, Е. Д. Игитханян исследовали отдельные социальные слои, используя многомерный иерархический подход⁴.

В работах З.Т. Голенковой также делается вывод о том, что дифференциация российского населения в период трансформации проявляется не только в том, что у семьи есть (уровень благосостояния), но и в том, чего у нее нет (уровень депривации), что дает возможность при изучении социального расслоения выделять критерий жизненных шансов в сфере потребления⁵.

современного российского общества // *Общественные науки и современность*. 1997. № 2. С. 5–23; Она же. *Стратификация современного российского общества // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 1996. № 1. С. 7–15; Она же. *Структура российского общества через призму трансформационного процесса // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2002. № 4 (60). С. 7–13; Она же. *Современное российское общество: социальный механизм трансформации*. М.: Дело, 2004. 397 с.

¹ Рывкина Р. В. *Советская социология и теория социальной стратификации // Постигение: Социология. Социальная политика. Экономическая реформ.* / ред. сост. Ф. М. Бородин, Л. Я. Косалс, Р. В. Рывкина. М.: Прогресс. 1989. 592 с.

² Радаев В. В., Шкаратан О. И. *Социальная стратификация*. М.: Аспект-экспресс, 1996. 237 с.; Радаев В. В. *Обычные и инновационные практики в деятельности российского среднего класса // Мир России*. 2003. № 4. С. 89–119; Шкаратан О. И. *Социальное расслоение в современной России: драма расколотого общества // Мир России: социология, этология*. 2004. Т. 13. № 1. С. 3–48.

³ Ильин В. И. *Социальная стратификация*. Сыктывкар, 1991. 222 с.; Он же. *Государство и социальная стратификация советского и постсоветского общества 1917–96 гг.: опыт конструктивистско-структуралистского анализа*. Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского ун-та, ИС РАН, 1996. 349 с.

⁴ *Средний класс в современной России*. Отв. ред. М. К. Горшков, Н. Е. Тихонова. М.: ИС РАН, 2008. 320 с.; Горшков М. К. *Некоторые методологические аспекты анализа среднего класса в России // Социологические исследования*. 2000. № 3. С. 4–12.; Горшков М. К. *Социальные неравенства как вызов современной России // Вестник Института социологии*. 2010. № 1. С. 24–47; Голенкова З.Т., Игитханян Е.Д. *Статусные характеристики рабочих. Социологические исследования*. 2012. № 12 (344). С. 50–56.

⁵ Голенкова З.Т., Игитханян Е.Д., Казаринова И.В., Саровский Э.Г. *Социальная стратификация городского населения. // Социологические исследования* 1995. № 5 С. 91–102.; Голенкова З.Т., Витюк В.В., Гридчин Ю.В., Черных А.И., Романенко Л.М. *Становление гражданского общества и социальная стратификация. // Социологические исследования* 1995. № 6. С. 14–24.; Голенкова З.Т., Игитханян Е.Д. *Социально-стратификационные процессы в российском обществе. Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология*. 1995. № 4. С. 3–12.; Они же. *Средние слои в современной России // Социологические исследования*. 1998. № 7. С. 44–53; Они же. *Социальная структура общества: в поиске адекватных ответов // Социологические исследования*. 2008. № 7 (291). С. 75–84; Голенкова З. Т., Голиусова Ю. В. *Новые социальные группы в современных стратификационных системах глобального общества // Социологическая наука и социальная практика*. 2013. № 3. С. 5–15.; Голенкова З.Т. *Избранные труды*. М.: Новый хронограф, 2014. 272 с.

Отдельное направление исследований связано с экономическим обоснованием социальной стратификации – доходной (по абсолютному и относительному подходам), который активно применяют не только экономисты (Н. М. Римашевская, Н. В. Зубаревич, Т. Ю. Богомолова, Л. Н. Аникин и др.)¹, но и социологи (Л. А. Хахулина, Н.Е. Тихонова, Ю. П. Лежнина, Е. Д. Слободенюк, А. В. Каравай, Ю.В., Голиусова П. Е. Сушко и др.)².

В трудах Н. Е. Тихоновой, которая развивает ресурсный подход, представлена динамика различных моделей социальной стратификации российского общества (одномерных и многомерных, доходных и субъективных) и дается методологическое обоснование возможностей их применения³.

---

¹ Римашевская Н. М. Социальная политика в стратегии российского развития: последствия экономических трансформаций // Россия и современный мир. 2003. № 4 (41). С. 5–21; Она же. Бедность и маргинализация населения // Социологические исследования. 2004. № 4 (240). С.33–43; Она же. Роль центра и регионов в форсировании доходов населения // Уровень жизни населения регионов России. 2007. № 11 (117). С. 37–49; Она же. Региональные особенности уровня и качества жизни. М.: М-Студио, 2012. 392 с.; Зубаревич Н. В. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. М.: Независимый ин-т социальной политики, 2010. 160 с.; Зубаревич Н. В., Сафронов С. Г. Территориальное неравенство доходов населения России и других крупных постсоветских стран // Региональные исследования. 2014. № 4. С. 100–109; Зубаревич Н. В. Бедность в российских регионах в 2000–2017 годах: факторы и динамика // Население и экономика. 2019. № 3. С. 63–74.; Богомолова Т. Ю., Тапилина В. С. Экономическая стратификация населения России: динамический аспект // Социологические исследования. 2001. № 6. С. 32–43; Аникин В. А., Лежнина Ю. П. Экономическая стратификация: об определении границ доходных групп // Социологическое обозрение. 2018. Т. 17. № 1. С. 237–267.

² Хахулина Л. А., Тучек М. Распределение доходов: бедные и богатые в постсоциалистических обществах (некоторые результаты сравнительного анализа) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 1995. № 1. С. 18–22; Они же. Имущественное расслоение в переходный период // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 1996. № 3. С. 19–23.; Модель доходной стратификации российского общества: динамика, факторы, межстрановые сравнения / Н. Е. Тихонова, Ю. П. Лежнина, С. В. Мареева, Е. Д. Слободенюк и др.; под ред. Н. Е. Тихоновой. М.; СПб.: Нестор-История, 2018. 368 с.; Каравай А. В. Факторы доходной стратификации российского общества: методология анализа и роль аскриптивных характеристик // Социологическая наука и социальная практика. 2018. Т. 6. № 1. С. 23–36; Сушко П. Е., Дамба-Хуурак А. П. Человеческий потенциал Центрально-Азиатского региона: перспективы развития // Социологические исследования. 2020. № 12. С. 154–155; Социально-стратификационные процессы в Республике Тыва / З.Т. Голенкова и др.; отв. ред. З. Т. Голенкова, Ю. В. Голиусова, П. Е. Сушко; ФНИСЦ РАН. М. Кызыл: ФНИСЦ РАН, 2020. 128 с.

³ Тихонова Н. Е. Факторы социальной стратификации в условиях перехода к рыночной экономике. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999. 320 с.; Она же. Феномен городской бедности в современной России. М.: Летний сад, 2003. 407 с.; Она же. Ресурсный подход как новая теоретическая парадигма в стратификационных исследованиях // Социологические исследования. 2006. № 9. С. 28–41. Она же. Социальная стратификация в современной России: опыт эмпирического анализа. М.: Институт социологии РАН, 2007. 320 с.; Она же. Социальная структура России: теория и реальность. М.: Новый хронограф; Ин-т социологии РАН, 2014. 408 с.

Анализ социальной стратификации общества с целью изучения среднего класса в России проводят Е. А. Аврамова, А. А. Алексеенок, Л. А. Беляева, Т. М. Малева и др.¹

В трудах А. Б. Гофмана, Д. Л. Константиновского, С. В. Мареевой, О. И. Шкаратана социальное неравенство рассмотрено как одна из характеристик социальной стратификации.²

Исследовательский коллектив ИС ФНИСЦ РАН под руководством Л. М. Дробижевой на протяжении многих лет осуществлял мониторинг ресурса межнационального согласия, а также изучал особенности этносоциальной стратификации в полиэтнических российских регионах, в том числе в республиках³.

Региональный анализ стратификации представлен работами Р. Р. Галлямова, Л. Ф. Зайнетдиновой, которые рассмотрели факторы этносоциальной стратификации в Башкортостане, И. И. Подойницыной, охарактеризовавшей социальную стратификацию в Саха (Якутия), Д. Д. Бадараева, сравнившего социально-стратификационную структуру Бурятии и Монголии, Е. В. Петровой, проанализировавшей этносоциальную структуру и этносоциальную стратификацию в республиках Сибири, А. В. Лыкова,

---

¹ Аврамова Е. М. Средний класс: мировые тренды и российские реалии // *Общественные науки и современность*. 2018. № 2. С. 22–33; Алексеенок А. А. Структура среднего класса в современном российском обществе: специфика идентификации и пути оптимизации. Орел: Изд-во ОФ РАНХиГС, 2014. 284 с.; Алексеенок А. А. Средний класс в современном российском обществе: специфика идентификации, социальная структура, перспективы воспроизводства: дис. канд. социол. наук / Тульс. гос. ун-т. Бедргород, 2017. 352 с.; Беляева Л. А. Социальная стратификация и средний класс в России: 10 лет постсоветского развития. М.: Academia, 2001. 183 с.; Средний класс в современной России / отв. ред. М. К. Горшков, Н. Е. Тихонова. М.: ИС РАН, 2008. 320 с.; Средние классы в России: экономические и социальные стратегии / под ред. Т. Малевой; Моск. центр Карнеги. М.: Гендальф, 2003. 506 с.

² Гофман А. Б. Мартовские тезисы о социологии равенства и неравенства // *Социологические исследования*. 2004. № 7. С. 23–26; Константиновский Д. Л. Динамика неравенства: российская молодежь в меняющемся обществе: ориентации и пути в сфере образования (от 1960-х годов к 2000-му). М.: Эдиториал УРСС, 1999. 344 с.; Мареева С. В. Социальные неравенства и социальная структура современной России в восприятии населения // *Вестник Ин-та социологии*. 2018. № 26. С. 101–120; Шкаратан О. И. Социология неравенства: теория и реальность. М.: Изд. дом НИУ ВШЭ, 2012. 525 с.; Он же. Социально-экономическое неравенство и его воспроизводство в современной России. 2009. М.: ОЛМА Медиа групп. 560 с.; Мареева С. В. Монетарные и немонетарные неравенства в жизни россиян // *Социологические исследования*. 2016. № 10 (310). С. 65–74; Она же. Практики инвестирования среднего класса в свой человеческий капитал // *Terra Economicus*. 2012. Т. 10. № 1. С. 165–173; Она же. Социальные неравенства и социальная структура современной России в восприятии населения // *Вестник Ин-та социологии*. 2018. № 26. С. 101–120;

³ Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность / авт. проекта и отв. ред. Л. М. Дробижева. М.: Academia, 2002. 480 с.; Межнациональное согласие в общероссийском и региональном измерении. Социокультурный и религиозный контексты / отв. ред. Л. М. Дробижева. М.: ФНИСЦ РАН, 2018. 552 с.

исследовавшего проблемы социально-экономической стратификации Оренбургской области, А. Т. Корнаева, изучившего социальное расслоение в Республике Северная Осетия-Алания, С. В. Гончаровой, которая провела исследование социальной стратификации в Приморском крае, Ф. Ф. Ишкинеевой, занимавшейся вопросами социально-стратификационных процессов в г. Набережные Челны¹.

Вызывают интерес исследования, в которых рассмотрены особенности формирования и развития социальной структуры Бурятии, в том числе ее этнические характеристики (Ю. Б. Рандалов, И. И. Осинский, М. Н. Балдано, А. В. Бильтрикова, В. Г. Жалсанова, И. Н. Дашибалова, В. И. Затеев, З. А. Данилова, Ю. Г. Бюраева, К. Б.-М. Митупов, П. А. Чукреев, С. Д.-Н. Дагбаева, С. П. Татарова, Т. Н. Бояк, А. А. Буркина и др.).²

---

¹Галлямов Р. Р., Зайнетдинова Л. Ф. Этносоциальная стратификация: теоретические подходы, концептуальная модель, тенденции развития. Уфа: Здравоохранение Башкортостана, 2004. 116 с.; Зайнетдинова Л. Ф. Этносоциальная стратификация российского общества в условиях реформ: региональный аспект (на примере Республики Башкортостан): дис. канд. социол. наук. Пермь, 2003. 178 с.; Подойницына И. И. Анализ региональной социальной стратификации: на примере Республики Саха (Якутия): дис. док.-ра. социол. наук. СПб, 2000. 365 с.; Бадараев Д. Д. Социально-стратификационная структура населения Монголии и Бурятии в изменяющемся обществе конца XX – начале XXI в.: дис. канд. социол. наук. Улан-Удэ, 2005. 174 с.; Бадараев Д. Д. Структурные и этнокультурные особенности социальных изменений на российско-монгольском трансграничье: дис. док.-ра. соц. наук. М., 2022. 427 с.; Петрова Е. В. Этносоциальная стратификация в Бурятии (особенности и специфика) // Социологические исследования. 2007. № 2. С.102–109; Она же. Русское население в этносоциальной структуре республик Сибири. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2009. 332 с.; Она же. Особенности этносоциальной стратификации в республиках Сибири. Вестник БГУ. 2010. № 14. С. 134–141.; Лыков А. В. К проблеме социально-экономической стратификации Оренбургской области // Вестник Оренбургского государственного университета. 2013. № 7(156). С. 45–52.; Корнаев А. Т. Социальная стратификация в современном региональном сообществе: дис. канд. социол. наук. Ставрополь, 2007. 174 с.; Гончарова С. В. Социальная стратификация российского общества в условиях социальной трансформации: (на материалах Приморского края): дис. канд. социол. наук. Владивосток, 2005. 233 с.; Ишкинеева Ф. Ф. Социально-стратификационные процессы в постмонопромышленном городе в условиях трансформации общества (на примере г. Набережные Челны): дис. канд. социол. наук. Казань, 2000. 136 с.

² Рандалов Ю. Б. Социальная структура населения в Байкальском регионе: проблемы и противоречия // Проблемы изменений социальных отношений среди народов Байкальского региона (теоретико-эмпирические аспекты). Улан-Удэ, 2004, С. 12–24; Осинский И. И. Изменение социальной структуры рабочих в процессе перехода к рыночным отношениям // Проблемы изменений социальных отношений среди народов Байкальского региона (теоретико-эмпирические аспекты): сб. ст. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. С. 36–47; Осинский И. И., Добрынина М. И. Изменение социальной структуры российского общества в современных условиях (на материалах Республики Бурятия) // Социальные процессы в современном российском обществе: проблемы и перспективы: мат. V Всерос. науч. конф. с международ. участием. Иркутск, 2021. С. 10–22; Балдано М. Н., Митупов К. Б.-М. Основные тенденции изменений социальной структуры в постсоветский период // Мир Центральной Азии. Т. II, ч. I. Улан-Удэ, 2002; Балдано М. Н. Индустриальное развитие Бурятии (1923-1991 гг.): достижения, издержки, уроки. Улан-Удэ: Изд-во ВСГИК, 2001. 431 с.; Петрова Е. В., Бильтрикова А. В. Социальное неравенство в Бурятии в оценках населения // Общество: социология, психология, педагогика. 2021. № 10 (90). С. 20–24; Петрова Е. В., Бильтрикова А. В. Дашибалова И. Н., Жалсанова В. Г. Межэтнические отношения в Республике Бурятия в изменяющихся социально-экономических условиях. Улан-Удэ, Изд-во БНЦ СО РАН. 2021. 181 с.; Бильтрикова А. В. Бурятская национальная интеллигенция на современном этапе. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ

Таким образом, мы можем констатировать, что в целом сложилась теоретическая и эмпирическая база исследования стратификационных процессов современного российского общества. Тем не менее, социальное расслоение и проблемы социального неравенства в регионах редко являлись предметом специального изучения, в них не анализировались модели стратификации, а ранее опубликованные работы по данным процессам охватывали лишь отдельные субъекты Федерации. Принимая во внимание отсутствие специальных исследований по социальной стратификации в Республике Бурятия, в том числе анализ современных моделей, и учитывая, что формирование социальной стратификации продолжается, и появляются новые ее характеристики, проведение эмпирического исследования по данной теме представляется своевременным и обоснованным.

Актуальность темы диссертационной работы, степень ее научной разработанности, сформулированная проблема исследования обуславливают выбор объекта, предмета, цели и задач исследования.

Объект – социальная стратификация в Бурятии.

Предмет – модели доходной (по абсолютному и относительному (медианному) подходам) и субъективной (по оценкам респондентами своего

СО РАН, 2001. 89 с.; Жалсанова В. Г. Сельское население Бурятии в начале XXI века: проблемы и перспективы развития // Вестник Бурятского государственного университета. 2013. № 6. С. 86–90; Дашибалова И. Н. Представления этнических групп Бурятии о социальной нестабильности // Вестник МИРБИС. 2020. № 1 (21). С. 134–143; Затеев В. И. Некоторые аспекты изменения социальной структуры коренных народов Сибири в постсоветский период // Проблемы изменений социальных отношений среди народов Байкальского региона (теоретико-эмпирические аспекты): сб. ст. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. С. 47–55; Данилова З. А. Миграционные настроения населения Байкальского региона (по материалам социологического исследования) // Проблемы прогнозирования. 2010. № 3 (120). С. 115–118; Бюраева Ю. Г. Миграционные процессы в Республике Бурятия: направления, результативность, факторы // ЭКО. 2022. № 1 (571). С. 141–166; Чукреев П. А. Незанятые: настроения, ожидания, намерения (опыт социологического исследования). Улан-Удэ: БНЦ СО РАН. 1996. 119 с.; Дагбаева С. Д-Н. Качество жизни населения: технологии анализа и управления. Улан-Удэ: Изд-во ВСГТУ, 2011. 275 с.; Татарова С. П. Уровень и качество жизни населения Республики Бурятия (по результатам опроса бурятского населения) // Вестник Восточно-Сибирского государственного института культуры. 2020. № 4 (16). С. 53–62.; Бояк Т. Н. Русская сельская молодежь: трансформация духовно-нравственных ценностей (на материалах Республики Бурятия и Читинской области). Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2007. 478 с.; Буркина А. А. Бурятская национальная интеллигенция. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 1998. 115 с.

социального статуса и потребительских возможностей) стратификации и характеристика выявленных доходных групп и социальных слоев.

Цель – исследование региональных особенностей социальной стратификации в Бурятии в условиях трансформации российского общества.

Задачи:

- Рассмотреть теоретические и методологические подходы к изучению социальной стратификации российского общества.
- Проанализировать показатели социально-экономического развития республики в условиях трансформации, обуславливающие конфигурацию моделей социального расслоения.
- Определить особенности моделей доходной стратификации.
- Выявить специфику моделей субъективной стратификации.
- Проанализировать адаптационные стратегии и практики финансового поведения выявленных доходных групп и социальных слоев.

Методологической основой диссертационного исследования являются стратификационный, структурно-функциональный, системно-динамический, диалектический подходы. В процессе работы опирались на общенаучные принципы – объективность, историзм, системность, анализ и синтез социальных явлений, единство теории и практики. Исследование доходной и субъективной стратификации региона было осуществлено благодаря апробированным методикам и наработкам российских ученых (Т. И. Заславской, З. Т. Голенковой, М. К. Горшкова, Л. А. Беляевой, Т. Ю. Богомоловой, Е. Д. Игитханян, В. В. Радаева, Н. Е. Тихоновой, О. И. Шкаратана и др.). В диссертационной работе использовались методы сбора социологической и статистической информации – анализ документов, массовый опрос населения Бурятии в форме анкетирования. Анкеты обработаны с помощью пакета обработки и анализа данных «ДА-система» 4.0. Построены графические модели доходной и субъективной стратификации с помощью программы Excel. Спроектирована инфографика девяти моделей, демонстрирующих структуру регионального общества.

Эмпирическую базу исследования составили:

1. Статистические материалы Росстата (Итоги переписей населения, текущая статистика по Республике Бурятия, Сибирскому и Дальневосточному федеральным округам).

2. Результаты инициативного социологического исследования социальной стратификации и неравенства в Республике Бурятия (2020–2021 гг.), проведенного социологами отдела истории, этнологии и социологии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (ИМБТ СО РАН) при участии автора диссертации. Методом анкетирования опрошено 646 человек, генеральная совокупность составила 743724 чел. (население в возрасте 18 лет и старше). Выборка многоступенчатая (I-городские округа и муниципальные районы; II-городские и сельские населенные пункты; III-пол, возраст, образование, этническая принадлежность), которая репрезентирует взрослое население республики по заданным признакам.

3. Данные вторичного анализа социологических исследований, проведенных в России (ВЦИОМ, ИС ФНИСЦ РАН, ИФ РАН и др.).

Научная новизна исследования. Диссертация представляет собой одно из первых исследований региональных особенностей социальной стратификации Республики Бурятия в условиях трансформации российского общества с применением комплексного подхода и построением моделей доходной и субъективной стратификации по разным основаниям:

1. Рассмотрены основные теоретические и методологические подходы изучения социальной стратификации современного российского общества и степень их применимости для региональных исследований. На основе анализа и обобщения теоретических положений, разных методологических подходов, а также с привлечением статистических, социологических данных разработаны региональные модели социальной стратификации, осуществлен их сравнительный анализ. Установлено, что наиболее корректным и достоверным методом исследования социальной стратификации в регионе, репрезентирующим существующее расслоение населения, является доходная

стратификация по относительному подходу на основе республиканской медианы.

2. Выявлено, что социально-экономические показатели развития республики, оказывающие влияние на социальное расслоение в регионе, обуславливают формирование определенных типов моделей стратификации. Установлено, что динамика конфигурации разработанных моделей (по абсолютному подходу, на основе данных статистики) в сравнении с общероссийскими свидетельствует о стабильно невысоком уровне материального положения населения республики в течение всего периода трансформации, с преобладанием низкодоходных групп. В то же время в республиканской модели 2021 гг. по сравнению с 2002 г. присутствует рост средне- и высокодоходных, а также уменьшение числа низкодоходных групп.

3. На основе анализа статистических данных и результатов социологического исследования выявлена региональная специфика доходной стратификации по относительному подходу, охарактеризованы доходные группы. Применение страновой, региональной и республиканской медиан по относительному подходу позволило построить разные модели расслоения общества и осуществить их сравнительный анализ, выявив наиболее корректную.

4. На основе результатов социологического исследования определена субъективная стратификация населения республики (по оценкам респондентами своего социального статуса и потребительских возможностей), построены ее модели, охарактеризованы выявленные социальные слои. Установлено несоответствие двух моделей стратификации – субъективной и доходной, вызванное стремлением респондентов завышать свой статус и относить себя независимо от уровня материального положения преимущественно к среднему слою.

5. Определены адаптационные стратегии доходных групп и социальных слоев в условиях трансформации российского общества, охарактеризованы формы их занятости и финансового поведения. Установлена зависимость

вариативности адаптационных стратегий и финансовых практик выявленных доходных групп и социальных слоев от их материального состояния и образования – представители высокодоходных групп, которые, как правило, весьма образованны, используют более разнообразные, эффективные стратегии адаптации и финансовые практики по сравнению с низкодоходными (чаще всего менее образованными).

Положения, выносимые на защиту:

1. Методология стратификационного анализа в исследовании динамики трансформирующегося общества Республики Бурятия представляется наиболее адекватной и валидной. Исследование доходной и субъективной стратификации позволило выявить специфику социально-стратификационной структуры Бурятии, оценить степень бедности и неравенства, выявить соотношение низкодоходных – среднедоходных – высокодоходных групп, изучить их адаптационные стратегии и финансовые практики. В результате анализа ряда подходов исследования доходного распределения в качестве наиболее корректного метода получения более объективной картины расслоения населения в республике была определена модель относительного подхода на основе республиканской медианы.

2. Анализ социально-экономических показателей развития республики за 30-летний период преобразований и сравнение их с общероссийскими, а также с данными по регионам Сибирского и Дальневосточного федеральных округов позволил сделать вывод о существующем межрегиональном и внутреннем территориально-поселенческом неравенствах, которые формируют региональную структуру населения и создают предпосылки для становления определенных моделей доходной стратификации. Для республики характерно уменьшение численности населения, отрицательное сальдо миграции, низкая рождаемость, старение населения. В совокупности с низким уровнем среднедушевых доходов и стабильно высоким уровнем безработицы создаются условия для воспроизводства широкого слоя низкодоходных групп.

3. Исследование доходной стратификации по относительному подходу на основе страновой, региональной и республиканской медиан позволило сделать вывод о том, что более объективно отражающей социальную стратификацию в республике является модель, построенная на основе республиканской медианы, поскольку медианная группа в ней располагается в центре модели и занимает наибольшую долю всего населения, выше и ниже медианы расположены примерно одинаковые доли опрошенных («нищие» (0,1%), «нуждающиеся» (11,6%), «уязвимые» (11,4%), «медианная группа» (40,9%), «среднедоходные» (18,8%), «обеспеченные» (16%), «состоятельные» (1,2%)). Объективная бедность составляет («нищие» + «нуждающиеся» + «уязвимые») 23,1%, т.е. практически каждый четвертый респондент, причем чаще всего они проживают в сельской местности.

Данный подход выявил полярные низкодоходные – среднедоходные – высокодоходные группы, которые различаются не только по их базовым характеристикам (доход, образование, занятость, возраст, профессия, материальное положение, количество человек в семье, место проживания), но также и по применяемым адаптационным стратегиям и практикам финансового поведения. Выявленная «медианная группа» (самая многочисленная) является наиболее типичной для республики группой с минимально приемлемым стандартом жизни, но в реальности скорее низкодоходной (малообеспеченной) группой с высоким уровнем закрепитованности. «Среднедоходная» представляет средний класс в масштабах Бурятии, в то время как «обеспеченная» – средний класс по меркам РФ и в классическом его понимании.

4. Исследование субъективной стратификации на основе результатов социологического исследования выявило две модели – по самооценкам респондентами их принадлежности к социальному слою: «самый низший» (1,6%), «низший» (2,6%), «ниже среднего» (26,3%), «средний» (61,3%), «выше среднего» (7,3%), «высший» (0,9%). И по оценкам респондентами своих потребительских возможностей: «бедные, нуждающиеся» (3,9%),

«околобедные, уязвимые» (21,8%), «среднедоходная, медианная группа» (51,3%), «обеспеченные» (17,3%), «зажиточные, состоятельные» (4,5%), «богатые» (1,2%). Как видим, и в той, и другой моделях доминирует срединная группа, что дает возможность говорить о «массовом субъективном среднем классе»¹ в республике. Однако субъективная бедность («бедные, нуждающиеся» + «околобедные, уязвимые») составила 25,7%, т.е. каждый четвертый ощущает себя бедным, что соответствует модели социальной стратификации по объективным показателям.

Так же как и в общероссийских моделях субъективной стратификации, в Бурятии для опрошенных независимо от их объективного положения (как бедных, так и богатых) характерно тяготение к расположенным в середине шкалы позициям («среднему слою», «среднедоходной», «медианной группам»), при этом мало кто относит себя к высшим и низшим слоям. Причинами таких расхождений являются высокая степень удовлетворенности жизнью в целом (для большинства), что подтвердили результаты исследования, стремление не выделяться среди других (в основном для высокодоходных групп), общее в стратегиях жизни срединных и малообеспеченных групп. Отмечены оптимистичные социальные настроения опрошенных, несмотря на невысокий уровень их жизни. Однако то, что и по самооценкам, и объективным показателям дохода большая часть опрошенных находится в срединной группе шкалы, возможно, и формирует у нее социально-психологическое обоснование для трансляции позитивного социального самочувствия и удовлетворенности разными сферами своей жизни, кроме доходов.

Сравнение моделей субъективной стратификации с доходной по объективным показателям выявило расхождения самооценок опрошенных с их реальным положением. Однако в целом республиканская субъективная

---

¹ Тихонова Н. Е. Субъективная стратификация российского общества: состояние, динамика, ключевые проблемы: аналитический доклад; под науч. ред. Л. Н. Овчаровой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2021. С. 15. [Электронный ресурс]. Режим доступа. https://www.hse.ru/data/2022/01/30/1758504040/01_Tikhonova_Subjective_Stratification_Inequality_NCMU_Site_2022.pdf (дата обращения: 06.09.2022).

стратификация «массового среднего слоя» соответствует стратификации по объективным показателям «массовой медианной группы», что также коррелирует с результатами общероссийских исследований¹.

5. Определены адаптационные стратегии социальных слоев и доходных групп в условиях трансформации российского общества, особенности финансового поведения жителей республики. Нами установлено, что большинство низкодоходных групп не имеет накоплений и сбережений, отличается низкой грамотностью в плане финансового поведения, является обладателем кредитов по самой высокой ставке, а нередко и «мультизаемщиками»². То есть невысокий уровень образования, как и в целом человеческого капитала, воспроизводит положение бедности. Чем выше поднимается группа в нашей шкале доходной стратификации по объективным показателям («*нищие*»–«*нуждающиеся*»–«*уязвимые*»–«*медианная группа*»), тем чаще и разнообразнее используемые адаптационные стратегии, применяемые для улучшения жизни: сезонный заработок, выращивание овощей, сбор ягод, грибов, орехов и т.д., однако все они, как правило, очень трудоемкие и малоэффективные. При этом у экономически активного и трудоспособного населения уровень жизни выше, чем у неработающих, пенсионеров, учащихся.

Что касается групп «*среднедоходные*» – «*обеспеченные*»–«*состоятельные*», то их представители обладают хорошим уровнем образования, поэтому демонстрируют более высокий уровень финансовой грамотности и применяют разнообразные финансовые практики: откладывают средства и создают «подушку безопасности», вкладывают средства в недвижимость, бизнес, накопительное и инвестиционное страхование жизни, ценные бумаги, т.е реализуют сберегательные и накопительные стратегии. Их методы улучшения жизни также более эффективны: дополнительное образование, переквалификация и получение

---

¹ Там же С. 15.

² Ван И. Д. Закредитованность населения как один из показателей социально-экономического развития Республики Бурятия // Социально-гуманитарные знания. 2018. № 4. С. 255.

новых, более востребованных профессий, в то время как каждый шестой *«ничего не предпринимает, так как не нуждается в этом»*.

Научная и практическая значимость диссертации. Полученные результаты и выводы позволяют расширить научные представления о региональных моделях доходной и субъективной стратификации, адаптационных стратегиях выявленных социальных и доходных групп. Эмпирические данные могут быть использованы для углубленного анализа региональной социальной структуры и стратификации, в законотворческой деятельности федеральных и региональных институтов власти с целью преодоления межрегионального неравенства и уменьшения дифференциации населения, в практической деятельности социологов, политологов, социальных работников. Теоретические выводы диссертационного исследования могут быть использованы при разработке учебных курсов и образовательных программ по социологии.

Апробация основных результатов исследования. Основные выводы и положения диссертации докладывались и обсуждались на международных научно-практических конференциях «Мир Центральной Азии-IV» (г. Улан-Удэ, 2017), «Социальные и политические вызовы модернизации в XXI в.» (г. Улан-Удэ, 2018), «Актуальные проблемы гуманитарных и социальных исследований» (г. Новосибирск, 2019), «Общие тенденции и различия в российских регионах» (г. Москва, 2019), «Социальная безопасность и социальная защита населения в современных условиях» (г. Улан-Удэ, 2020), «Социология и общество: традиции и инновации в социальном развитии регионов» (г. Тюмень, 2021), «Мир Центральной Азии-V», посвященной 100-летию ИМБТ СО РАН (г. Улан-Удэ, 2022), «Трансграничье Востока России в модернизационных процессах XX-XXI вв.» (г. Улан-Удэ, 2023), а также на международных круглых столах «Speaking plants in the languages of Global and Chinese capitalism» (г. Лондон – г. Оломоуц, 2021), «Неформальная занятость в современном обществе: новая реальность или обновленная архаика» (г. Москва, 2021). Результаты исследования

использовались при разработке и проведении лекционных и практических занятий в Бурятском государственном университете им. Д. Банзарова.

Объем и структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, двух глав, содержащих 5 параграфов, заключения, приложения и библиографического списка литературы, включающего 241 наименование. По теме исследования опубликовано 11 статей, из них 6 по списку ВАК, общий объем публикаций составляет 5,0 п.л.

Соответствие диссертации Паспорту научной специальности ВАК. Исследование выполнено по специальности 5.4.4. – «Социальная структура, социальные институты и процессы»: п. 1. «Социальная структура и социальная стратификация. Критерии социального расслоения»; п. 2. «Методологические подходы к изучению социальной структуры. Одномерность и многомерность стратификации»; п. 3. «Факторы изменения социально-стратификационной структуры. Процессы слоеобразования, их объективное и субъективное определение. Групповая социальная дистанция».

Достоверность и обоснованность результатов исследования основывается на широком анализе теоретических и методологических работ, связанных с темой исследования. В диссертации используются апробированные методы, не противоречащие накопленному в науке знанию. Материалы диссертационного исследования были обсуждены на конференциях различного уровня, опубликованы в рецензируемых журналах и изданиях. Репрезентативность выборки социологического исследования, соблюдение процедуры сбора эмпирических данных и анализа статистической информации позволили получить достоверные результаты и сделать обоснованные выводы.

Глава 1. Социальная стратификация как объект социологического изучения

1.1. Теоретические подходы к изучению социальной стратификации

Значительные изменения во всех сферах мирового сообщества, интенсивно происходящие в последние десятилетия, приобретают качественно новые характеристики. Это вызвано объективными и субъективными факторами, одними из которых являются глобализация, а также мировой экономический кризис и возрастающая интенсивность миграционных процессов, что, несомненно, влияет на специфику социальной структуры конкретных обществ и актуализирует проблему изучения социальной стратификации.

Наряду с понятием «социальная стратификация» в социологии употребляются категории «социальное расслоение» и «социальная дифференциация». И если социальное расслоение можно рассматривать как понятийный аналог термина «социальная стратификация», которая отражает процесс иерархического структурирования групп людей на разных уровнях по одному или нескольким критериям, то «социальная дифференциация» рассматривается исследователями либо как более широкое понятие, включающее социальную стратификацию, либо как понятие, характеризующее определенные различия между личностями или группами, не обусловленные неравенством.

Изучение социальной стратификации общества – одна из важнейших тем социологической науки. Проблемы неравенства, расслоения общества и его социальной структуры интересовали еще древнегреческих философов Платона и Аристотеля, которые предлагали свои модели справедливого общества. Позднее Н. Макиавелли, Т. Гоббс, Дж. Локк, Ж. Ж. Руссо, Г. Гегель, А. Смит, Д. Риккардо, А. Сен-Симон, а также классики социологии О. Конт, В. Парето, Г. Спенсер, Э. Дюркгейм обосновывали существование социальных классов, или слоев, и связанных с ними различий и неравенств.

И уже К. Маркс, М. Вебер, П. А. Сорокин создали методологическую базу для понимания и изучения социально-стратификационных процессов в обществе. Их подходы, связанные с возможностями исследования одно- и многомерной, вертикальной и горизонтальной стратификации, а также социальной мобильности активно используются нашими современниками.

В целом же за несколько веков существования социологии как самостоятельной науки предложено множество подходов и концепций изучения социальной стратификации общества как зарубежными, так и отечественными социологами.

В их числе экономический стратификационный подход К. Маркса и Э. Дюркгейма; политический стратификационный подход М. Вебера, Л. Гумпловича, Г. Моска; концепция элитарной стратификации В. Парето; теория социальной стратификации и социальной мобильности П. Сорокина; концепция структурного функционализма К. Дэвиса, У. Мура, Т. Парсонса, Л. Уорнера, Р. Мертонса; теория неравенства жизненных шансов М. Вебера; концепция «менеджерального общества» А. Берля, Дж. Бернхэма, Г. Минза; теория социального конфликта Р. Дарендорфа, Л. Козера, Р. Миллса; стратификационные концепции Дж. Голдторпа, Ф. Паркия, Э. Райта, Г. Брейвермана; концепция профессионального престижа Д. Траймана; ресурсный подход Э. Соренса; концепция постиндустриального общества Д. Белла, А. Гоулднера, А. Турена; теория капитала и социальных полей П. Бурдьё; теория структуризации Э. Гидденса; концепция социальных ценностей М. Кона; психологическая стратификационная концепция Р. Сентерса; социально-психологическая концепция личности В. А. Ядова; этакратическая модель стратификационной структуры общества В. В. Радаева, О. И. Шкаратана; деятельно-структурная концепция Т. И. Заславской; комплексный классовый подход Н. Е. Тихоновой, Л. А.

Беляевой; многомерный иерархический подход М. К. Горшкова, З. Т. Голенковой¹.

Рассмотрим некоторые классические теории, которые послужили базой для создания последующих концепций, а также проанализируем взгляды отечественных социологов об изучении социальной стратификации российского общества с точки зрения возможностей их применения для исследования регионального сообщества.

Марксистская теория (К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин), основанная на принципах экономического детерминизма и рассматривающая в качестве двигателя истории противоречия между классами, позволяет построить одномерную модель классовой стратификации, связанную с отношением к формам собственности (владение и распределение) и объемом получаемого дохода.

Веберианская (М. Вебер) предлагает для анализа общества помимо экономического фактора, использовать еще и такие критерии, как власть и престиж. В итоге, появляется возможность построить многомерную модель стратификации общества. Следует отметить, что М. Вебер предпочитал эволюционную концепцию развития общества, в отличие от революционного преобразования, обоснованного марксистами. Позднее появилось множество вариаций веберовской теории, получившей название «*неовеберианство*» (Р. Дарендорф, Р. Коллинз, Ф. Паркин, Э. Гидденс и др.).

Теория социальной стратификации и социальной мобильности П. А. Сорокина анализирует иерархию социальных классов (вертикальную и горизонтальную), основанную на неравном распределении прав, привилегий, ответственности, обязанностей, социальных ценностей, власти. Концепция позволяет определить положение индивидов и социальных групп в многомерном социальном пространстве, построить многомерную модель социальной стратификации.

---

¹ Алексеенок А. А. Структура среднего класса в современном российском обществе: специфика идентификации и пути оптимизации. Орёл: Изд-во ОФ РАНХиГС, 2014. С.12–13.

Структуралистский подход (О. Конт, К. Леви-Стросс) рассматривает общество как структурированную систему отношений разных социальных групп, построенную по принципу иерархии. При этом положение индивида в обществе и его шансы на продвижение вверх во многом определяются тем, в какой социальной группе он находится, ее статусом, организацией распределения доходов в обществе, приходящейся на эту группу и, соответственно, ресурсообеспеченностью группы на рынке возможностей.

Функционализм (Т. Парсонс, Р. Мертон, Уорнер, К. Дэвис, У. Мур) анализирует общество как систему, элементами которой выступают индивиды, которых можно дифференцировать по некоторым показателям. Эти индивиды обладают разного рода ресурсами, связанными с их мотивацией, достижениями и успехами, соответственно, те, кто накопил больше ресурсов в количественном отношении, относятся к высшему классу, те, у кого их меньше, – это низший класс, а промежуточное звено составляет средний класс.

Впоследствии эти две концепции были объединены, и в настоящее время *структурно-функциональный подход* является одной из наиболее эффективных методологий исследования социальной стратификации современного стабильного общества, дающей возможность на основе анализа множества критериев построить многомерную модель социальной стратификации.

Теория капиталов П. Бурдьё рассматривает индивидов как элементы социальной структуры, обладающих разными видами капиталов и различным их содержанием, что создает условия для появления неклассовой социальной стратификации в обществе, которая имеет способность воспроизводиться. П. Бурдьё выделяет экономический, культурный и социальный капиталы индивидов, которые в конечном итоге влияют на обретение индивидами своих статусов, определяют формы их поведения, возможности социальной вертикальной мобильности и место в социальной иерархии.

Проанализируем более подробно содержательные характеристики обозначенных концепций.

Марксистская теория дает обоснование природы социального неравенства и формирования определенных типов социальной структуры общества. Центральное место в ней занимают учение о классах и классовом подходе к оценке социальных явлений. Появление классов вызвано общественным разделением труда и отношением к собственности.

По мнению К. Маркса, в обществе существуют собственники рабочей силы, собственники капитала и земельные собственники (три больших класса), источниками их доходов являются заработная плата, прибыль и земельная рента соответственно. Однако кроме классов есть промежуточные социальные слои (между классами или внутри них)¹.

Наиболее объемное и содержательное понятие классов сформулировал В. И. Ленин: «Классы – это большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а, следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Классы – это такие группы людей, из которых одна может присваивать труд другой благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства»².

Марксисты были уверены, что при капитализме постепенно происходит масштабная поляризация общества, которая ведет к революционному столкновению классов, с одной стороны класс эксплуататоров-собственников, с другой – эксплуатируемые-наемные рабочие. То есть классовая борьба – это основная движущая сила общества и капиталистический строй неизбежно сменится коммунистическим. Таким

---

¹ Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 3, кн. 3. Ч. 2, гл. 52. С. 963–964. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.esperanto.mv.ru/Marksismo/Kapital3/kapital3-52.html#c52> (дата обращения 10. 08. 2021).

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. Изд. 5. М: Изд-во полит. литературы., 1970. С. 15.

образом, в построении марксистской модели социальной структуры и социальной стратификации общества главным критерием является отношение индивидов и социальных групп к собственности.

Поэтому критика марксистской теории связана с тем, что акцент в ней делался на классовой борьбе и предлагался один критерий стратификации, который дает возможность построить вертикальную одномерную модель, не отражающую в полной мере картины расслоения общества, связанной с иными критериями.

В Манифесте Коммунистической партии К. Маркс и Ф. Энгельс характеризуют современную на тот момент модель стратификации европейского общества, представляющего собой пирамиду с широким основанием, в которой за счет углубления экономической дифференциации средний слой беднеет и уменьшается, положение пролетариата ухудшается, а богатство концентрируется в руках небольшой группы богатых собственников. То есть в основании пирамиды – широкий слой обедневшего пролетариата, далее – узкий слой средних классов и на вершине пирамиды крошечная группа магнатов капитала¹.

Другой представитель классической социологии – М. Вебер обосновал многомерную систему, выделяя несколько критериев стратификации – доход (экономический статус), власть (политический), престиж (социальный). Различия в доходах ведут к появлению экономических классов, во властных полномочиях – к политическим партиям, в престиже – к стратам².

По мнению Вебера, классы не являются сообществами; они представляют чаще всего только возможную основу совместных действий... «Класс – это любая группа людей, имеющих один и тот же классовый статус. Можно выделить следующие типы классов: а) класс как «класс собственников», в котором классовый статус индивидов детерминирован

---

¹Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. 1848. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.marxists.org/russkij/marx/1848/manifesto.htm> (дата обращения 15.10.2022).; Сорокин П. А. Социальная мобильность / пер. с англ. М. В. Соколовой; под общей ред. В.В. Сапова. М.: Academia; LVS, 2005. С. 29.

² Вебер М. Основные понятия стратификации // Социологические исследования. 1994. № 5. С. 147–156.

прежде всего дифференциацией размеров владений; б) класс как «стяжательный класс», в котором классовая ситуация индивидов детерминирована прежде всего их возможностями эксплуатировать услуги на рынке; в) класс как «социальный класс», структура которого состоит из разнообразного множества классовых статусов, между которыми вполне возможно или наблюдается как типичный факт взаимное изменение индивидов, происходящее на персональной основе или в рамках нескольких поколений. На базе любого из этих трех типов классовых статусов могут возникать и развиваться ассоциативные отношения между теми, кто разделяет одни и те же классовые интересы, например, корпоративный класс. Тем не менее, это не обязательно всегда так и происходит. Понятия класса и классового статуса как таковые обозначают только факт тождественности или похожести в типичной ситуации»¹.

Также М. Вебер рассмотрел «статусные группы», которые в определенной мере отражают престиж групп и занимают разное классовое положение. У них формируется другой образ жизни, связанный со стилем общения, поведения, потребления. Стратификацию создают группы с разными статусами².

Необходимо отметить, что К. Маркс разрабатывал свою стратификационную концепцию для целей анализа противоречий, лежащих в основе развития общества, и сосредотачивал внимание прежде всего на отношениях полярных классов – рабочих и капиталистов. Различие между ними было связано, по его мысли, с особенностями объектов собственности этих классов, один из которых выступал собственником капитала, другой – способности к труду. Естественно, что для М. Вебера на первый план выходит уже не диалектика развития самого общества в ходе разрешения противоречий, дошедших до стадии антагонистических, а множественность социальных различий вообще, культурных в особенности. В центре его

---

¹ Там же. С. 147–156.

² Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 511–512.

внимания – не развитие, а различия, не производство, а культура. Однако социальные позиции М. Вебера, как и К. Маркса – это не столько конструкты для построения модели социальной структуры общества, сколько факторы, в конечном счете определяющие социальные действия индивидов. Поэтому особый акцент М. Вебер делал на то, что представители одного класса имеют обычно сходные стили поведения и жизненные шансы, обуславливающие стратегии действий выходцев из соответствующих классов, а также на осознание своей идентичности, влияющей на их социальные действия¹.

Огромный вклад в развитие теории социальной стратификации внес российский ученый П. А. Сорокин, крупнейший социолог XX в., автор фундаментальных трудов «Социальная мобильность» (1927 г.), «Социальная и культурная динамика» (1937-1941 гг.). Он разработал теорию социальной стратификации и социальной мобильности. В своих трудах обосновал основные положения иерархического видения общества, представляющего собой социальное пространство. «Социальное пространство обладает множеством измерений и чем более дифференцировано население, тем больше этих измерений... Однако можно сократить число измерений до двух основных классов, при условии разделения каждого класса на несколько подклассов. Эти два основных класса можно определить как вертикальные и горизонтальные измерения социальной вселенной. ...Найти положение человека или социального явления в социальном пространстве – значит определить его место по сравнению с другими людьми и другими социальными явлениями, выбранными в качестве «точек отсчета»².

По его мнению, «социальная стратификация означает дифференциацию некой данной совокупности людей на иерархически соподчиненные классы. Она проявляется в наличии высших и низших слоев. Ее основа и сама сущность состоит в неравномерном распределении прав и привилегий,

---

¹Тихонова Н. Е. Ресурсный подход как новая теоретическая парадигма в стратификационных исследованиях // Социологические исследования. 2006. № 9. С. 28–30.

² Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонов / пер. с англ. С. А. Сидоренко. М.: Политиздат, 1992. С. 298–301; Сорокин П. А. Социальная мобильность / пер. с англ. М. В. Соколовой; под общей ред. В. В. Сапова. М.: Academia; LVS, 2005. С.3–6.

обязанности и ответственности, социальных благ и лишений, социальной власти и влияния среди членов того или иного сообщества. Конкретные формы социальной стратификации разнообразны и многочисленны»¹.

Он выделял стратификацию *экономическую*, которая характеризует «факт экономического неравенства, которое выражается в различии доходов, экономических стандартов, в существовании богатых и бедных слоев населения», *политическую*, которая означает, что «социальные ранги в пределах группы иерархически соподчинены в отношении их авторитета и престижа, почестей и званий, то есть существуют управляющие и управляемые» и *профессиональную*, согласно которой «члены общества разделяются на разные группы по роду их занятий, причем некоторые профессии считаются более престижными, чем другие, члены той или иной профессиональной группы делятся на руководителей с различным уровнем властных полномочий и на тех, кто им подчиняется»².

П.А. Сорокин одним из первых ввел в научный оборот понятие «социальная мобильность», под которой понимал «любое перемещение индивидуального или социального объекта или ценности – всего, что создано или модифицировано человеческой деятельностью, – из одного положения в другое», выделяя при этом два принципиально разных типа социальной мобильности – горизонтальную (без смены социального статуса) и вертикальную (со сменой социального слоя), которая может быть как восходящей, так и нисходящей³.

Позже взгляды П. А. Сорокина получили свое развитие в структурном функционализме, где акцент был сделан на иерархии социальных статусов и ролей, иерархии функций, осуществляющихся отдельными людьми или группами и получающими вознаграждение в зависимости от их значимости для общества.

---

¹ Сорокин П. А. Социальная мобильность / пер. с англ. М. В. Соколовой; под общей ред. В. В. Сапова. М.: Academia; LVS, 2005. С. 8.

² Там же. С. 9–10.

³ Там же. С. 119–120.

Так, представитель структурного функционализма Т. Парсонс выделяет три группы дифференцирующих признаков: 1) признаки, присущие индивидам по рождению (половозрастные особенности, этническая принадлежность, физические и интеллектуальные способности); 2) признаки, связанные с исполнением социальных ролей (трудовая и профессиональная деятельность); 3) признаки обладания чем-либо (собственность, материальные и духовные ценности, привилегии). Социальную стратификацию Т. Парсонс рассматривал как ранжирование индивидов конкретной социальной системы в зависимости от основных потребностей общества, связанных с достижением целей, адаптацией, интеграцией общества и сохранением в нем определенных ценностей и социальных норм. Для реализации этих потребностей применяются различные инструменты: политика для достижения цели, церковь и СМИ – для интеграции, экономика – для адаптивной подсистемы, юстиция и мораль – для поддержания норм и ценностей¹.

Т. Парсонс главной задачей считал поиск социальной стабильности, выделяя критерии престижа и власти в качестве главных дифференцирующих оснований. По его мнению, социальная стратификация обусловлена господствующими в обществе культурными стандартами и ценностями, в соответствии с чем в разное время и в различных обществах меняются критерии, определяющие социальный статус.

Еще один представитель структурного функционализма У. Л. Уорнер анализирует социальное неравенство исходя из критерия социального престижа. Так же как и Т. Парсонс, он считал, что виды человеческой деятельности ранжируются определенным образом на основании главенствующей в обществе системы ценностей.

Функциональную природу социального неравенства последовательно рассмотрели также К. Девис и У. Мур. Под стратификацией они понимали

---

¹ Парсонс Т. Система координат действия и общая теория систем действия: культура, личность и место социальных систем // Американская социологическая мысль: тексты. М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 448–464.

неравномерное распределение материальных благ и общественного престижа, которое зависит от функциональной важности (значимости) позиции. При этом социальная стратификация позитивно функциональна и неизбежна в любом обществе, потому что там есть позиции более важные и менее важные; только небольшое число людей обладает способностями выполнять ответственные функции; чтобы побудить людей получать образование, общество открывает им доступ к дефицитным благам; неравный доступ к благам ведет к тому, что разные страты пользуются неодинаковым престижем и уважением; престиж и уважение плюс права и преимущества создают институционализированное неравенство, т.е. стратификацию¹.

И если в XIX–XX вв. хорошее образование и важная профессия фактически гарантировали высокий престиж в обществе и доступ к ресурсам, то в российском трансформирующемся обществе конца десятилетий XX – начала XXI вв. данные подходы уже не всегда могли объяснить существующие противоречия. Так, профессия и образование обесценивались, а на верхней ступени иерархии нередко оказывались наиболее богатые, добывавшие свои материальные ценности не всегда законными и трудовыми способами, причем зачастую это были люди без должного образования и не имеющие престижных профессий. В последнее десятилетие ситуация изменилась и наиболее важными критериями для восходящей вертикальной мобильности наряду с доходом, вновь становятся образование и власть.

Во второй половине XX в. стала популярна концепция капиталов П. Бурдьё, который стратифицирует общество в зависимости от обладания человеком или группой тем или иным капиталом. *«Экономический капитал непосредственно и напрямую конвертируется в деньги и институционализируется в форме прав собственности; культурный конвертируется в экономический капитал и может быть институционализирован в форме образовательных квалификаций;*

---

¹ Радаев В. В., Шкаратан О. И. Социальная стратификация М.: Аспект Пресс. 1996. С. 93–96.

социальный капитал образован социальными обязательствами («связями») и конвертируется в экономический капитал»¹.

То есть основой расслоения в обществе по П. Бурдье становится различный объем сложного по структуре совокупного капитала индивида, при этом степень ценности ресурсов генерируется ситуацией дефицита, которая и определяет место человека или группы в системе социальной стратификации².

Таким образом, классическая социологическая мысль XIX–XX вв. благодаря наличию многообразных теоретических подходов в объяснении природы социальной стратификации и неравенства, некоторые из которых мы проанализировали, достигла серьезных успехов и создала методологическую базу для исследования дифференциации общества. Последующие теории и подходы, обосновывающие принципы исследования социальной стратификации, были, как правило, вариациями уже созданных концепций.

Однако применимость данных теорий и подходов для анализа современного российского общества связана с некоторыми ограничениями либо самих теорий, не всегда позволяющих построить достаточно объективную и репрезентативную, на анализе множества параметров, модель социальной стратификации, либо со сложностью трансформационных процессов, протекающих в нашей стране, которые обуславливают получение не всегда однозначных результатов и, соответственно, формулирование не совсем корректных выводов.

В то же время критическое осмысление классической методологии дает возможность более предметно и с учетом произошедших изменений и преобразований в трансформирующемся обществе исследовать проблему социальной стратификации и социального неравенства. Следует отметить,

---

¹ Бурдье П. Формы капитала (перевод М.С. Добряковой). Экономическая социология (электронный журнал). Т. 3. № 5. Ноябрь 2002. С. 60–75. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208205039/ecsoc_t3_n5.pdf (дата обращения 10.11.2022).

² Тихонова Н. Е. Ресурсный подход как новая теоретическая парадигма в стратификационных исследованиях // Социологические исследования. 2006. № 9. С. 28–41.

что в российской науке не существует единого научного мнения по поводу наиболее приемлемой методологии изучения российского общества, выделяемых критериев и соответственно выстраиваемых моделей социальной стратификации. Разные исследователи, школы и учреждения используют те парадигмы, которые, по их мнению, наиболее подходят как для теоретического, так и эмпирического анализа, руководствуясь при этом целями и задачами конкретных исследований.

Остановимся на анализе основных теоретических подходов к изучению социальной стратификации в отечественной социологии, применяемых для изучения современного российского общества.

Следует отметить, что экономические и политические реформы начала 90-х гг. XX в. в России привели к кардинальным изменениям общественных и экономических отношений, многообразию форм собственности, изменению социальных институтов: экономических, политических, культурных и т. д. В итоге стала складываться иная социальная структура и социальная стратификация, появляться новые социальные неравенства, что создало предпосылки и серьезные основания для глубокого изучения происходящих преобразований современного российского общества.

Отметим, что значительный вклад в разработку проблематики внесли Т. И. Заславская, Ю. В. Арутюнян, З. Т. Голенкова, Н. А. Беляева, В. В. Радаев, О. И. Шкаратан, Н. М. Римашевская, Н. Е. Тихонова, В. И. Ильин, Е. Д. Игитханян, В. И. Добренев, В. А. Ядов, М. Н. Руткевич, Ж. Т. Тощенко, В. П. Култыгин, Н. А. Аитов, Р. В. Рывкина, М. К. Горшков, А. С. Балабанов, Л. А. Беляева, М. Ф. Черныш и др. Их фундаментальные труды стали теоретико-методологической основой дальнейших исследований по социальной стратификации российского общества.

Так, Т. И. Заславская проанализировала социальную стратификацию российского общества 90-х гг. XX в., взяв в качестве основных критериев политический, экономический и социокультурный потенциалы, а для идентификации социальных групп использовала 10 переменных: уровень

образования, самооценка квалификации, основное занятие, основной род деятельности, отрасль занятости, сектор экономики по форме собственности, размер предприятия по числу работников, профессионально-должностная группа, качественная ступень благосостояния по специально сконструированной шкале доходов. Она сделала вывод, что базовая часть российского общества состоит из четырех слоев. Верхний слой, к которому отнесла крупных и средних предпринимателей с элитой. Средний, состоящий из мелких предпринимателей, полупредпринимателей, руководителей производства, администраторов непромышленной сферы, высшей интеллигенции, рабочей элиты и военнослужащих. Базовый слой представлен массовой интеллигенцией, полуинтеллигенцией, индустриальными рабочими, массовыми работниками торговли и сервиса, крестьянами. Низший слой – это городские неквалифицированные рабочие и младший обслуживающий персонал¹.

В то же время ею было отмечено, что в выборку исследования ВЦИОМ, на основе результатов которого Т. И. Заславская структурировала российское общество, не попали представители еще двух труднодоступных слоев – это немногочисленный слой политической и экономической элиты, а также полукриминальное «социальное дно», представляющее большую социальную опасность в кризисные периоды.

В своих работах исследователь отмечала, что происходит углубление социальных различий между слоями, а социальная структура российского общества становится все более неравновесной, поскольку основную его часть составляет депривированный базовый слой, находящийся в крайне неблагоприятном положении. Главными индикаторами материального положения социальных групп и слоев, по ее мнению, служат уровень и динамика реальных доходов.

---

¹ Заславская Т. И. Стратификация современного российского общества // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 1996. № 1. С. 7–15.

Графическая модель социальной стратификации российского общества (90-е гг. XX в.), по Т. И. Заславской, имела форму пирамиды (треугольника) с широким основанием, представленным низкодходными слоями.

Для анализа стратификационного строения общества Л. А. Беляевой была применена процедура кластерного анализа¹. В результате вся совокупность респондентов разделена на слои (кластеры), имеющие близкие характеристики и не выходящие за значения некоторого порога, отделяющего один кластер от другого. В основу анализа положены три критерия – наличие властных функций, материальный уровень жизни и образование. Таким образом, автор выделила слои (кластеры): высокостатусные (6%), эксперты (20%), реалисты (38%), новые бедные (11%), старые бедные (25%)². И модель социальной стратификации на начало 2000-х гг. у нее также имела форму пирамиды с широким основанием, где располагались наименее обеспеченные слои.

Кроме того, рассматривая доходное неравенство в России (по абсолютному подходу – на основе данных статистики), Л. А. Беляева делает вывод, что существует значимая дистанция между теми, кто достиг относительного материального благополучия, позволяющего вести социально приемлемый образ жизни, и теми, кто лишен возможности удовлетворять свои потребности и имеет ограниченные ресурсы для развития человеческого потенциала и повышения социального и материального статуса. Опираясь на результаты социологического мониторинга 1994–2015 гг., проведенного ИФ РАН, по самооценке респондентов (модель субъективной стратификации) Л. А. Беляева выделила по состоянию на 2015 г. условные доходные группы населения: «нищие» (11%), «бедные» (18%), «необеспеченные» (22%), «обеспеченные» (33%), «зажиточные» (9%),

---

¹ Кластерный анализ – это многомерная статистическая процедура, выполняющая сбор данных, содержащих информацию о выборке объектов и упорядочивающая объекты в сравнительно однородные группы (кластеры). Кластер – группа элементов, характеризующихся общим свойством, главная цель кластерного анализа – нахождение групп схожих объектов в выборке.

² Беляева Л. А. Социальные слои в России: опыт кластерного анализа // Социологические исследования. 2005. № 12. С. 11.

«богатые» (2%), динамика численности которых существенно менялась на протяжении 20 лет – несколько уменьшалась численность «нищих», «бедных» и «необеспеченных», в то время как наблюдался рост числа «обеспеченных». Что касается «зажиточных» и «богатых», то их численность, которая в целом по выборке опрошенных составила небольшую часть, колебалась как в ту, так и другую стороны¹.

Если графически изобразить эту модель социальной стратификации (2015 г.), то она будет иметь уже не форму пирамиды, а форму ромба, где наиболее полярные группы составляют «нищие» и «богатые», в то время как треть опрошенных представлена «обеспеченными».

Также можно выделить ресурсный подход при исследовании социальной стратификации российского общества. В качестве критериев стратификации представители этого направления выделяют объем и структуру ресурсов (капиталов, активов), которыми располагают индивиды и которые несводимы не только к традиционному экономическому капиталу, но и к сумме экономического, человеческого и властного капиталов. Особое внимание уделяется ресурсам, вытекающим из характера социализации, особенностей поведения, общего уровня культуры и т.п., рассматривавшийся ранее только как следствие экономического статуса, а также физиологическим (здоровье, возраст, пол), символическим, личностным и другим ресурсам².

Так, О. И. Шкаратан предложил свой перечень ресурсов, которые необходимо учитывать при применении ресурсно-потенциального подхода, а также предпринял попытку эмпирически измерить наличие видов ресурсов применительно к работающему населению России, определив наиболее адекватные этой задаче методы (построение интегральных индексов и кластерный анализ). На основе анализа эмпирических данных сделал ряд

---

¹ Беляева Л. А. Доходное неравенство в российском обществе: социальные последствия и проблемы // Вестник Института социологии. 2018. № 26. С. 94–95.

² Тихонова Н. Е. Ресурсный подход как новая теоретическая парадигма в стратификационных исследованиях // Социологические исследования. 2006. № 9. С. 28–41.

важных выводов о том, что в разные периоды и в зависимости от ситуации в месте проживания даже в одном типе общества востребованы разные компоненты ресурсного потенциала индивидов. По его мнению, социальная стратификация – это иерархическое деление общества на социальные группы, представители которых обладают разными жизненными шансами и различным стилем жизни. При этом основными критериями выступают власть, собственность и престиж. Дополнительными – человеческий, культурный и социальный капиталы. Степень значимости и ранжирование критериев социальной стратификации определяется господствующей в нем системой ценностей¹.

Исследователь считает, «что в России сложилась специфическая дуалистическая социальная стратификация, сочетающая сословную (доминирующую) и социально-профессиональную иерархии. Первая есть продукт преобладания властно-собственнических отношений, а вторая – продукт отношений, складывающихся на рынке труда².

Особое место в развитии ресурсного подхода занимают работы В. В. Радаева, с точки зрения которого любая стратификационная система образуется «особым типом социального расслоения и способом его воспроизводства на основе различий в накопленном капитале определенного вида». При этом в числе основных типов капитала, определяющего социальное неравенство, он выделил: 1) экономический; 2) физиологический, включающий здоровье, трудоспособность, наличие определенных физических качеств; 3) культурный, воплощенный в практическом знании и навыках социализации и проявляющийся в стилях жизни, нормах поведения, потребительских вкусах и т.д.; 4) человеческий, обусловленный разницей полученного образования и имеющейся квалификации; 5) социальный, обусловленный количеством и характером социальных связей, которые могут быть мобилизованы индивидом; 6) административный,

---

¹ Шкаратан О. И. Социология неравенства. Теория и реальность. М.: Изд. дом НИУ ВШЭ, 2012. С. 87.

² Там же. С. 11.

дифференцирующий по положению в организационных иерархиях в рамках корпоративной организационной системы; 7) политический, создающий дифференцированные возможности в борьбе за ресурсы; 8) символический, возникающий из-за различий в доступе к социально значимой информации. Детальный анализ этих типов капитала позволил В. В. Радаеву сформулировать вывод о том, что во всех известных обществах в основе стратификации лежат различия в накопленном капитале¹.

Наиболее широко ресурсный подход обоснован Н. Е. Тихоновой, опубликовавшей монографию и статьи на тему ресурсообеспеченности населения. Она использует кластерный анализ для построения многомерной модели социальной стратификации на основе нескольких критериев – властных, экономических, социальных, квалификационных, культурных. В итоге выделяет три класса: класс исполнителей (класс рабочих), класс капиталистов (господствующий) и третий класс (средний), который расположен между двумя предыдущими. Российское общество, по мнению Н. Е. Тихоновой, делится на две большие группы – неблагополучную (низкоресурсную) и относительно благополучную (ресурсы которой приобретают качество актива или капитала), пропорции которых составляют 60 : 40².

Графические модели социальной стратификации российского общества по уровню жизни Н. Е. Тихоновой (2003, 2005, 2006, 2012 гг.) выглядят как ромбы с очень вытянутыми остриями верха и низа. Модель доходной стратификации российского общества по относительному подходу с использованием страновой медианы (2015 г.), разработанная Н. Е. Тихоновой, представляет уже практически равнобедренный ромб³.

---

¹Радаев В. В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // *Общественные науки и современность*. 2003. № 2. С. 5–16.

² Тихонова Н. Е. *Социальная структура России: теории и реальность*. М.: Новый хронограф; Ин-т социологии РАН, 2014. С. 362

³ Тихонова Н. Е. *Социальная стратификация в современной России: опыт эмпирического анализа*. М.: Институт социологии РАН, 2007. С. 55; Она же. *Социальная структура России: теории и реальность*. М.: Новый хронограф; Ин-т социологии РАН, 2014. С. 107. *Модель доходной стратификации российского общества: динамика, факторы, межстрановые сравнения* / Н. Е. Тихонова, Ю. П. Лежнина, С. В. Мареева,

В ресурсном подходе критериями стратификации являются объем и структура различных ресурсов (капиталов, активов), которыми располагают индивиды и которые сводятся не только к традиционному экономическому капиталу, но и к сумме экономического, человеческого и властного капиталов. В современных условиях в качестве новых видов ресурсов выступают характеристики индивидов, которые еще полвека назад, не представляли собой значимых видов ресурсов. К таковым можно отнести вытекающие из характера социализации особенности поведения, общий уровень культуры, а также физиологический, символический и личностный ресурсы, которые обобщенно можно назвать человеческим капиталом¹.

Ресурсный подход довольно интересен в стратификационных исследованиях. Однако данная модель учета ресурсов, активов и капиталов связана с определенными трудностями в эмпирических исследованиях, так как сложно зафиксировать, когда и какой ресурс становится активом и какой актив становится капиталом, т.е. необходимо исследовать взаимную конвертируемость экономического и других видов ресурсов, отследить и зафиксировать приобретение активами статуса капитала, обнаружив приносимую ими «прибавочную стоимость»².

Отдельно стоит выделить изыскания экономистов, посвященные доходной стратификации, являющейся предметом нашего диссертационного исследования, которые они проводят с целью изучения проблем бедности, доходных групп, а также анализа наименее обеспеченных слоев населения, как на основе абсолютного подхода с выделением прожиточного минимума, так и относительного – через выделение доходных децилей и квинтилей.

В. А. Аникин, А. В. Каравай, Е. Д. Слободенюк; под ред. Н. Е. Тихоновой. М.; СПб.: Нестор-История, 2018. С. 65.

¹Тихонова Н. Е. Ресурсный подход как новая теоретическая парадигма в стратификационных исследованиях // Экономическая социология. 2006. Т. 7. № 3. С. 28–41. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ecsoc.hse.ru/2006-7-3/26593119.html> (дата обращения 11.11.2018).

² Там же.

Анализ их взглядов проанализирован в статье В. А. Аникина и Ю. П. Лежниной, некоторые положения из которой мы представили ниже¹.

Так, М. Можина², наряду с рассмотрением 1-го, 5-го и 10-го децилей доходного распределения как маркерных для анализа стратификации по доходу групп, построила модель доходной стратификации, отталкиваясь от прожиточного минимума, когда к низкодоходным (бедным) группам относились семьи с душевым совокупным доходом не более одного прожиточного минимума, среднедоходным – от одного до трех, а к высокодоходным – более трех прожиточных минимумов. В российской литературе такой подход, весьма характерный для отечественных ученых, получил название «проминимумного».

В. Н. Бобков предложил модели доходной стратификации по потребительским бюджетам, в основе которого лежит БПМ (бюджет прожиточного минимума). Он выделяет, наряду с БПМ, восстановительные потребительские бюджеты (от 2 до 4 БПМ), потребительские бюджеты среднего достатка (от 4 до 11 БПМ), потребительские бюджеты высокого достатка (от 11 БПМ и выше). В своей модели доходной стратификации он выделяет следующие социальные слои: бедные (уровень ниже БПМ), низкообеспеченные (1–2 БПМ), обеспеченные ниже среднего уровня (2–4 БПМ), среднеобеспеченные (4–11 БПМ), высокообеспеченные (свыше 11 БПМ)³.

Т. Ю. Богомолова и В. С. Тапилина анализируют 10 доходных страт со следующими границами: до 0,5 ПМ; 0,51–1,0; 1,01–1,5; 1,51–2,5; 2,51–3,5; 3,51–4,5; 4,51–7,0; 7,01–10,0; 10,01–15,0; 15,01 и выше. Т. Ю. Богомолова использует также укрупненный вариант данной модели стратификации,

---

¹ Аникин В. А., Лежнина Ю. П. Экономическая стратификация: об определении границ доходных групп // Социологическое обозрение. 2018. Т. 17. № 1. С. 237–273.

² Можина М. А. Распределительные отношения: доходы и потребление населения (из науч. наследия) / под общ. ред. Н. М. Римашевской. М.: Гайнулин, 2001. 304 с.; Аникин В. А., Лежнина Ю. П. Экономическая стратификация: об определении границ доходных групп // Социологическое обозрение. 2018. Т.17. № 1. С. 237–267.

³ Бобков В. Н. Каким быть региональному неравенству качества и уровня жизни? // Мир России. 2009. Т. 18. № 3. С. 62–63. Аникин В.А., Лежнина Ю. П. Экономическая стратификация: об определении границ доходных групп // Социологическое обозрение. 2018. Т.17. № 1. С. 237–267.

рассматривая мобильность между четырьмя основными экономическими слоями: низшим (1 ПМ и меньше), нижним средним (1–2 ПМ), верхним средним (2–4 ПМ), а также высшим (более 4 ПМ)¹.

Н. М. Римашевская выделила в социальной структуре российского общества пять доходных групп: богатые и очень богатые (5%), высокообеспеченные (10%), среднеобеспеченные (20%), низкообеспеченные (30%), бедные и маргиналы (35%)². Изучив специфику российской бедности и факторы, приводящие к ней, она типологизирует бедность на трудовую, социальную, демографическую и молодежную³, а также разрабатывает подходы к определению и измерению бедности, ее масштабов и глубины, классифицирует слои бедных и маргиналов⁴.

Наряду с экономистами доходную стратификацию также исследуют социологи, опираясь в основном на относительный подход с выделением медианного значения дохода. Одними из первых это сделали Л. Хахулина и М. Тучек, которые на основе результатов международного социологического исследования, выполненного в Восточной Европе в 1993 г. (в бывших странах социалистического лагеря) построили для каждой страны модель доходной стратификации, основанную на соотношении подушевого дохода в домохозяйстве с медианным страновым доходом из шести групп, в том числе для России: нищие – меньше 0,25 среднедушевого дохода по выборке; бедные – от 0,25 до 0,5; нуждающиеся – от 0,5 до 0,75;

---

¹ Богомолова Т. Ю., Тапилина В. С. Экономическая стратификация: объективное и субъективное измерения // Социологические исследования. 1997. № 9. С. 28–40.; Они же. Экономическая стратификация населения России: динамический аспект // Социологические исследования. 2001. № 6. С. 32–43.; Они же. Бедность в современной России: измерение и анализ // Социология: 4М. 2006. № 22. С. 90–113; Богомолова Т. Ю. Экономическая мобильность населения России в пространстве «бедность-небедность»: траектории переходов в 1990-е и 2000-е гг. // SPERO. 2011. № 14. С. 41–56; Аникин В. А., Лежнина Ю. П. Экономическая стратификация: об определении границ доходных групп // Социологическое обозрение. 2018. Т. 17. № 1. С. 237–267.

² Римашевская Н. М. Социальная политика в стратегии российского развития: последствия экономических трансформаций // Россия и современный мир. 2003. № 4. С. 10.

³ Римашевская Н. М. Региональные особенности уровня и качества жизни. ИСЭПН РАН. М.: М-Студио, 2012. С. 20.

⁴ Римашевская Н. М. Бедность и маргинализация населения // Социологические исследования. 2004. № 4. С. 33–43.

среднеобеспеченные – от 0,75 до 1,25; относительный достаток – от 1,25 до 2; состоятельные, богатые – свыше 2 среднедушевых доходов по выборке¹.

Помимо научных центров, ряд показателей доходных неравенств отслеживается и статистическими органами нашей страны. При этом ФСГС РФ в публикуемых данных использует как абсолютный подход (при выделении бедных, оценке динамики численности групп с абсолютными интервалами доходов и т. д.), так и относительный (приводя данные о доходах представителей разных квинтилей и децилей, динамике численности групп с разным уровнем доходов по отношению к медиане и т. п.). Тем не менее в ключевом вопросе – выделении бедных – ФСГС РФ придерживается абсолютной методики измерения бедности, применяя в качестве порогового значения величину прожиточного минимума, рассчитываемого на основе стоимости минимальной потребительской корзины².

Кроме одномерной стратификации, основанной на анализе расслоения общества с помощью одного критерия, в качестве которого берется доход, можно использовать несколько критериев и тогда появляется возможность построить многомерную модель стратификации общества.

Представители Института социологии ФНИСЦ РАН, характеризуя социальную стратификацию российского общества, опираются на несколько критериев уровня жизни, связанных с доходами, недвижимостью, сбережениями, уровнем образования, профессией, квалификацией, властными полномочиями, а также самооценкой социального и материального статуса своей семьи. Так, по результатам их исследований к

---

¹ Хахулина Л. А., Тучек М. Распределение доходов: бедные и богатые в постсоциалистических обществах (некоторые результаты сравнительного анализа) // Мониторинг общественного мнения. 1995. № 1. С. 18–22.; Горшков М. К., Тихонова Н. Е. Бедность и бедные в современной России / под ред. М. К. Горшкова, Н. Е. Тихоновой. М.: Весь Мир, 2014. 304 с.; Давыдова Н. М. Депривационный подход в оценках бедности // Социологические исследования. 2003. № 6. С. 88–96; Динамика монетарных и немонетарных характеристик уровня жизни российских домохозяйств за годы постсоветского развития: аналитический доклад. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2014. 104 с.; Тихонова Н. Е. Феномен городской бедности в современной России. М.: Летний сад, 2003. 407 с.; Шевяков А. Ю. Социальное неравенство: тормоз экономического и демографического роста // Уровень жизни населения регионов России. 2010. № 5. С. 38–52.

² Аникин В. А., Лежнина Ю. П. Экономическая стратификация: об определении границ доходных групп // Социологическое обозрение. 2018. Т. 17. № 1. С. 237–267.

началу 2009 г. в модели стратификации российского общества выделялись две первые нижние страты, объединявшие 16% россиян, которые по своему реальному уровню жизни находились за чертой бедности (первая страта) и у черты бедности (вторая страта). Третья и четвертая страты представляли малообеспеченное население, в составе которого также выделялись две подгруппы. Третья страта – это подгруппа малообеспеченных, носящая промежуточный характер и объединяющая россиян, балансирующих на грани бедности (16%). Данную группу для краткости еще называют нуждающимися. В четвертую входит та часть россиян, которая живет на классическом для России уровне малообеспеченности и объединяет более четверти населения страны (27%). Уровень жизни, характерный для этой страты, является и «срединным» для конкретного региона проживания, и модальным, т.е. наиболее типичным. Поэтому данную часть населения именуют как собственно малообеспеченные. Страты с пятой по восьмую, включающие в себя не менее трети населения страны, представляют средние слои российского общества. Заметно различаясь между собой, они могут рассматриваться как относительно благополучные на общероссийском фоне. Таковыми являются и представители девятой и десятой страт, относимые, по оценкам общественного мнения, к категории богатых, однако принадлежащие, по меркам ведущих западных стран, скорее, к верхним слоям среднего класса (6–8%). Представители пятой–десятой страт составляют в совокупности благополучное население страны. То есть в России на начало 2009 г. 59% населения характеризовалось тремя параметрами уровня жизни: «ниже черты бедности», «на грани бедности» и в состоянии «малообеспеченности», тогда как 41% представляли относительно благополучные социальные слои¹.

Российское общество исследователи Института социологии ФНИСЦ РАН определяют как многомерное иерархически организованное социальное

---

¹ Алексеенок А. А., Ухорский М. В. Особенности становления и развития социальной структуры современного российского общества // Среднерусский вестник общественных наук. 2013. № 1. С. 18–25.

пространство (социальная стратификация), в котором социальные слои, группы, классы и другие социальные элементы дифференцированы по степени обладания властью, собственностью, социальным статусом, имеют свою систему ценностных ориентаций, ролевые функции. Такую социальную стратификацию можно рассматривать как структуру неравных социальных позиций индивидов, групп, классов, их соответствующее место в социальной иерархии¹.

Многомерный подход применяют также в исследованиях по выявлению российского среднего класса. Авторский коллектив под руководством Т. Малевой в 2000 г. провел крупнейшее в России исследование домохозяйств с целью выявления среднего класса. В качестве критериев стратификации были выбраны три обобщенных: материальная обеспеченность, социально-профессиональное положение, самоидентификация, каждый из которых в свою очередь уже включал несколько более узких критериев, группировка которых дала возможность создать модель социальной стратификации российского общества с выделением в ней весьма неоднородного среднего класса (20%)².

Исследование, основанное на применении множества критериев для построения многомерной модели стратификации и выявления основных характеристик среднего класса современного российского общества, осуществила А. А. Алексеенок, которая выделила такие критерии стратификации, как материально-имущественный, социально-профессиональный, самоидентификационный и рекреационно-досуговый³.

При изучении социальной стратификации невозможно обойти проблему социального неравенства. Наиболее фундаментальные работы по

---

¹ Свобода. Неравенство. Братство. Социологический портрет современной России / под общ. ред. чл.-корр. РАН М. К. Горшкова; Ин-т социологии РАН. М.: Российская газета. 2007. 448 с.; Россия в глобальных процессах: поиски перспективы Российская акад. наук, Ин-т социологии / отв. ред. М. К. Горшков. М. 2008. 319 с.

² Средние классы в России: экономические и социальные стратегии / под ред. Т. Малевой. М.: Гендальф, 2003. С. 430–432.

³ Алексеенок А. А. Средний класс в современном российском обществе: специфика идентификации, социальная структура, перспективы воспроизводства: дис. док-ра социол. наук. Белгород, 2017. С. 19.

разным типам неравенств имеются у О. И. Шкаратана, А. Б. Гофмана, С. В. Мареевой, М. К. Горшкова, Н. Е. Тихоновой, Л. М. Дробижевой, Н. В. Зубаревич и др.

Так, по мнению О. И. Шкаратана: «Сохраняется острая потребность в целостном, систематическом и основанном на новейшем социально-теоретическом знании, анализе проблем социального неравенства в современном мире, в котором реалии конкретных обществ рассматривались как бы во взаимосвязи с глобальными политическими, экономическими и социокультурными трансформациями всего человечества»¹. Характеризуя российскую действительность с точки зрения отбора индикаторов для анализа неравенства, исследователь делает вывод, что в современной России сформировался своеобразный тип социальной стратификации в виде переплетения сословной иерархии и элементов классовой дифференциации, устойчиво воспроизводящийся в течение последних лет².

А. Б. Гофман считает, что «как социологи мы всегда должны стремиться к максимально ясным и точным вопросам и ответам относительно того, кто, кому, когда, в чем, почему и зачем должен быть равен или неравен. Тогда наше представление об обсуждаемом предмете перестанет носить упрощенный дихотомический характер и станет более основательным, конкретным и более адекватным такому сложному явлению, как равенство и неравенство в социальной жизни. А это в свою очередь позволит нам более серьезно и реалистично подходить к теории и практике социальной справедливости, к разработке и осуществлению экономической и социальной политики»³.

Исследовательский коллектив Института социологии ФНИСЦ РАН под руководством Л. М. Дробижевой на протяжении многих лет осуществлял мониторинг ресурса межнационального согласия, а также изучал

---

¹ Шкаратан О. И. Социология неравенства. Теория и реальность. М.: НИУ ВШЭ, 2012. С. 9.

² Шкаратан О. И. Социально-экономические неравенства в современном мире и становление новых форм социального расслоения в России // Мир России. 2018. № 2. С. 6–35.

³ Гофман А. Б. Мартовские тезисы о социологии равенства и неравенства // Социологические исследования. 2004. № 7. С. 23–26.

особенности этносоциального неравенства в полиэтнических российских регионах, в том числе в республиках. Была исследована роль, которую играет этничность в формировании представлений о социальном неравенстве, и то, как социальная дифференциация этнических групп влияет на интеграцию в современном российском обществе. Предметом анализа являлось реальное или воспринимаемое людьми социальное неравенство этнических групп. В опубликованных статьях и монографиях сделан вывод о том, что проблема адекватности, справедливости выстраивающихся социальных иерархий, в том числе этнической, клановой, территориальной, социальной стратификации в целом становится одной из центральных в современном российском обществе¹.

В работах М. К. Горшкова, Н. Е. Тихоновой, С. В. Мареевой изучалось отношение населения к существующим социальным неравенствам, восприятие степени их справедливости и легитимности отдельными социальными группами, реальные возможности по преодолению дифференциации населения в современной России².

Межрегиональное неравенство в России проанализировано в трудах Н. В. Зубаревич, которая рассмотрела факторы и барьеры регионального развития, их специфику, а также тенденции регионального неравенства, особенности российской региональной политики и возможные направления ее модернизации³.

По сути, социальные неравенства являются характеристиками социально-стратификационных процессов, однако «... для социальной

---

¹ Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность / авт. проекта и отв. ред. Л. М. Дробижева. М.: Academia, 2002. 480 с. Межнациональное согласие в общероссийском и региональном измерении. Социокультурный и религиозный контексты / отв. ред. Л. М. Дробижева. М.: ФНИСЦ РАН, 2018. 552 с.

² Социальное неравенство в социологическом измерении: аналитический доклад / ИС ФНИСЦ РАН. М., 2006. 135 с.; Свобода. Неравенство. Братство. Социологический портрет современной России / под общ. ред. чл.-корр. РАН М. К. Горшкова; Ин-т социологии РАН. М.: Российская газета. 2007. 448 с.; Мареева С. В. Социальные неравенства и социальная структура современной России в восприятии населения // Вестник Института социологии. 2018. № 26. С. 101–120.

³ Зубаревич Н. В. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. М., 2010. 160 с.; Зубаревич Н. В. Территориальное неравенство доходов населения России и других крупных постсоветских стран // Региональные исследования. 2014. № 4. С. 100–109.

стратификации значимы только те неравенства, которые ведут к неодинаковой доступности значимых ресурсов в условиях их ограниченности или свидетельствуют о наличии существенной дифференциации в этой области»¹.

При анализе региональных социально-стратификационных процессов в Республике Бурятия нас будет интересовать насколько эти процессы отличаются от общероссийских тенденций, с чем связана их специфика, какие сложились модели стратификации и их динамика, что предпринимают представители разных социальных слоев для того, чтобы адаптироваться в условиях трансформации российского общества, какие факторы расслоения имеют наибольшее значение в вертикальных моделях стратификации.

Социальную стратификацию в работе мы рассматриваем как упорядоченную и иерархически структурированную систему расположения различных социальных страт в социальном пространстве, основанную на неравенстве шансов, возможностей и степени доступности благ для разных социальных страт. Социальная стратификация конкретного общества не статична, видоизменяется в зависимости от эпохи или периода и характеризует динамику социальных групп с присущими им статусными позициями, а также механизм распределения этих групп по категориям – низкостатусные, среднестатусные или высокостатусные.

На процессы социальной стратификации также влияют различные факторы развития страны: социальная политика, территориальное положение, уровень экономического развития, демографические показатели, этнополитические факторы, межрегиональное неравенство и т.д. В связи с чем стратификационные процессы в определенной стране или регионе имеют свою специфику, среди которых большую роль играют динамичность, нормативность (нормативно-правовое регулирование), степень поляризации

---

¹ Тихонова Н. Е. Социальная структура России: теории и реальность. М. Новый хронограф: Ин-т социологии РАН. 2014. С. 10.

(противостояния одних социальных слоев другим), культурно-исторические особенности.

Таким образом, социально-стратификационные процессы – это изменения, направленные на формирование, функционирование, развитие и воспроизводство социальной структуры общества, элементы которой (социальные группы или индивиды) расположены иерархически, вертикально, с видимыми признаками неравенства. Характер и динамика социально-стратификационных процессов во многом зависит от объективных и субъективных факторов. К объективным относятся уровень социально-экономического развития общества, этнокультурная и историческая специфика. В то время как субъективными можно считать образование, ценностные ориентации, стратегии социальной мобильности, мотивацию на успех и достижительность, человеческий и социальный капиталы индивидов и социальных групп.

В отличие от социальной структуры, возникающей в связи с общественным разделением труда, о социальной стратификации речь заходит по поводу общественного распределения результатов труда, т.е. социальных благ и степени доступности на пути к ним. Степень обладания группой теми или иными ресурсами фиксирует ее положение в обществе и дает возможность сравнить ее позиции с положением других групп, выстраивая определенный ранжированный ряд. Тем самым стратификация характеризует общественную дистанцию между индивидами или группами не только по вертикали, но и горизонтали¹.

Немаловажным аспектом в характеристике социально-стратификационных процессов современного российского общества является его трансформация, которую обычно отождествляют с понятиями преобразование и превращение. Процесс трансформации социальной структуры общества является самым глубинным следствием смены форм

---

¹ Петрова Е. В. Русское население в этносоциальной структуре Республик Сибири. Улан-Удэ: Изд-во БГУ. 2009. С. 44.

собственности в постсоветской России, который начался в конце XX в. И хотя современное общество уже приобрело конкретные очертания и структуру, процесс его изменений еще не завершен.

По мнению Т. И. Заславской, конечный результат трансформации общества зависит от того, в каком обществе она происходит, кто управляет этим обществом, каков уровень образования и развития этих людей. Становится очевидной «зависимость общественных сдвигов от действий не только верхнего, но также среднего и базового слоев общества, представители которых исходят из собственных интересов и действуют в условиях не вполне сформированной и нежесткой институциональной среды. Главными движущими силами трансформационного процесса являются... правящая элита с примыкающей к ней бюрократией... и социально зрелые, экономически и политически активные представители массовых общественных групп, в первую очередь – средних слоев»¹.

Крупнейший исследователь социально-стратификационных процессов З. Т. Голенкова, раскрывая парадоксы трансформации в условиях глобализации, отмечает, что усиление интеграционных тенденций в деловом мире способствует возрождению локальной, этнической и культурной идентичности; происходит нарастание конфронтаций между государством и гражданским обществом; характерна несогласованность стратегических линий развития общества в экономической системе и демократической составляющей; бюрократия приводит к развитию коррупции и падению профессионализма чиновников; для экономической элиты в новых условиях свойственна недостаточность профессионализма; присутствует рассогласованность идей равенства и справедливости. В этой связи выделяются основные факторы трансформации в современном российском обществе: глобализация, в рамках которой происходит одновременно интеграция и дезинтеграция; идеологизированность, когда трансформация носит позитивный, но в то же время негативный и разрушительный

---

¹ Заславская Т. И. Социетальная трансформация российского общества. М., 2003. С. 8.

характер; отсутствие теоретически и практически обоснованной политики социальной реконструкции страны¹.

Таким образом, мы видим, что изучение проблем социальной стратификации и социального неравенства российского общества в условиях трансформации, является важным, актуальным и обоснованным. Что касается подходов к изучению социальной стратификации, то в социологии существует множество концепций и теорий анализа. Основными считаются классовый и стратификационный.

При изучении современного российского общества исследователи применяют разные подходы и теории. Однако есть общие тенденции, которые состоят в том, что в последние годы все чаще учеными используется стратификационный анализ, а не классовый, исследуются многомерные модели социальной стратификации наряду с одномерными, анализируется не только вертикальная, но и горизонтальная стратификация, предлагаются интегральные подходы, сочетающие в себе множество теорий и методологий и соответственно позволяющие более объективно и достаточно широко взглянуть на социальную структуру российского общества, в том числе на основе иерархии социальных слоев и их социального неравенства.

Основываясь на базовых теоретических положениях зарубежной и отечественной социологии, в диссертации осуществляется комплексный анализ региональных особенностей социальной стратификации с применением полипарадигмального подхода, который дает нам возможность рассматривать объект исследования более полно, объективно и в динамике.

1. Так, стратификационный анализ позволяет рассматривать общество как иерархическую систему, при этом критериями стратификации выступают как уровень доходов, так и субъективные оценки респондентов, на основе которых выделяются доходные группы и социальные слои. То есть исследуется одномерная вертикальная стратификация на основе доходов респондентов, с использованием нескольких методологических подходов –

---

¹ Голенкова З. Т. Избранные труды. М.: Новый хронограф, 2014. С. 11–14.

по абсолютному и относительному (медианному варианту). В итоге мы получаем разные модели стратификации, осуществляем их сравнительный анализ с общероссийскими и между собой, выявляем наиболее объективную модель, репрезентирующую реальное расслоение населения региона, характеризуем выделенные доходные группы. Кроме того, в качестве критериев одномерной вертикальной стратификации также рассматриваем самооценки респондентами своего социального положения и потребительских возможностей, выявляем и характеризуем социальные слои, графически изображаем модели субъективной стратификации, сравниваем их в динамике с общероссийскими, между собой и с моделями доходной стратификации для определения различий между объективными показателями расслоения региона и субъективными оценками респондентов.

2. Структурно-функциональный подход как наиболее перспективный для исследования стратификации в российском обществе сочетает в себе возможность анализировать в работе не только объективные условия жизни выделенных доходных групп и социальных слоев, но также их стратегии адаптации, ценности и позиции в социальной структуре региона.

3. В то же время мы понимаем, что уровень доходов, параметры социального самочувствия, выбор адаптационных стратегий и финансовых практик, как и конфигурация региональных моделей стратификации во многом обусловлены показателями социально-экономического развития страны и республики, что более соответствует взглядам представителей экономического детерминизма.

4. Наряду с социально-экономическим, большое влияние на формирование социальной стратификации в российском обществе имеет и территориально-пространственный фактор. Связано это с тем, что Российская Федерация является большой по территории и разнообразной по составу населения, климату, инфраструктурной развитости страной. Развитие ее регионов характеризуется крайней неравномерностью и зависит от множества составляющих. Есть регионы, где значительно выше уровень

жизни населения и больше возможностей для восходящей вертикальной мобильности отдельных индивидов и групп, получения ими более высоких статусов, качественного образования, высокой зарплаты, престижной профессии и т.д. Особенности территориально-поселенческого неравенства страны, несбалансированного пространственного развития крупных городских агломераций детерминируют различия в уровне доходов, шансах, возможностях, степени доступности к социальным благам ее жителей. Специфика социального расслоения в Бурятии в условиях трансформации обусловлена тем, что республика по многим показателям рейтинга социально-экономического развития субъектов страны стабильно находится внизу шкалы уровня доходов, работы транспорта, медицинского обслуживания, и наоборот лидирует в рейтингах по экологическим проблемам, уровню безработицы и т.д. Также существует и внутриреспубликанская дифференциация населения по уровню жизни, что и нашло отражение в эмпирических результатах проведенного социологического исследования и выводах диссертации. Установлено, что территориальная принадлежность респондентов напрямую связана с их доходами – представители высокодоходных групп чаще проживают в городской местности, низкодоходных – в сельской.

5. Образование является одним из важных факторов стратификации (П. Сорокин, М.Вебер) и культурным капиталом (П. Бурдье) индивидов, уровень которого определяет доход, социальный статус, формы адаптационных практик и финансового поведения, а также стратегии социальной мобильности и социальное самочувствие. Эти положения нашли подтверждение в диссертационной работе. Так, была установлена зависимость принадлежности респондентов к той или иной доходной группе или социальному слою от уровня образования – чем он выше, тем чаще респонденты находятся в более доходной группе или выше оценивают свой статус. Среди бедных – меньше всего респондентов с высшим образованием, среди богатых – больше всего.

6. Системно-динамический подход, применяемый в диссертации, дает возможность проанализировать динамику региональных социально-стратификационных процессов, а также раскрыть их сущность в условиях трансформации российского общества, сделать выводы о перспективах дальнейшего развития.

7. Комплексный подход, примененный в диссертации, основанный на анализе данных статистики и субъективных оценок людей относительно их места в структуре общества и критериев социального неравенства, а также использование абсолютного, относительного и субъективного подходов для построения моделей социальной стратификации, позволили более объективно проанализировать картину регионального расслоения и выявить доходные группы и социальные слои.

8. Сравнительный анализ статистических показателей социально-экономического развития региона в общероссийском масштабе, а также сравнение разработанных моделей стратификации по разным основаниям (доход, самоидентификация) и с использованием различных подходов (абсолютный, относительный, субъективный) дали возможность установить наиболее объективный и корректный метод исследования, отражающий реальное доходное распределение в регионе (относительный подход на основе республиканской медианы). Этот метод зарекомендовал себя как наиболее эффективный и оптимальный способ исследования региональных особенностей социальной стратификации.

9. При исследовании региональных особенностей социальной стратификации учитывалось влияние на процесс ее формирования объективных и субъективных факторов. Уровень социально-экономического развития страны и региона выступают в качестве объективных, в то время как образование, семейное положение, социальное самочувствие, социальный и человеческий капиталы, ценностные ориентации, количество иждивенцев у респондентов, которые принадлежат к той или иной доходной группе или социальному слою, рассматриваются как субъективные.

1.2. Методологические принципы исследования доходной и субъективной стратификации

В последние десятилетия актуальными и значимыми становятся исследования социальной стратификации трансформирующегося российского общества, которые связаны как с поиском методологических оснований его изучения, находящегося в процессе формирования новой социальной структуры, так и с необходимостью проведения профессиональных эмпирических изысканий высокого качества с целью получения репрезентативных результатов.

Исследователям необходимо понять, что представляет собой социальная структура российского общества, какие существуют классы, или страты, по каким основаниям происходит социальное расслоение населения, чем обладают социальные группы и как они планируют сохранять свои позиции, в чем состоят их горизонтальные связи и как осуществляется вертикальная мобильность (восходящая или нисходящая). То есть исследование социальной стратификации не только дает возможность выявить социальные слои, но и составить некий социальный портрет данного общества.

К настоящему времени прошло уже более 30 лет после начала реформ, однако социальная структура продолжает формироваться, и мы все еще говорим о трансформирующемся российском обществе. Методологические подходы к его изучению претерпели определенные изменения, но очевидным становится использование большинством социологов преимущественно стратификационного анализа, который строится на применении разных критериев (факторов) стратификации и позволяет создавать как одномерные, так и многомерные модели социальной стратификации российского общества.

Многомерная модель стратификации подразумевает использование нескольких признаков, в качестве которых в разном сочетании выступают

доход, образование, престиж, властные полномочия, профессия, жизненные шансы, социальный статус, капиталы (человеческий, социальный, культурный), досугово-рекреационный критерий, уровень жизни, ресурсообеспеченность, степень адаптации к переменам и т.д. Многомерные модели не только выявляют особенности вертикального расслоения общества и основные проблемы, связанные с ним, но и дают информацию о горизонтальных связях респондентов, их идентичностях, ресурсах, адаптационных стратегиях и т.д.

При этом границы условных групп должны быть заданы в зависимости от соответствующих теоретико-методологических оснований (например, концепции ресурсообеспеченности или классификации по человеческому потенциалу и капиталу, жизненным шансам и т.д.).

В целом же многомерная стратификация, наряду с одномерной, характеризует трансформирующееся российское общество и систему отношений, существующих в нем, а также дает наиболее полную и подробную информацию о социальных стратах, его представляющих, и положении отдельного индивида в них.

В диссертации мы анализировали одномерную вертикальную стратификацию – доходную по абсолютному и относительному (медианному) подходам, субъективную (по самооценкам), при исследовании которых исходили из того, что изучали в социальной структуре не типы отношений, а социальные группы. Причем, выстроив вертикальные модели стратификации и выявив определенные социальные слои и доходные группы, нами также были даны характеристики этих доходных групп и социальных слоев по таким основаниям, как образование, профессия, занятость, место проживания и т.д. Особенно важным считаем анализ адаптационных стратегий выявленных доходных и социальных групп республики в условиях трансформации российского общества, направленных на множественную занятость, освоение новых форм занятости, основ финансового поведения (кредиты, сбережения) и т.д.

Остановимся на более детальном анализе методологических проблем доходного распределения в контексте социально-стратификационных процессов российского общества. Развернутая информация о доходной стратификации представлена в работах Н. Е. Тихоновой¹.

Доходы считаются реальным показателем уровня жизни индивидов, позволяющим судить об особенностях финансового поведения (сберегательного и инвестиционного) населения. В качестве альтернативы анализируют расходы, которые преимущественно свидетельствуют об образе жизни индивида.

Для построения моделей доходной стратификации исследователи применяют абсолютный и относительный (медианный или депривационный) подходы. Чтобы разработать модель доходной стратификации по абсолютному подходу опираются на данные статистики, при этом «границы дохода различных социально-экономических групп задаются конкретной денежной суммой»².

Причем важно различать индивидуальный и среднедушевой доход, которые в равной мере могут быть применены в изучении стратификации общества и построении ее моделей. Учет индивидуальных доходов будет больше свидетельствовать о потенциальных возможностях индивидов, а среднедушевых доходов в рамках домохозяйства – учитывать также объективные семейные ограничения этих возможностей, так как жизненный выбор человека, проживающего совместно с другими членами семьи, часто диктуется общими интересами. Чаще для целей определения особенностей

---

¹ Тихонова Н. Е. Социальная стратификация в современной России. Опыт эмпирического анализа. М: Ин-т социологии РАН, 2007. 320 с.; Она же. Социальная структура России: теории и реальность. М. Новый хронограф: Ин-т социологии РАН, 2014. 408 с.; Модель доходной стратификации российского общества: динамика, факторы, межстрановые сравнения / Н. Е. Тихонова, Ю. П. Лежнина, С. В. Мареева, В. А. Аникин, А. В. Каравай, Е. Д. Слободенюк; под ред. Н. Е. Тихоновой. М.; СПб.: Нестор-История, 2018. 368 с.

² Модель доходной стратификации российского общества: динамика, факторы, межстрановые сравнения / Н. Е. Тихонова, Ю. П. Лежнина, С. В. Мареева, В. А. Аникин, А. В. Каравай, Е. Д. Слободенюк; под ред. Н. Е. Тихоновой. М.; СПб.: Нестор-История, 2018 г. С. 14–36.

уровня жизни и потребления населения используются показатели дохода домохозяйства в противовес индивидуальным¹.

Однако считается, что абсолютная модель доходной стратификации недостаточно полно и широко отражает объективную картину расслоения, ситуацию с бедностью в обществе и выглядит более благополучной, поскольку рамки бедности задаются государственными институтами в форме минимального размера оплаты труда, размера потребительской корзины, величины прожиточного минимума.

Поэтому более достоверной и репрезентативной выглядит относительная модель доходной стратификации, которую еще называют объективной. «В рамках относительного подхода отправной точкой анализа выступают средние (реже) или медианные (чаще) показатели дохода, а также децильные распределения (или иное распределение, основанное на процентилях)»².

Сторонники относительного подхода измеряют величину доходов в сравнении со средними или медианными значениями доходного распределения в том или ином обществе, либо анализируют процентильные распределения (по децилям, квинтилям и т.п.) Относительный подход в большей степени, чем абсолютный, получил признание среди социологов.³

Для построения относительной модели стратификации социологи используют результаты социологических исследований – вопрос об индивидуальном или среднедушевом ежемесячном доходе, на основе которого рассчитывается медианный доход, а потом выделяются доходные группы (низкодоходные – до 0,75 медианы, среднедоходные – 0,75-2

---

¹ Аникин В. А., Лежнина Ю. П. Экономическая стратификация: об определении границ доходных групп // Социологическое обозрение. 2018. Т. 17. № 1. С. 237–267.

² Модель доходной стратификации российского общества: динамика, факторы, межстрановые сравнения / Н. Е. Тихонова, Ю. П. Лежнина, С. В. Мареева, В. А. Аникин, А. В. Каравай, Е. Д. Слободенюк; под ред. Н. Е. Тихоновой. М.; СПб.: Нестор-История, 2018. С. 14–36.

³ Каравай А. В. Факторы доходной стратификации российского общества: методология анализа и роль аскриптивных характеристик // Социологическая наука и социальная практика. 2018. С. 25.

медианы, высокодоходные – свыше 2 медиан)¹. И тут также важно определиться, какую медиану использовать – страновую или региональную, данные о которой содержатся в статистических сборниках Росстата, либо поселенческую (мы назвали ее *республиканской*), которую можно рассчитать на основе полученных с помощью социологического исследования эмпирических материалов.

В диссертации при изучении доходной стратификации мы использовали для сравнения и выбора наиболее объективной модели расслоения региона комплексный подход – абсолютный, относительный (медианный вариант) и субъективный.

Для построения региональной модели доходной стратификации по абсолютному подходу (параграф 2.1.) обращаемся к текущим данным статистики по республике за 2021 г., распределяющим население в зависимости от среднедушевых доходов на 8 категорий и затем с помощью программы Excel формируем графическую модель доходной стратификации. Для того, чтобы была видна динамика стратификационных процессов в период трансформации общества также разработали модель расслоения республики за 2002 г.

Кроме того, для осуществления сравнительного анализа с данными по всей стране, разработали общероссийские модели стратификации за 2002 г. и 2021 г. Проведенный сравнительный анализ показал существенные изменения конфигурации республиканской модели за период трансформации общества в сторону улучшения положения доходных групп, а также отличия республиканских моделей от общероссийских, связанные с большим числом жителей, расположенных в низкодоходных группах республиканских моделей по сравнению с общероссийскими, где наоборот шире были представлены высокодоходные группы.

---

¹ Модель доходной стратификации российского общества: динамика, факторы, межстрановые сравнения / Н. Е. Тихонова, Ю. П. Лежнина, С. В. Мареева, В. А. Аникин, А. В. Каравай, Е. Д. Слободенюк; под ред. Н. Е. Тихоновой. М.; СПб.: Нестор-История, 2018. С. 41.

В диссертации также был применен относительный подход (медианный вариант). В параграфе 2.2. выявили доходное распределение и построили региональные модели стратификации, основываясь на разных типах медиан¹ – *страновой* (данные статистики), *региональной* (данные статистики), *республиканской* (данные социологического исследования). С 2021 г., Росстат публикует величины медианных доходов по стране в целом и по регионам в частности. Медианный подход считается наиболее популярным и достаточно объективным. Много лет эту методологию применяют сотрудники Института социологии ФНИСЦ РАН, прежде всего Н. Е. Тихонова².

При исследовании доходной стратификации по относительному подходу важно определиться с границами задаваемых групп. С методологической точки зрения, построение шкалы доходной стратификации и выбор рангов доходного распределения для обеспечения отражения реальной неоднородности общества является непростой задачей. Наибольшие вопросы при этом вызывает то, где именно должны проходить границы различных доходных групп, чтобы обеспечить их относительную гомогенность и при этом дифференцированность между собой³. Причем у разных авторов эти границы бывают различными (табл. 1).

Для сравнения с данными, опубликованными Н. Е. Тихоновой, в таблице 1 также размещены результаты исследования по Туве (2019 г.),

---

¹ Медианный доход – это значение душевого дохода, находящегося ровно в середине ранжированного ряда всех единиц наблюдения. То есть 50% населения получает доход выше этого значения, а 50% – ниже. Такой метод подсчета более надежен, поскольку обнаруживает главную (основную) тенденцию и является свободным от погрешности, которую дает расчет среднеарифметического значения в условиях ярко выраженного неравенства в доходах полярных социальных групп (Тихонова Н. Е. Социальная стратификация в современной России: опыт эмпирического анализа. М.: Ин-т социологии РАН, 2007. С. 41).

² Модель доходной стратификации российского общества: динамика, факторы, межстрановые сравнения / Н. Е. Тихонова, Ю. П. Лежнина, С. В. Мареева, В. А. Аникин, А. В. Каравай, Е. Д. Слободенюк / под ред. Н. Е. Тихоновой. М.; СПб.: Нестор-История, 2018. 368 с.; Каравай А. В. Факторы доходной стратификации российского общества: методология анализа и роль аскриптивных характеристик // Социологическая наука и социальная практика. 2018. Т. 6. № 1. С. 23–36; Хахулина Л. А., Тучек М. Распределение доходов: бедные и богатые в постсоциалистических обществах (некоторые результаты сравнительного анализа) // Мониторинг общественного мнения. № 1. С. 18–22; Мареева С. В. Социальные неравенства и социальная структура современной России в восприятии населения // Вестник Института социологии. 2018. № 26. С. 101–120; Социально-стратификационные процессы в Республике Тыва / отв. ред. З. Т. Голенкова, Ю. В. Голиусова, П. Е. Сушко. ФНИСЦ РАН. М.-Кызыл: ФНИСЦ РАН, 2020. 128 с.

³ Аникин В. А., Лежнина Ю. П. Экономическая стратификация: об определении границ доходных групп // Социологическое обозрение. 2018. Т. 17. № 1. С. 237–267.

проведенного исследователями Института социологии ФНИСЦ РАН, и результаты социологического исследования по Бурятии (2020–2021 гг.), проведенного социологами ИМБТ СО РАН при участии автора диссертации.

Таблица 1

**Модели доходной стратификации
российского общества на основе медианного подхода**

Границы по медиане	Модель с семью доходными и группами	Модель с пятью доходными и группами	Модель с четырьмя доходными группами	Результаты исследования по Бурятии, 2020-2021 гг. на основе страновой медианы (27036 руб.)	Результаты исследования по Бурятии, 2020-2021 гг. на основе региональной медианы (21689 руб.)	Результаты исследования по Бурятии, 2020-2021 гг. на основе республиканской медианы (13500 руб.)	Результаты исследования по Туве 2019 гг. на основе республиканской медианы (19050 руб.)
Более 4	Состоятельные	Высокодходные	Высокодходные	0	0,03	1,2	0,9
2-4	Обеспеченные			2,2	5,7	16	7,5
1,25-2	Среднедходные	Среднедходные	Среднедходные	4,7	16,4	18,8	23,3
0,75-1,25	Медианная группа	Медианная группа	Медианная группа	21,3	27,1	40,9	42,2
0,5-0,75	Уязвимые	Уязвимые Бедные	Низкодходные	19	27,4	11,4	12,9
0,25-0,5	Нуждающиеся			41,3	22,7	11,6	7,9
Менее или равно 0,25	Нищие			11,5	0,67	0,1	5,5

Сост. по: Тихонова Н. Е. Социальная структура России: теории и реальность. М.: Новый хронограф; Ин-т социологии РАН, 2018. С. 67; Социально-стратификационные процессы в Республике Тыва: М.-Кызыл: ФНИСЦ РАН, 2020. С. 64; Результаты исследования (ИМБТ СО РАН, 2020–2021 гг.).

Как видим из таблицы 1, в зависимости от того, как заданы границы исследуемых групп и какая применяется медиана, можно получить разные результаты доходного распределения по относительному подходу. Представляется, что использование республиканской медианы, рассчитанной на основе данных социологических исследований и выделение семи групп, более убедительно и объективно демонстрирует реальную доходную стратификацию в республиках Бурятия и Тува.

Поэтому в диссертации используем апробированную российскими учеными методику исследования доходной стратификации по

относительному подходу, разработанную рабочей группой Н. Е. Тихоновой¹ и выделяем семь доходных групп. Затем графически изображаем модели стратификации в зависимости от разных типов применяемых медиан (*страновая, региональная, республиканская*) и осуществляем их сравнительный анализ.

Имеющиеся данные статистики позволили без затруднений разработать региональные модели расслоения на основе *страновой* и *региональной* медиан, в то время как для построения модели по *республиканской* медиане необходимо было вначале определить доходные группы, используя результаты нашего социологического исследования, а уже затем вычислить медиану.

В эмпирических результатах социологического исследования проведенного в Бурятии группой социологов ИМБТ СО РАН при участии автора диссертации (2020-2021 гг.) по проблемам социальной стратификации и социального неравенства мы отталкивались от вопроса анкеты, позволяющего выявить доходные группы: «Посчитайте, сколько дохода в среднем в месяц Вы имеете на каждого члена семьи (т.е. в расчете на одного члена Вашей семьи), включая заработную плату мужа (жены) и других членов семьи, а также пенсии, пособия, стипендии и другие доходы?». На выбор респондентов было представлено 13 вариантов ответа (интервальная шкала), которые мы сгруппировали в 7 доходных групп, согласно предложенной методике.

Для достижения гомогенности выделенных доходных групп и проверки степени достоверности ответов на вопрос о среднедушевых доходах использовали итерационный метод Т. И. Заславской². Проверочными вопросами анкеты о среднедушевых доходах были следующие: «Сколько человек в Вашей семье?», «Есть ли у Вас дети в

---

¹ Модель доходной стратификации российского общества: динамика, факторы, межстрановые сравнения / Н. Е. Тихонова, Ю. П. Лежнина, С. В. Мареева, В. А. Аникин, А. В. Каравай, Е. Д. Слободенюк; под ред. Н. Е. Тихоновой. М.; СПб.: Нестор-История, 2018. С. 67–68.

² Заславская Т. И. Структура современного российского общества // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 1995. № 6. С. 8.

возрасте до 18 лет, если да, то сколько?», «Как бы Вы оценили в настоящее время материальное положение вашей семьи?» («очень хорошее», «хорошее», «среднее», «плохое», «очень плохое», «затрудняюсь ответить»).

После того как были уверены в гомогенности выявленных доходных групп, рассчитали *республиканскую медиану*, которая составила 13500 руб. и построили графическую модель доходного распределения.

Еще одной разновидностью одномерной стратификации является субъективная, модель которой строится на основе самооценок респондентами своего социального статуса и уровня жизни и которая отражает восприятие ими своего положения и обосновывает поведенческие установки¹. Методология связана с анализом и обобщением результатов социологического исследования, а также построением на их основе графических моделей стратификации для последующего сравнительного визуального анализа.

В работе мы анализируем субъективную стратификацию (параграф 2.3.), основанную на самооценках респондентов, и строим две модели расслоения – по оценкам респондентами своего социального статуса и потребительского положения. В дальнейшем сравниваем построенные субъективные модели между собой и с общероссийскими, а также с моделями по объективным данным (доходная стратификация), анализируем различия и характеризуем выделенные доходные группы и социальные слои, их адаптационные стратегии.

Изучение субъективной стратификации общества основывается на самооценках респондентами своих потребительских возможностей и социального статуса и в отличие от доходного распределения (по абсолютному и относительному подходам) призвано отразить представления населения или отдельных его социальных групп относительно

---

¹ Тихонова Н. Е. Модель субъективной стратификации российского общества и ее динамика // Вестник общественного мнения № 1–2 (126). 2018. С. 17–29.

общественного благополучия, а также мнения людей о своем положении в обществе по сравнению с другими.

Для анализа субъективной стратификации используем результаты нашего социологического исследования (2020–2021 гг.) – два вопроса из анкеты, адресованные респондентам, на основе выбора ответов которых выделяются доходные группы и социальные слои.

Вопрос анкеты, благодаря которому группируем респондентов по критерию потребительских возможностей звучит так: «Скажите, пожалуйста, к какой группе Вы себя относите?». Основываясь на методике ВЦИОМ выделяем шесть доходных групп¹:

- «Бедные», «нуждающиеся» – вариант ответа *«мы едва сводим концы с концами, денег не хватает даже на питание»*.
- «Околобедные», «уязвимые» – *«денег хватает только на питание, даже покупка одежды вызывает затруднения»*.
- «Среднедоходные» – *«доходов хватает на питание и одежду, на покупку вещей длительного пользования приходится копить или брать кредит»*.
- «Обеспеченные» – *«мы можем без труда покупать вещи длительного пользования, но затруднительна покупка дорогих вещей»*.
- «Зажиточные», «состоятельные» – *«мы можем купить автомобиль, но затруднительна покупка недвижимости»*.
- «Богатые» – *«ни в чем себе не отказываем»*.

Также для выделения условных классов респондентам был задан следующий вопрос: «В обществе существуют разные социальные слои. К какому из них Вы скорее могли бы отнести себя и свою семью?»:

- «Высший»

---

¹ Бедность отстывает, но средний класс по-прежнему в дефиците. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/bednost-otstupaet-no-srednij-klass-po-prezhnemu-v-deficizite> (дата обращения: 10.09.2021).

- «Выше среднего»
- «Средний»
- «Ниже среднего»
- «Низший»
- «Самый низший».

Затем на основе линейного распределения мы построили две графические модели региональной субъективной стратификации и охарактеризовали выделенные доходные группы и социальные слои.

Социологическое исследование, результаты которого были использованы для выявления доходной и субъективной стратификации региона было проведено в Республике Бурятия в 2020–2021 гг. Методом анкетирования опрошено 646 человек (356 чел. – в г. Улан-Удэ и 290 чел. – в Еравнинском, Прибайкальском, Иволгинском, Тарбагатайском, Кяхтинском и Хоринском сельских районах республики). Выборка репрезентативная многоступенчатая (I-городские округа и муниципальные районы; II-городские и сельские населенные пункты; III-квоты по полу, возрасту, образованию, этнической принадлежности). При определении генеральной совокупности и разработке выборки исследователи опирались на итоги всероссийской переписи 2010 г. Генеральная совокупность (N) составила 743724 чел. (население в возрасте 18 лет и старше). В качестве объекта исследования рассматривали респондента, а не домохозяйство.

По данным переписи 2010 г. распределение по полу в республике – 52,4% женщин, 47,6% мужчин; по национальности – 66 % русских, 30 % бурят и 4 % представителей других национальностей; по образованию – 38,1 % респондентов со средним общим образованием, 35,1 % – со средним профессиональным и 26,8 % – с высшим; по возрасту – 29,03 % респондентов в возрасте 18-29 лет, 19,19 % – в возрасте 30-39 лет, 16,6 % – в возрасте 40-49 лет, 18% в возрасте 50-59 лет и 17,18% в возрасте 60 лет и старше.

В выборке по факту – 52,63 % женщин и 47,37 % мужчин; 66 % русских, 30 % бурят и 4 % представителей других национальностей; 37,31 %

респондентов со средним общим образованием, 35,6 % – со средним профессиональным и 27,09 % – с высшим; 31,89 % респондентов в возрасте 18-29 лет, 18,89 % – в возрасте 30-39 лет, 16,72 % – в возрасте 40-49 лет, 17,34% в возрасте 50-59 лет и 15,16% в возрасте 60 лет и старше.

В анкете содержались блоки, связанные с материально-имущественным положением респондентов и их уровнем жизни, доходами, формой занятости и типом предприятия, на котором они работают, самооценкой своего положения и социально-классовой самоидентификацией, адаптационными практиками, финансовым поведением, демографическими характеристиками (пол, возраст, образование, этническая и профессиональная принадлежность, состав семьи).

Анализ результатов социологического исследования был осуществлен исходя из теоретических и методологических подходов, обоснованных в работе. Полученные данные коррелируют с результатами общероссийских исследований ИС ФНИСЦ РАН, НИУ ВШЭ, ВЦИОМ, что подтверждает их достоверность и репрезентативность.

Глава 2. Региональное измерение социальной стратификации в Бурятии

2.1. Социально-экономические показатели развития республики и формирование региональной модели расслоения

Республика Бурятия – субъект Российской Федерации, расположенный в восточной части страны, основан в 1923 г. Столица – город Улан-Удэ. Общая площадь территории составляет 351,3 тыс. км, численность населения на 1 января 2023 г. составила 975,2 тыс. чел. Плотность населения – 2,8 чел./км. В рейтинге регионов РФ по площади Бурятия занимает 14 место, по численности населения – 55¹.

Бурятия находится в географически важном стратегическом месте. Она относится к Байкальскому региону, включающему три субъекта, расположенных на территории водосборного бассейна Байкала (Республика Бурятия, Иркутская область, Забайкальский край), которые связывает транспортно-логистическое единство и схожесть социально-культурной и хозяйственной жизни. При этом важной особенностью, обуславливающей стратегическое значение Байкальского региона, является его трансграничность, позволяющая рассматривать регион в качестве «опорного узла» интеграционных процессов России со странами Азиатско-Тихоокеанского региона, поскольку Республика Бурятия по южной стороне граничит с Монголией, Забайкальский край – с Монголией и Китаем. То есть Байкальский регион имеет определенный потенциал для возможностей интеграции в экономическое пространство стран АТР, который пока еще недостаточно реализован.

Началом трансформации в республике принято считать реформы середины 1980-х – начала 1990-х гг., когда всю страну коснулись перестроечные изменения. В результате применения «шоковой терапии», децентрализации власти, приватизации государственной собственности, появления новых форм собственности, либерализации цен и

---

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2021: стат. сб. / Росстат. М., 2021. С. 31–32.

реструктуризации систем жизнеобеспечения населения, финансовой и налоговой политики в республике произошло переформатирование политической, экономической и социокультурной сфер. Негативные последствия разрушений в производственных отраслях промышленности и сельского хозяйства коснулись большинства населения региона, сопровождаясь снижением уровня жизни, массовой безработицей, бедностью, ростом преступности. Проявились явные тенденции углубления дифференциации и поляризации населения¹.

В Республике Бурятия на протяжении последних трех десятилетий, несмотря на имеющееся богатство природных ресурсов, сложилась неблагоприятная социально-экономическая обстановка, связанная с ликвидацией крупных промышленных предприятий, со стагнацией агропромышленного комплекса². В последние годы ситуация усугубляется и экологическими проблемами: загазованностью воздуха в Улан-Удэ, связанной с обширным частным сектором, отапливаемым дровами и углем, загрязнением Байкала и др.

Дифференциация регионов России по уровню экономического и социального развития обострилась в условиях трансформации российского общества. Регионы, расположенные на периферии нашей страны, проигрывают мегаполисам и центральным регионам по таким показателям, как инфраструктурная развитость, получение качественных медицинских и образовательных услуг, профессиональная занятость и перспективы карьерного продвижения, уровень заработной платы и т.д.

Однако следует признать, что в последние годы государство принимает меры, направленные на выравнивание территориально-пространственного неравенства российских регионов. С ноября 2018 г. Указом Президента РФ Забайкальский край и Республика Бурятия стали относиться к

---

¹ Бадараев Д. Д. Структурные и этнокультурные особенности социальных изменений на российско-монгольском трансграничье: дис. д-ра социол. наук. М., 2022. С. 101.

² Межэтнические отношения в Республике Бурятия в изменяющихся социально-экономических условиях / Е. В. Петрова, А. В. Бильтрикова, И. Н. Дашибалова, В. Г. Жалсанова. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2021. С. 21.

Дальневосточному федеральному округу в целях распространения на Забайкалье и Бурятию механизмов социально-экономического развития, апробированных на Дальнем Востоке. Здесь подразумеваются такие инструменты государственной поддержки, как льготное финансирование, инфраструктурные субсидии для инвестиционных проектов, создание территорий опережающего развития, введение электронных виз для иностранных туристов, упрощенные административные режимы, предоставление гражданам бесплатного гектара земли и пр., что должно способствовать росту экономического развития этих регионов и повышению качества жизни населения.

Отметим, что Дальневосточный федеральный округ является самым большим по территории и самым малонаселенным округом в стране, плотность населения составляет всего 1,17 чел./ км¹. За последние несколько лет многое сделано для развития республики, реализуются такие программы, как «Дальневосточная ипотека» на покупку жилья для молодых семей под 2 % годовых, «Дальневосточный гектар» для переселенцев и жителей региона, субсидированные авиабилеты в центральную часть России, выделяются субсидии и субвенции на строительство и ремонт автомобильных дорог, детских садов, средних школ, домов культуры, приобретаются новые трамваи и автобусы. Совсем недавно открылся Центр ядерной медицины полного цикла с высокотехнологичным оборудованием (2022 г.), планируется строительство таможенно-логистического терминала Кяхта на границе с Монголией².

Рассмотрим некоторые статистические показатели социально-экономического развития Бурятии за 30-летний период трансформации российского общества в разрезе общероссийских данных, а также в сравнении с уровнем развития субъектов СФО и ДВФО.

---

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели 2021 г.: стат. сб. / Росстат. М. 2021. С. 31–32.

² Бурятия получила около 7 млрд. после вхождения в ДФО – Алексей Цыденов // ВостокТелеИнформ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://vtinform.com/news/142/182352/> (дата обращения 06.12.2022).

Так, численность населения республики за весь период трансформации заметно уменьшилась: если последнее десятилетие XX в. она превышала 1 млн. чел., то в XXI в. это значение до миллиона не доходит, хотя в сравнении с соседними субъектами (Иркутской областью и Забайкальским краем) в Бурятии более благоприятная демографическая обстановка.

Из таблицы 2 видно, что в соседних субъектах численность населения в последние 30 лет неуклонно снижается, как и в Сибирском федеральном округе. В Дальневосточном огромный отток населения произошел с 1990-х по 2000-е гг., в последние годы показатели по числу выправляются «механическим присоединением» к федеральному округу Бурятии и Забайкальского края.

Таблица 2

Динамика численности населения (тыс. чел.)

Регион	Год							
	1990	1995	2000	2005	2010	2015	2020	2021
РФ	148164	147609	144819	143236	142865	146545	146171	145 557
СФО	21190	21093	20675	17404	17174	17259	17004	16 890
ДВФО	8066	7514	7107	8551	8363	8260	8124	8 091
Республика Бурятия	1053	1050	1026	967	972	982	986	983
Забайкальский край	1328	1292	1247	1124	1106	1083	1053	1 043
Иркутская область	2808	2789	2729	2492	2428	2413	2375	2 357

Сост. по: Регионы России. Социально-экономические показатели 2022: стат. сб. / Росстат. М. 2022. С. 43–44; Численность населения. ФСГС. Социально-экономические показатели 2004 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://gks.ru/bgd/regl/B04_14/IssWWW.exe/Stg/d010/i010090r.htm (дата обращения 11.05.2022).

Стабильная численность населения Бурятии на уровне меньше миллиона (с небольшими отклонениями в ту и другую стороны) обеспечивается относительно высоким уровнем рождаемости (практика многодетности у титульных наций и федеральные программы по поддержке семей с детьми) и миграционным приростом, в основном, из соседнего Забайкальского края. В последние годы стимулирующей мерой улучшения демографической ситуации стало назначение дополнительного пособия при рождении ребенка в размере двух прожиточных минимумов и

дальневосточный материнский капитал. Росту доступности жилья способствовала дальневосточная ипотека для молодых семей со ставкой 2% годовых¹. Хотя как мы видим, если сравнивать с предыдущими десятилетиями, то наблюдается общее снижение численности населения республики и за 2022 г. она стала 978,0 тыс. человек.

Рассмотрим динамику коэффициента естественного прироста в республике в сравнении с соседними субъектами, федеральными округами и в целом по стране (табл. 3).

Таблица 3

Коэффициент естественного прироста (на 1 000 человек населения)

Регион	Год							
	1990	1995	2000	2005	2010	2015	2020	2021
РФ	2,2	-5,7	-6,7	-5,9	-1,7	0,3	-4,8	-7,1
СФО	4,5	-4,2	-4,9	-5,1	-0,1	1,2	-5,1	-11,5
ДВФО	7,3	-2,4	-3,4	-3,9	-0,6	1,3	-2,8	-6,2
Республика Бурятия	9,1	-0,3	-1,4	-1,6	4,3	5,9	0,9	-10,8
Забайкальский край	8,0	-0,6	-2,6	-3,7	2,1	2,5	-1,9	-6,6
Иркутская область	6,0	-4,0	-4,7	-5,1	0,8	1,7	-3,7	-1,9

Сост. по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2003: стат. сб. / Госкомстат России. М., 2003. С. 53–54; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2022: стат. сб. / Росстат. М., 2022. С. 75–76.

Как видно из таблицы 3, ситуация по субъектам и федеральным округам, как и в целом по стране, идентичная. До распада СССР и наступления новой эпохи экономических реформ в стране наблюдалась стабильно высокая рождаемость. Можно сказать, что показатели в первой колонке – это последние представители многочисленных советских детей. С переходом на рыночную экономику и связанным с ним кризисом естественный прирост населения затормозился лет на 10–15. Ситуация начала выправляться с 2010-х гг. в связи с тем, что в это время в фертильный возраст вступило многочисленное поколение детей 1980-х гг. рождения, а

¹ Межэтнические отношения в Республике Бурятия в изменяющихся социально-экономических условиях / Петрова Е. В., Бильтрикова А. В., Дашибалова И. Н., Жалсанова В. Г. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2021. С. 23.

поддержка со стороны государства в виде материнского капитала¹ дала существенный толчок, однако 2021 год высветил проблемы резкого снижения коэффициента естественного прироста населения.

В республике наблюдается большой миграционный отток. Низкий уровень жизни, безработица, резко континентальный климат, отсутствие возможности качественно улучшить условия жизни формируют миграционные стратегии жителей Бурятии. В последние годы серьезно ухудшилась экологическая обстановка, выросло число онкобольных, что также повлияло на переезд из республики. Уезжают, как правило, в Москву, Санкт-Петербург, Краснодарский край, Новосибирск, Иркутск. Помимо западного дрейфа существует и восточный. Основными направлениями в последнее десятилетие становятся Южная Корея, Монголия, Китай, куда едут не только на постоянное место жительства, но и на заработки². Рассмотрим коэффициенты миграционного прироста (табл. 4).

Таблица 4

Коэффициент миграционного прироста (на 10 000 человек населения)

Регион	Год							
	1990	1995	2000	2005	2010	2015	2020	2021
РФ	11	34	15	20	19	17	9	30
СФО	-8	20	-4	-42	-16	-1	-16	7
ДВФО	-12	-136	-52	-70	-46	-40	-27	9
Республика Бурятия	-20	0	-40	-26	-24	-20	-14	-13
Забайкальский край	-31	-25	-50	-47	-46	-66	-40	-52
Иркутская область	-7	7	-2	-76	-24	-25	-31	-9

Сост. по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2003: стат. сб. / Госкомстат России. М., 2003. С. 72–74; Регионы России. Социально-экономические показатели 2022: стат. сб. / Росстат. М., 2022. С. 91–92.

Как видно из таблицы 4, в Бурятии и в соседних субъектах, так же как и в двух восточных федеральных округах, на всем протяжении исследуемого периода отмечается отрицательное сальдо миграции, т.е. отток населения. В

¹ Федеральный закон от 29.12.2006 г. № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64872/ (дата обращения 09.09.2021).

² Межэтнические отношения в Республике Бурятия в изменяющихся социально-экономических условиях / Петрова Е. В., Бильтрикова А. В., Дашибалова И. Н., Жалсанова В. Г. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2021. С. 47.

основном мигрируют высококвалифицированные кадры трудоспособного возраста, часто с семьями¹. Данный фактор не может не отразиться на возрастном составе населения (табл. 5).

Таблица 5

Возрастной состав населения, % от общей численности населения

Показатель	Год, %						
	1990	1995	2000	2005	2010	2015	2020
Российская Федерация							
Моложе трудоспособного возраста	24,3	22,7	19,4	16,5	16,2	18,0	18,7
Трудоспособный возраст	56,7	57	60,2	60,3	61,5	57,4	56,0
Старше трудоспособного возраста	19	20,3	20,4	20,5	22,3	24,6	25,3
Сибирский федеральный округ							
Моложе трудоспособного возраста	26,9	24,6	20,9	17,4	17,4	19,5	20,2
Трудоспособный возраст	56,9	57,6	61,1	63,9	61,8	57,2	55,7
Старше трудоспособного возраста	16,2	17,8	18	18,7	20,8	23,3	24,1
Дальневосточный федеральный округ							
Моложе трудоспособного возраста	27,6	24,8	21	18,7	18,3	20,2	20,8
Трудоспособный возраст	61,5	61,8	64,2	65,3	63,1	58,7	57,6
Старше трудоспособного возраста	10,9	13,4	14,8	16,0	18,6	21,1	21,6
Республика Бурятия							
Моложе трудоспособного возраста	37,1	35,6	33,2	20,6	21,3	23,8	24,5
Трудоспособный возраст	55,7	57	60,7	64,4	61,9	57,0	55,5
Старше трудоспособного возраста	13	14,6	14,9	15,0	16,8	19,2	20,0
Забайкальский край (Читинская область)							
Моложе трудоспособного возраста	30,5	27,8	24	20,8	20,7	22,5	22,7
Трудоспособный возраст	56,1	57,1	60,8	63,9	62,1	57,9	57,1
Старше трудоспособного возраста	13,4	15,1	15,2	15,3	17,2	19,6	20,2
Иркутская область							
Моложе трудоспособного возраста	28	25,9	22,4	19,1	19,0	21,1	22,0
Трудоспособный возраст	57,8	58	60,9	63,5	61,4	56,9	55,6
Старше трудоспособного возраста	14,2	16,1	16,7	17,4	19,6	22,0	22,4

Сост. по: Возрастной состав населения. ФСГС. Регионы России 2005. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://gks.ru/bgd/regl/B05_14p/IssWWW.exe/Stg/d010/02-05.htm (дата обращения 11.05.2022); Регионы России. Социально-экономические показатели. 2022: стат. сб. / Росстат. М., 2022. С. 51–56.

¹ Там же. С. 47.

Данные таблицы 5 показывают, что в Бурятии, как и в соседних регионах, за последние 30 лет число населения трудоспособного возраста стабильно уменьшается, тогда как численность людей старше трудоспособного возраста растет. Эта динамика схожа с общероссийской тенденцией. Происходит постепенное «старение населения» несмотря на предпринятую меру искусственного повышения пенсионного возраста¹.

Что касается соотношения численности городского и сельского населения, то в республике преобладает городское (59%), по сравнению с сельским (41%). В то же время сельского населения в Бурятии больше, чем в целом по стране: практически 75% россиян – городские жители, 25% – сельские².

Одними из важных показателей социально-экономического развития региона являются уровень занятости населения и безработицы. Однако в Бурятии среднегодовая численность занятых снижается с каждым годом. Так, если в 2010 г. число занятых составляло 401 тыс. чел., то в 2021 году этот показатель снизился до 370,9 тыс. чел. В Бурятии, по сравнению с другими регионами, очень высокий уровень безработицы, она составила в 2021 г. 9,5% (табл.6)³.

Таблица 6

Уровень безработицы, % к экономически активному населению

Регион	Год							
	1990	1995	2000	2005	2010	2015	2020	2021
РФ	5,3	9,5	10,5	7,1	7,3	5,6	5,8	4,8
СФО	6,0	9,1	12,6	9,3	8,7	7,7	7,3	5,8
ДВФО	5,8	10,4	12,3	7,9	8,6	6,3	6,5	5,7
Республика Бурятия	5,8	15,1	19,1	12,2	10,4	9,2	10,5	9,5
Забайкальский край	5,8	9,2	13,9	8,6	11,1	10,4	9,8	9,3
Иркутская область	6,2	8,9	11,4	9,8	10,1	8,2	7,7	6,0

¹ Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий» от 03.10.2018 г. № 350-ФЗ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_308156/ (дата обращения 25.11.2021).

² Регионы России. Социально-экономические показатели. 2021: стат. сб. / Росстат. М., 2021. С. 41, 51.

³ Там же. С. 162.

Сост. по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2003: стат. сб. / Госкомстат России. М., 2003. С. 117, 119–120; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016: стат. сб. / Росстат. М., 2016. С. 194–195; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2022: стат. сб. / Росстат. М., 2022. С. 162–164.

Отметим, что безработными считаются официально зарегистрированные в Центрах занятости населения люди. Большинство людей, действительно не имеющих постоянного заработка, не встают на учет в Центры занятости населения по разным причинам: 1) слишком маленькие пособия, на которые нельзя прожить; 2) пособия носят лишь временный характер, по истечении которого человек не может продолжать числиться безработным; 3) вакансии, предлагаемые Центром, зачастую находятся за пределами населенного пункта и в других регионах, либо заработная плата за предлагаемую работу очень низкая. Перейдем теперь к одному из основных социально-экономических характеристик региона – доходам населения (табл. 7).

Таблица 7

Среднедушевые доходы населения в мес.; руб.; до 1998 г. – тыс. руб.

Регион	Год										
	1990	1995	2000	2005	2010	2015	2020	2021	Место по РФ		
									2002	2020	2021
РФ	0,215	515	2288	8088	18958	30254	36073	40 272			
СФО	-	489	1890	6731	15007	23535	27972	30 770	5	7	7
ДВФО	-	639	2408	8989	20807	35019	39051	39 086	3	3	3
Республика Бурятия	0,197	372	1590	6027	14271	23858	26092	26 222	33	58	60
Забайкальский край	0,185	421	1139	5908	14205	22014	27046	27 048	61	52	53
Иркутская область	0,222	580	2281	7119	15110	21753	27571	26 355	21	49	47

Сост. по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2003: стат. сб. / Госкомстат России. М., 2003. С.126–127; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2022: стат. сб. / Росстат. М., 2022. С. 198–199.

В таблице 7 представлены сравнительные показатели по среднедушевым доходам населения за последние 30 лет. Показатели Республики Бурятия, наряду с Забайкальским краем, на протяжении всего периода трансформации намного ниже общероссийских значений. Бурятия в

2002 г. занимала 33-е место в рейтинге субъектов Российской Федерации по среднему доходу населения, к 2021 г. опустилась на 60 позицию.

На основании статистических данных Росстата нами были построены модели доходной стратификации республики и России по абсолютному подходу (рис. 1).

Рис. 1

Как видно из рисунка 1, графическая модель доходной стратификации Бурятии по абсолютным показателям напоминает перевернутый треугольник. По данной модели складывается впечатление о довольно благополучном экономическом положении населения республики с небольшой долей низкодоходных и гораздо большей долей средне- и высокодоходных групп. Отметим, что за обозначения на вертикальной шкале приняты величины среднедушевых доходов населения по статистическим данным¹. Если принятым в Росстате делением на 8 категорий населения условно обозначить социальные страты, то наиболее многочисленными будут две страты, находящиеся в доходном диапазоне 19000–27000 руб. (21,3%) и 27000–45000

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2003: Стат. сб. / Госкомстат России. М., 2003. С. 236.

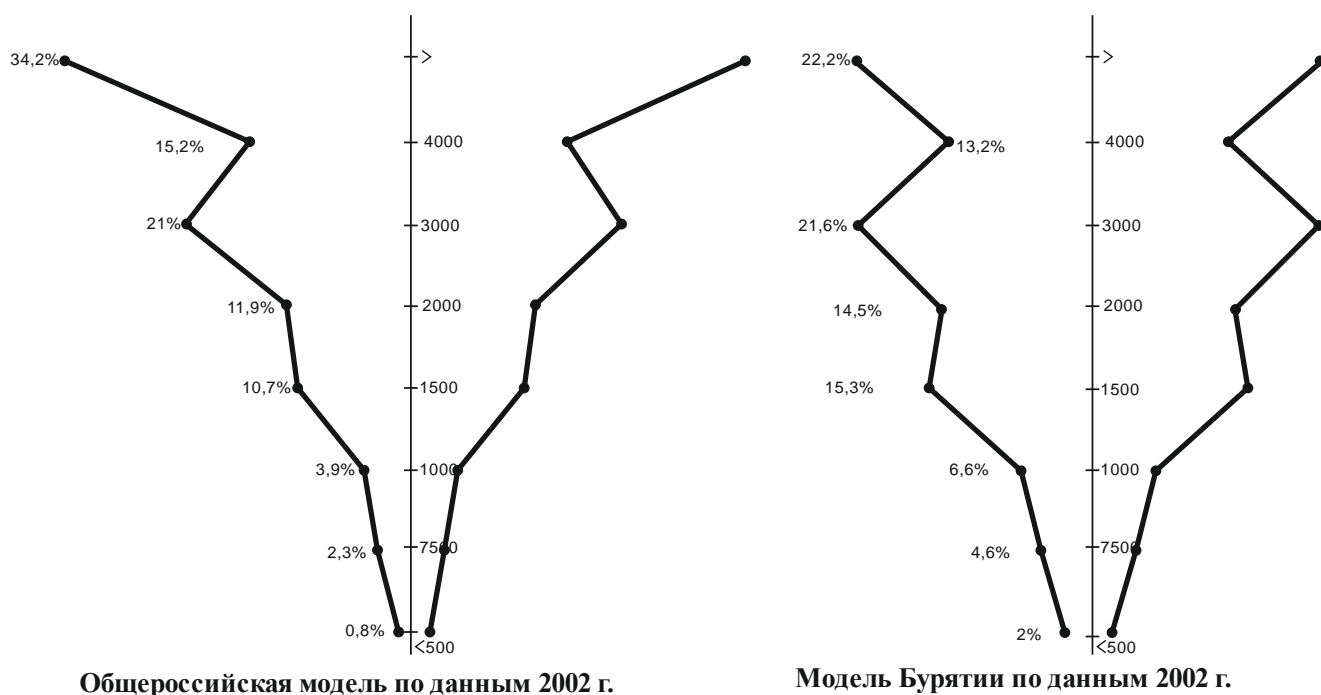
руб. (23,2%). На рисунке 1 видим, что в этих значениях происходит расширение треугольника, а выделенные диапазоны соответствуют среднедоходным группам. Но статистические данные не всегда отражают реальное социально-экономическое положение населения.

Для сравнения мы представили аналогичную общероссийскую модель доходной стратификации по абсолютным показателям (рис. 1). Как видим, в модели Бурятии низкодоходные группы представлены шире, а высокодоходные – намного уже. К примеру, в общероссийской модели самая высокодоходная группа составляет 14,6%, в Бурятии – всего 5,4%. Конфигурация данных моделей говорит о невысоком социально-экономическом положении населения республики.

Чтобы проследить динамику изменений конфигураций моделей доходной стратификации, мы разработали модели по данным Росстата за 2002 г. (самые старые данные, которые удалось найти по методу выявления восьми доходных групп). Сравним представленную модель с общероссийской того же года (рис. 2).

На рисунке 2 за 2002 г. модель по Бурятии также отличается от общероссийской тем, что в республике более обширно представлены низкодоходные группы, в отличие от высокодоходных (представители самой высокодоходной восьмой группы в республике составляют 22,2% всего населения против 34,2% в общероссийской модели).

Модели доходной стратификации по России и Бурятии, 2002 г.,%

По данным Росстата за 2020 г. численность населения в республике с доходами ниже прожиточного минимума составила 20% всего населения. Величина прожиточного минимума в Бурятии для трудоспособного населения в 2020 г. была 12803 руб.¹ Это значит, что пятая часть населения региона находится в очень сложных материальных условиях, потому что величина прожиточного минимума является той самой «чертой бедности», которая показывает объем потребления и использования материальных благ и услуг на минимально допустимом уровне, обеспечивающем условия для поддержания жизни.

Не менее важным в определении социально-экономического положения населения являются такие показатели, как коэффициент фондов²,

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2021: стат. сб. / Росстат. М., 2021 С. 237.

² Коэффициент фондов, или децильный коэффициент – статистический показатель, характеризующий уровень дифференциации населения по уровню доходов, показывает во сколько раз средний уровень денежных доходов 10% населения с самыми высокими доходами превышает средний уровень денежных доходов 10% населения с самыми низкими доходами.

коэффициент Джини¹, распределение общего объема денежных средств (по 20-% доходным группам) (табл.8).

Таблица 8

**Распределение общего объема денежных доходов
(по 20-% группам населения) в сравнении**

Регион, год	Первая (с наименьшими доходами)		Пятая (с наибольшими доходами)		Коэффициент фондов, раз		Коэффициент Джини	
	2002	2021	2002	2021	2002	2021	2002	2021
РФ	5,6	5,5	45,8	46,4	14	14,8	0,398	0,406
Москва	2,5	5,3	65,6	47	51	15,5	0,609	0,412
Санкт-Петербург	6,9	5,6	41,8	46,1	9,8	14,4	0,347	0,402
Республика Бурятия	5,6	6,7	45,9	42,4	14,1	10,3	0,399	0,355
Забайкальский край	7,6	6,8	39,8	42	8,1	10	0,320	0,350
Иркутская область	5,6	6,6	45,9	42,7	14,2	10,7	0,399	0,359

Сост. по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2003: Стат. сб. / Госкомстат России. М., 2003. С.146–147; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2021: Стат. сб. / Росстат. М., 2021. С. 232–233.

Данные таблицы 8 показывают, что ситуация с коэффициентами фондов и Джини, как и распределение доходов между крайними полярными группами, на протяжении 20 лет по Бурятии, соседним субъектам и в целом по России не сильно отличаются, поляризация населения по доходам углубляется. Исключение составляет Москва, где коэффициент фондов в 2002 г. составил 51, тогда как по другим городам и регионам это значение не превысило 15 раз. Таким образом, подавляющий объем денежных средств страны концентрируется в Москве и поляризация денежных доходов в большей мере также характерна для столицы РФ, о чем свидетельствует коэффициент Джини.

Данные региональные диспропорции находят подтверждение у Е. В. Петровой, А. В. Бильтриковой: «В целом население страны стало

¹Коэффициент Джини – статистический показатель степени расслоения общества данной страны или региона по какому-либо изучаемому признаку. Используется для оценки экономического неравенства, изменяется от 0 до 1. Чем больше его значение отклоняется от нуля и приближается к единице, тем в большей степени доходы сконцентрированы в руках отдельных групп населения.

беднее – средние доходы граждан в реальном выражении снизились. При этом 42% наиболее обеспеченных россиян проживают в Москве, 8,8% – в Подмосковье, 7% – в Санкт-Петербурге. Такая сверхконцентрация благосостояния в столице при низком уровне жизни в других регионах говорит о диспропорции, которая тормозит экономическое развитие страны и рост доходов ее граждан. Структура использования денежных доходов населения Бурятии показывает, что основная часть доходов граждан (2018 г. – 85,9%, 2019 г. – 87%) уходит на покупку товаров и услуг, и это самый высокий показатель в Дальневосточном федеральном округе из 11 субъектов. К примеру, в Чукотском АО только 38,2% используется на покупку товаров и услуг»¹.

Анализ показателей социально-экономического развития Бурятии за 30-летний период трансформации российского общества позволил сделать следующие выводы:

1. В Бурятии уменьшилась общая численность населения, которая стала стабильно меньше миллиона человек. Наблюдается небольшой естественный прирост населения (с 2006 г.), по сравнению с соседними Иркутской областью и Забайкальским краем, за счет чего поддерживается общая численность населения в республике в последние годы на уровне чуть менее миллиона человек.

2. Для республики характерно отрицательное сальдо миграции и миграционный отток населения, в основном в трудоспособном возрасте; старение населения, т.е. рост числа лиц старше трудоспособного и уменьшение доли лиц моложе трудоспособного возраста; стабильно высокий уровень безработицы, который постоянно растет; низкий уровень среднедушевых доходов, по сравнению с общероссийским уровнем и с соседними субъектами.

---

¹ Петрова Е. В., Бильтрикова А. В. Социальное неравенство в Бурятии в оценках населения // Общество: социология, психология, педагогика. 2021. № 10. С. 21–22.

3. Географическое положение республики (удаленность от центра) – это, безусловно, барьер для регионального социально-экономического развития в связи с существующим в РФ межрегиональным неравенством, но вместе с тем является и фактором для реализации потенциальных возможностей. Бурятия как трансграничный регион обладает стратегическим конкурентным преимуществом, а соседство с Монголией и Китаем (через Забайкальский край) дает обширные возможности для сотрудничества, однако пока данное стратегическое преимущество не используется в полной мере.

4. Социально-экономические показатели развития республики, оказывающие влияние на социальное расслоение в регионе, формируют определенный тип моделей доходной стратификации (по абсолютному подходу на основе данных статистики). Динамика конфигурации разработанных моделей говорит о невысоком социально-экономическом положении населения республики по состоянию на 2021 г., по сравнению с общероссийской моделью (2021 г.), – низкодоходные группы представлены шире, а высокодоходные – намного уже. Аналогично модели (республиканская и общероссийская) выглядели и в 2002 г. В то же время если сравнить республиканские модели за 2002 и 2021 гг., то видна положительная динамика роста средне- и высокодоходных групп и уменьшения числа низкодоходных групп.

Однако мы принимаем во внимание не слишком высокую репрезентативность модели доходной стратификации по абсолютному подходу и в следующем параграфе рассмотрим доходную стратификацию по относительному подходу.

2.2. Модель доходной стратификации и характеристика доходных групп

Существуют различные критерии для стратификации общества, такие как денежные доходы, имущество, доступ к власти, сфера занятости, уровень образования, престиж профессии, жизненные шансы и т.д. Но главным из них в современном мире выступают доходы. Дифференциация общества по уровню доходов относится к одномерным типам стратификации и воспринимается населением особенно болезненно, при этом выделяют абсолютный и относительный подходы для определения доходного распределения.

В данном параграфе рассмотрим доходное распределение по относительному подходу. Проанализируем три модели стратификации и охарактеризуем выявленные доходные группы и социальные слои:

- *относительную*, основанную на *страновой медиане*¹, взяв данные Федеральной службы государственной статистики РФ²;
- *относительную*, основанную на *региональной медиане*, взяв данные той же Федеральной службы государственной статистики РФ³;
- *относительную*, основанную на *республиканской медиане*, выявленной нами в результате проведенного социологического исследования.

Для начала определим понятие медианы, или медианного дохода. Медианный доход – это значение душевого дохода, находящегося ровно в середине ранжированного ряда всех единиц наблюдения. То есть 50% населения получает доход выше этого значения, а 50% – ниже. Такой метод подсчета более надежен, поскольку обнаруживает главную (основную) тенденцию и является свободным от погрешности, которую дает расчет

---

¹ ФСГС РФ с 2021 г. начала публиковать значения медианного среднедушевого дохода населения, в 2019 и 2020 гг. публиковала значение медианной заработной платы работников организаций, основанных на данных Пенсионной службы РФ.

² Регионы России. Социально-экономические показатели: Стат. сб. / Росстат. М., 2021. С. 200.

³ Там же. С. 201.

среднеарифметического значения в условиях ярко выраженного неравенства в доходах полярных социальных групп¹.

Росстат с 2021 г., публикует величины медианных доходов по стране в целом и по регионам в частности. Мы основываемся на этих величинах в построении двух первых моделей, для третьей же используем свою величину, рассчитанную на основе данных нашего социологического исследования, и называем ее *республиканской медианой*, поскольку исследование проводилось по всей республике.

В качестве основы для построения моделей используем подход исследователей ФНИСЦ РАН (Н. Е. Тихонова, С.В. Мареева, З. Т. Голенкова, Ю. В. Голиусова, П. Е. Сушко и др.): к «нищим» относим респондентов с доходами менее 0,25 медианы, к «нуждающимся» – людей с доходами 0,25–0,5 медианы, к «уязвимым» – с доходами 0,5–0,75 медианы, к «медианной группе» – с доходами 0,75–1,25 медианы, к «среднедоходным» – респондентов с доходами 1,25–2 медианы, к обеспеченным – с доходами 2–4 медианы, к «состоятельным» – с доходами более 4 медиан².

В проведенном социологическом исследовании мы отталкивались от вопроса анкеты, позволяющего выявить доходные группы: «Посчитайте, сколько дохода в среднем в месяц Вы имеете на каждого члена семьи (т.е. в расчете на одного члена Вашей семьи), включая заработную плату мужа (жены) и других членов семьи, а также пенсии, пособия, стипендии и другие доходы?». На выбор респондентов было представлено 13 вариантов ответа:

1. От 5 до 7 тыс. руб.;
2. От 7 до 10 тыс. руб.
3. От 10 до 12 тыс. руб.;
4. От 12 до 15 тыс. руб.;

---

¹ Тихонова Н. Е. Социальная стратификация в современной России: опыт эмпирического анализа. М.: Ин-т социологии РАН, 2007. С. 41.

² Модель доходной стратификации российского общества: динамика, факторы, межстрановые сравнения / Н. Е. Тихонова, Ю. П. Лежнина, С. В. Мареева, В. А. Аникин, А. В. Каравай, Е. Д. Слободенюк; под редакцией Н.Е. Тихоновой. М., СПб.: Нестор-История. 2018. С.67; Социально-стратификационные процессы в Республике Тыва / З. Т. Голенкова, Ю. В. Голиусова, П. Е. Сушко; ФНИСЦ РАН. М.- Кызыл: ФНИСЦ РАН, 2020. С. 64.

5. От 15 до 17 тыс. руб.;
6. От 17 до 20 тыс. руб.;
7. От 20 до 25 тыс. руб.;
8. От 25 до 30 тыс. руб.;
9. От 30 до 35 тыс. руб.;
10. От 35 до 40 тыс. руб.;
11. От 40 до 55 тыс. руб.;
12. От 55 до 70 тыс. руб.;
13. Свыше 70 тыс. руб.;
14. Напишите точную сумму _____

Данная интервальная шкала вопроса в анкете была заложена в связи с тем, что в 2008–2010 гг. группа социологов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН проводила похожее исследование по республике, и в анкетах значилось такое же количество ответов с другими значениями, актуальными на то время, но примерно со схожей интервальной шкалой, и было решено провести параллели с предыдущим исследованием. В 14 пункте необходимо было написать точную сумму дохода респондента на каждого члена семьи, чтобы выявить медианное значение среднедушевых доходов в республике.

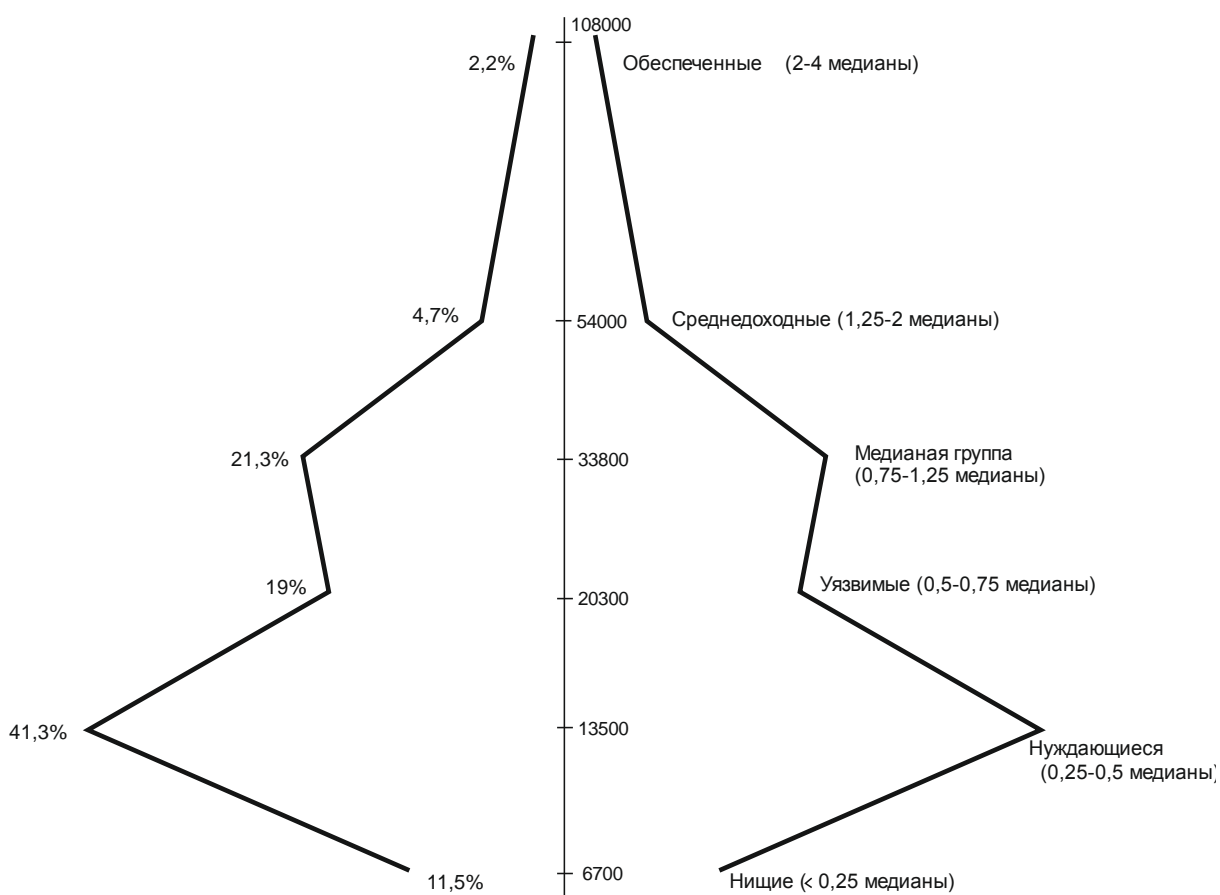
Линейка ответов на данный вопрос с абсолютными цифрами позволяет нам высчитать республиканскую медиану, соотнеся 13 групп (вариантов ответа) из анкеты с семью доходными группами по вышеупомянутому методу.

Исходя из величины медианного дохода, т.е, какую именно медиану мы берем в основу – *страновую, региональную или республиканскую*, так и располагаются доходные группы.

Итак, на рис. 3 показана доходная стратификация Республики Бурятия на основе *страновой* (общероссийской) медианы, которая, по данным статистики, в 2020 г. составила 27036 руб. 40 коп¹.

Рис. 3.

Модель доходной стратификации Бурятии на основе страновой (общероссийской) медианы, 2020 г., %

Данная модель напоминает юлу с очень широким основанием. Справа указаны названия доходных групп и величины доходов, соотносящихся с данными группами, слева, напротив них, представлены процентные соотношения доходных групп от всего населения. В середине – шкала доходов, которую мы высчитываем исходя из применяемой «медианы», по обе стороны которых и располагаются соответствующие доходные группы.

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2021: Стат. сб. / Росстат. М., 2021. С. 200.

Семь доходных групп данной модели мы получили, сгруппировав 13 вариантов ответа респондентов из нашей анкеты и доходные группы, принятые у исследователей ФНИСЦ РАН:

1. Нищие – 11,5% (группа 1).
2. Нуждающиеся – 41,3% (группы 2, 3 и частично 4).
3. Уязвимые – 19% (группы 4 (частично), 5, 6).
4. Медианная группа – 21,3% (группы 7, 8, 9 частично).
5. Среднедоходная группа – 4,7% (группы 9 (частично), 10, 11).
6. Обеспеченные – 2,2% (группы 12, 13).
7. Состоятельные – 0.

Как видим, более половины населения (52,8%) находится за гранью бедности («нищие» и «нуждающиеся»), еще 19% опрошенных («уязвимые») могут легко «скатиться» до уровня бедности. «Медианная группа» составила 21,3% всего населения, доля более благополучных групп совсем не велика (6,9% «среднедоходных» и «обеспеченных»). Следует отметить, что при применении страновой медианы в республике группы «состоятельных» не выявлено, возможно, она может быть настолько мала, что не попала в выборку, либо была труднодоступна для анкетеров (более 108 тыс. руб. на каждого члена семьи).

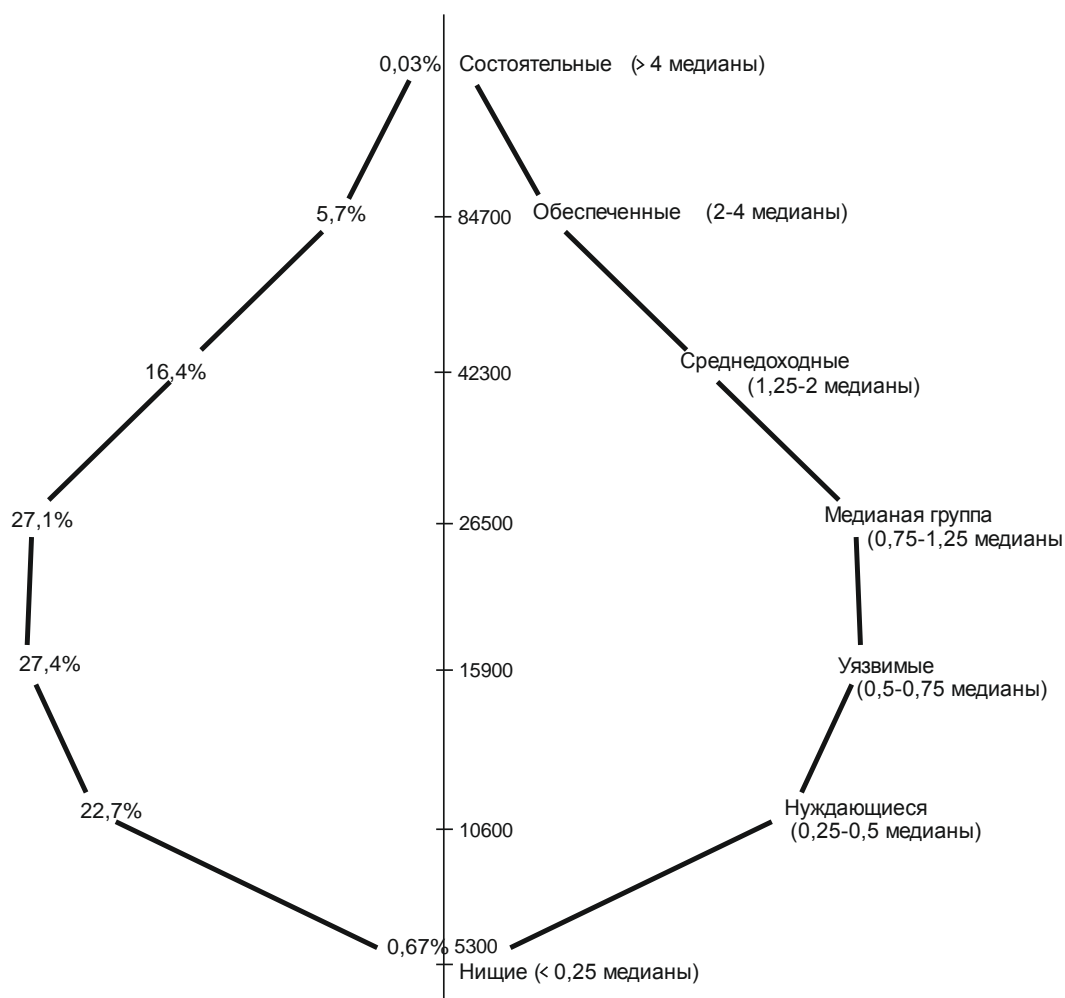
Поскольку медиана означает середину ранжированного ряда, то медианная группа должна быть в середине всех доходных групп, т.е. респондентов с доходами ниже и выше этого значения должно быть поровну, чего мы не наблюдаем в данной модели. Из этого следует, что *страновая медиана* не соответствует реальным доходам населения в республике.

На рисунке 4 представлена модель доходной стратификации Бурятии на основе *региональной медианы*. В 2020 г. медианный среднедушевой денежный доход населения в Республике Бурятия, согласно ФСГС РФ, составил величину в 21689,9 руб. в месяц¹.

---

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2021: Стат. сб. / Росстат. М., 2021. С. 202.

**Модель доходной стратификации Бурятии
на основе региональной медианы, 2020 г., %**

Данная модель имеет каплевидную форму с широким основанием и узким верхом. Согласно этой модели, подавляющая часть населения республики (в совокупности 77,9% – «нищие», «нуждающиеся», «уязвимые», «медианная группа») относится к малообеспеченным, низкодоходным группам. Но, как правило, медианный класс представляет собой наиболее типичный для населения современной России и в то же время минимально приемлемый стандарт жизни, однако в нашей модели данный класс относится к малообеспеченным.

О соотношении медианного класса и уровня малообеспеченности пишет и Н. Е. Тихонова¹.

В представленной графической модели социальной стратификации доходные группы соотносятся с группами из нашей анкеты таким образом:

1. Нищие – 0,67% (часть группы 1).
2. Нуждающихся – 22,7% (группы 1 и 2).
3. Уязвимых – 27,4% (группы 3 и 4).
4. Медианную группу – 27,1% (группы 5, 6, 7).
5. Среднедоходную группу – 16,4% (группы 8, 9, 10).
6. Обеспеченных – 5,7% (группы 11, 12, 13).
7. Состоятельных -0,03 (часть группы 13).

То есть практически 78% населения республики (сумма четырех нижних доходных групп) получают среднедушевой доход в месяц менее 26500 рублей, хотя по данным ФСГС РФ, доходы менее 27 тыс. руб. в республике получает только 64,6%². У медианной группы в нашем исследовании (27,1%) доход от 15900 до 26500 руб., и располагается она на графической модели не в середине, как должно быть, а чуть выше. Соответственно, и данная модель, построенная на основе *региональной медианы*, не может отражать объективную действительность доходных распределений в республике.

Особо примечательно, что разница между страновой и региональной медианами составляет всего 5347 руб., но насколько сильно эта небольшая разница меняет графическую модель доходной стратификации республики.

Тот факт, что статистические службы в последние годы начали применять новую методику подсчета доходов, выявляя медианные значения, является положительным сдвигом. Однако она, насколько нам известно, основывается на данных Пенсионного фонда РФ применительно к заработным платам сотрудников организаций, что не может отражать

---

¹ Тихонова Н. Е. Социальная стратификация в современной России: опыт эмпирического анализа. М.: Ин-т социологии РАН, 2007. С. 131.

² Регионы России. Социально-экономические показатели. 2021: Стат. сб. / Росстат. М., 2021. С. 235.

фактического социально-экономического положения населения. Мы же в своем социологическом исследовании учли все виды доходов респондентов, включая пенсии, пособия, временные заработки, доход от недвижимости и пр.

Для выявления фактической медианы, которую мы назвали «*республиканской*», ранжировали ответы респондентов касательно их среднедушевого месячного дохода от меньшего к большему, и ровно середина данного ряда составила значение 13500 руб. Эта величина значительно ниже региональной и страновой медиан и как оказалось, даже ниже медианных значений по Республике Тыва. Хотя, по данным статистики, Республика Тыва на протяжении последних лет считается самым бедным регионом страны¹. Такие низкие значения медианного дохода в Бурятии объясняются тем, что нами выявлялись только денежные доходы населения (заработные платы, подработка, социальные пособия, пенсии, доход от имущества и т.д.), в Республике Тыва учитывались доходы домохозяйств, включая скот, личное подсобное хозяйство и др.

Для эмпирической идентификации доходных групп, выявленных нами в ходе социологического исследования, мы использовали итерационный метод Т. И. Заславской², чтобы достичь гомогенности наших доходных групп и заодно проверить степень достоверности ответов на вопрос о среднедушевых доходах.

Вначале 13 доходных групп из вопроса анкеты о среднедушевых доходах проверяли по другим вопросам из анкеты, чтобы быть уверенными, что все респонденты соответствуют сущностным особенностям каждой доходной группы. Проверочными переменными были несколько вопросов. Основной вопрос «Скажите, пожалуйста, к какой группе Вы относитесь?» и варианты ответа: *«мы едва сводим концы с концами, денег не хватает даже*

---

¹ Рейтинг российских регионов по качеству жизни – 2021 // РИА Новости [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ria.ru/20220214/kachestvo_zhizni-1772505597.html (дата обращения 05.12.2022).

² Заславская Т. И. Структура современного российского общества // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 1995. № 6. С. 8.

на питание»; «денег не хватает только на питание, даже покупка вызывает затруднения»; «доходов нам хватает на питание и одежду, но на покупку вещей длительного пользования приходится копить или брать кредит»; «мы можем без труда покупать вещи длительного пользования, но затруднительна покупка дорогих вещей, например автомобиля»; «мы можем купить автомобиль, но затруднительна покупка квартиры, дома»; «ни в чем себе не отказываем».

При обнаружении нестыковок в ответах на вопрос о среднедушевых доходах респондента с вопросом о самооценке доходов семьи, мы соотносили уже их ответы с еще двумя вопросами «Сколько человек в Вашей семье?» и «Есть ли у Вас дети в возрасте до 18 лет, если да, то сколько?»

Периодически обнаруживалось, что некоторые респонденты указывали общие доходы, а не на каждого члена семьи, в этом случае мы высчитывали среднедушевой доход исходя из количества членов семьи.

Дополнительно для проверки также использовали вопрос «Как бы Вы оценили в настоящее время материальное положение вашей семьи?» с вариантами ответа: «очень хорошее», «хорошее», «среднее», «плохое», «очень плохое», «затрудняюсь ответить». Так процедуру проверки мы повторяли до тех пор, пока группа не становилась достаточно гомогенной по интересующим нас признакам.

В итоге наши гомогенные группы в процентном соотношении распределись следующим образом:

1. Нищие – 0,1% (часть группы 1).
2. Нуждающиеся – 11,6% (группа 1).
3. Уязвимые – 11,4% (группа 2).
4. Медианная группа – 40,9% (группы 3–5).
5. Среднедоходная группа – 18,8% (группы 6–7).
6. Обеспеченные – 16% (группы 8–11).
7. Состоятельные – 1,2% (группы 12–13).

Модель стратификации, построенная на основе полученных результатов, представлена на рисунке 5. Она выглядит наиболее соответствующей реалиям, поскольку медианная группа располагается в центре модели и занимает наибольшую долю всего населения, выше и ниже медианы расположены примерно одинаковые доли опрошенных.

Поскольку фактический медианный доход в республике оказался ненамного выше уровня прожиточного минимума, который в 2020 г. составил 12810 руб. для трудоспособного населения, то можно утверждать, что 64% населения республики относится к малообеспеченным и бедным слоям. Результаты нашего исследования показывают, что 82,8% населения получает среднедушевой доход менее 27000 руб., хотя по данным ФСГС РФ, таких 64% населения.

Рис. 5.

Главным критерием для выделения доходных групп являются доходы (заработная плата, пенсии, пособия, доходы от имущества, вкладов и т.д.). В то время как на объемы доходов влияют региональное и поселенческое неравенства, сфера занятости и занимаемая должность, а также кредитная и иждивенческая нагрузки респондентов. Проанализируем выделенные доходные группы. Поскольку две полярные группы («*нищие*» и «*богатые*») были в нашем исследовании малодоступны, начнем с группы «*нуждающихся*».

Группа «*нуждающихся*» получает доход от 5 до 7 тыс. руб. на каждого члена семьи и представлена в основном сельскими жителями (59,5%), в то время как городских внутри этой группы 40,5%. Безусловно, не только в нашем регионе, но и в целом в стране хуже всего обстоят дела в селах. Как правило, в селах ограничены возможности найти работу, к тому же рынок трудоустройства крайне скудный, потому неудивительна большая доля безработных в данной группе (15,9% респондентов).

По возрастной характеристике 34,8% представителей группы «*нуждающихся*» – это молодежь (18–29 лет), 29% – 30–39-летние, 17,4% – 40–49-летние, 14,5% – 50–59-летние, 4,3% – люди старше 60 лет. Группа «*нуждающихся*» является менее образованной из всех представленных: 56,5% имеют основное среднее общее образование, 29% – среднее профессиональное и лишь 14,5% – высшее.

Вероятно, молодежь данной группы, а именно они составляют более трети всей группы (34,8%), – недавние выпускники средних школ, которые не смогли поступить в вузы, и выпускники средних профессиональных учреждений, специальность которых, возможно, не востребована в селах. Примечательно, что большая часть группы – мужчины (56,5%).

Уровень занятости «*нуждающихся*» распределился так: 20,3% – квалифицированные рабочие, по 17,4% служащие различных сфер и домохозяйства, почти 16% – зарегистрированные и незарегистрированные безработные, по 15,9% неквалифицированные рабочие и крестьяне, 14,5% –

студенты и учащиеся и далее по убывающей представлены самозанятые, пенсионеры, фермеры и т.д. В целом около 32% представителей группы «нуждающихся» не имеют работы (студенты, пенсионеры, безработные) и еще 26% респондентов опасаются, что могут ее потерять. Что касается личного подсобного хозяйства у сельчан, то зачастую и оно не покрывает нужды семьи.

Помимо доходов респондентов большое значение имеет экономический ресурс в виде собственности. Так, Н. Е. Тихонова, анализируя проблему социальной стратификации в России, уделяет особое внимание проблеме недвижимости, потому что это не только одно из важнейших проявлений социальных неравенств в повседневной жизни россиян из разных слоев населения, но и основной экономический ресурс, которым они располагают¹.

Несмотря на то, что большая часть группы «нуждающихся» в республике проживает в собственных домах (58%) и квартирах (14,5%), есть немалая доля тех, кто арендует жилье (14,5%). На вопрос «Есть ли у Вас в собственности еще какое-либо жилье?» более 71% респондентов из данной группы ответили «*другого жилья нет*».

Одним из факторов, влияющим на уровень жизни семьи, является иждивенческая нагрузка. Количество членов в семье напрямую влияет на то, как распределяются доходы семьи. Если учесть всех опрошенных нами респондентов, то в семьях количество человек обычно варьируется от одного до пяти. Но только в доходной группе «нуждающихся» в семьях есть по 6, 7 и даже 11 человек. Так, становится очевидно, почему многодетные семьи оказываются практически в самой низшей доходной группе.

Наряду с иждивенческой нагрузкой на уровень жизни респондентов влияют такие факторы как кредитная нагрузка и финансовая грамотность. Бурятия в последнее десятилетие занимает одно из лидирующих мест в

---

¹ Тихонова Н. Е. Социальная стратификация в современной России: опыт эмпирического анализа. М.: Ин-т социологии РАН, 2007. С. 69.

рейтинге субъектов РФ с самыми высокими показателями по закредитованности населения¹.

Наше исследование лишь подтвердило данные статистики. В доходной группе *«нуждающихся»* более 68% респондентов имеют долги перед банками и физлицами и около 87% вовсе не имеют никаких накоплений и сбережений. Примечательно, что именно в данной группе самая высокая доля обладателей *«грабительских»* кредитов со ставкой свыше 35%, их оказалось более 7%. В других группах респондентов с подобными кредитами в разы меньше – от 0,9% до 1,3%. Более того, 75% представителей группы *«нуждающихся»* не знают, что такое пассивный доход и *«финансовая подушка безопасности»*. На вопрос *«Создаете ли Вы себе пассивный доход?»* с вариантами ответов *«откладываю на черный день»*, *«создаю подушку безопасности»*, *«откладываю часть заработной платы на вклад в банке, НСЖ (накопительное страхование жизни), ИСЖ (инвестиционное страхование жизни), ценные бумаги»*, *«вкладываю в недвижимость»*, *«вкладываю в бизнес»*, *«не знаю, что это такое»* 75,3% опрошенных выбрали последний вариант. Представляется, что такая низкая грамотность в плане финансового поведения приводит людей к бедности.

Когда человек не удовлетворен уровнем жизни, он пытается использовать различные адаптационные стратегии для улучшения жизни: работает на второй работе, сдает недвижимое имущество, подрабатывает, увеличивает количество скота, выращивает больше овощей, собирает грибы, ягоды, орехи для продажи и т.д.

По всем доходным группам население использует практически похожий набор адаптационных стратегий, но именно группа *«нуждающихся»* примечательна тем, что более четверти представителей группы на вопрос *«Что Вы делаете для того, чтобы улучшить свое материальное положение?»* выбрали ответ *«ничего не предпринимаю, так как*

---

¹ Ван И. Д. Закредитованность населения как один из показателей социально-экономического развития Республики Бурятия // Социально-гуманитарные знания. 2018. № 4. С. 253.

ничего не могу сделать». Пассивность, низкий уровень образования, в целом человеческого капитала, «консервирует» и без того печальное положение низкодоходной группы *«нуждающихся»*.

Объективную оценку положения этой группы также дают ответы респондентов на вопрос о том, к какой группе они относят свою семью. Так, 42% опрошенных указали, что *«денег хватает только на питание, даже покупка одежды вызывает затруднения»*, 39% выбрали ответ *«доходов хватает на питание и одежду, но на покупку вещей длительного пользования приходится брать кредит»*, а 8,7% признались, что *«едва сводят концы с концами, денег не хватает даже на питание»*.

«Портрет бедности» предполагает плохое питание, недоступность приобретения новых одежды и обуви, плохие жилищные условия, отсутствие качественной медицинской помощи и возможностей получить хорошее образование, удовлетворить первоочередные нужды без долгов, провести так, как хочется свое свободное время¹.

Естественно, что при ограниченности рынка труда сел и малых городов рабочая сила такого типа является неконкурентоспособной, что понимают и учитывают при выборе форм поддержки домохозяйств из нижних страт окружающие их люди. Уже сформировалась так называемая субкультура бедности. Именно у бедных за последние годы обнаруживается заметное снижение планки духовных притязаний².

Перейдем к следующей доходной группе – *«уязвимые»*. Их среднедушевой доход составляет от 7 до 10 тыс. руб. в месяц. Около 52% представителей группы *«уязвимых»* проживают в городах, 48% – в селах. Более четверти группы – население в возрасте от 18 до 29 лет, около 24% – в возрасте 30-39 лет, 21% – в возрасте 50-59 лет, 18% и 11% составляет население в возрасте 40-49 лет и старше 60 лет соответственно. В группе *«уязвимых»* больше людей старшего пенсионного и предпенсионного

---

¹ Тихонова Н. Е. Социальная стратификация в современной России: опыт эмпирического анализа. М.: Ин-т социологии РАН, 2007. С. 99.

² Там же. С. 123.

возраста по сравнению с предыдущей группой. По образовательному капиталу данная группа чуть выше предыдущей: доля людей с высшим образованием несколько шире (21%), со средним специальным образованием – 37% и с основным школьным – 42%.

По сферам занятости больше всего респондентов приходится на учащихся, студентов, пенсионеров, служащих, самозанятых и неквалифицированных рабочих. Треть представителей, как и в группе «нуждающихся», не имеет постоянной работы. В вопросе «Из каких источников складывается бюджет вашей семьи?» по 43% набрали ответы «заработная плата» и «заработная плата членов семьи», 40% – «пенсии». Для сравнения, в группе «нуждающихся» получателей пенсий было намного меньше (25%), зато получателей различных пособий больше (33% против 26%).

По экономическому ресурсу в виде недвижимого имущества ситуация ненамного лучше, по сравнению с предыдущей группой: в собственных домах проживают 67% опрошенных и в квартирах 5,5%, арендуют жилье свыше 4%, и у 78% представителей группы нет иного недвижимого имущества.

В состав семей в группе «уязвимых» входят от 1 до 6 чел. (максимум), практически у 39% опрошенных нет несовершеннолетних детей.

Что касается кредитной нагрузки, то доля людей с долгами в группе уязвимых меньше, нежели в предыдущей (51%), тем не менее очень много людей крайне закредитованных, которые имеют по несколько кредитов, являясь тем самым «мультизаемщиками». Хотя не может не радовать факт, в данной группе появляются ответы, что у людей есть ипотека за жилье, которое они сдают. На вопрос «Какими обязательствами перед банками Вы обременены?» 2,8% респондентов выбрали ответ «ипотечный кредит на жилье, которое сдаем внаем». Данная практика говорит о том, что респонденты пытаются применять механизмы банковских кредитов не ради

решения насущных проблем, а для наращивания своего экономического капитала.

Тем не менее 87,5% респондентов группы «уязвимых» не имеют накоплений и сбережений, что не удивительно при таких низких доходах. Представители вышеупомянутых двух групп ведут крайне непрехотливый образ жизни, им средств не хватает даже на самое необходимое, и здесь, конечно, неудивительно, что у людей нет накоплений.

Адаптационные стратегии группы «уязвимых» схожи с группой «нуждающихся»: это сезонная подработка, выращивание овощей, сбор ягод, грибов, орехов и т.д., другими словами, две представленные группы занимаются самыми малоэффективными стратегиями для улучшения материального положения. Ровно четверть опрошенных (25%) бездействует (выбрали ответ «ничего не предпринимаю, так как ничего не могу сделать»).

По вопросу объективного определения своей семьи ответы расположились практически одинаково с группой «нуждающихся»: 42% респондентов «денег хватает только на питание», 37,5% – «денег хватает только на питание и одежду», 7% – «едва сводят концы с концами».

Сопоставив и сравнив две описанные группы, их можно объединить в одну большую группу – «бедные», поскольку их представители ведут практически одинаковый образ жизни, уровень образования не слишком различается, они используют одни и те же малоэффективные методы для улучшения жизни, а зачастую и вовсе смиряются с подобным низким уровнем жизни, при этом многие из них относят себя к среднему классу.

Эту социально-психологическую особенность уже отмечали исследователи: «... при определении человека с его социальным статусом он обычно соотносит себя с представителями сходных статусных позиций, то есть ориентируется на окружение с тем же уровнем образования, родом деятельности, служебными полномочиями и доходами. В результате даже граждане с очень высоким статусом обычно не ставят себя на верхние позиции в статусной иерархии, в то время как люди с очень низким статусом

учитывают при его определении существование людей с еще более низким статусом»¹.

В таблице 9 представлены субъективные оценки своего социального статуса и материального положения доходными группами. Более детально субъективные оценки населения республики мы раскроем в следующем параграфе.

Таблица 9

Оценка доходными группами своего социального статуса, %

В обществе существуют разные социальные слои. К какому из них Вы могли бы отнести себя и свою семью?, %						
Варианты ответа Группы	Нуждаю- щиеся	Уязвимые	Медианная группа	Средне- доходные	Обеспечен- ные	Состоя- тельные
Высший	0	0	0,9	0,9	1	16,7
Выше среднего	2,9	3	5,8	6,8	12,8	50
Средний	37,7	50,3	56,3	66	71,6	16,7
Ниже среднего	39,1	32,3	26,6	21,2	12,8	16,6
Низший	2,9	4,4	4	0,9	0	0
Самый низший	5,8	1,6	1,7	0	0,9	0
Затрудняюсь ответить	11,6	8,4	4,7	4,2	0,9	0
Итого	100	100	100	100	100	100
Как бы Вы оценили в настоящее время материальное положение вашей семьи?, в %						
Варианты ответа Группы	Нуждаю- щиеся	Уязвимые	Медиан- ная группа	Средне- доходные	Обеспе- ченные	Состоя- тельные
Очень хорошее	2,9	0	0,8	1,7	0	16,7
Хорошее	10,1	8,3	9,6	16,7	31,4	50
Среднее	39,1	52,8	64,6	71,6	59,8	33,3
Плохое	31,9	23,6	19,6	7,5	6,9	0
Очень плохое	7,3	4,2	2,4	0	0	0
Затрудняюсь ответить	8,7	11,1	3	2,5	1,9	0
	100	100	100	100	100	100

Сост. по: результатам социологического исследования ИМБТ СО РАН в 2020–2021 гг.

Еще одной доходной группой в шкале «бедность–богатство» является «медианная группа».

¹ Тихонова Н. Е. Модель субъективной стратификации российского общества и ее динамика // Вестник общественного мнения. 2018. № 1–2 (126). С. 18.

Медианный класс – наиболее трудный для анализа и описания объект. Это временное образование в социальной структуре современной России, связанное с переходным состоянием российского общества от состояния относительной социальной однородности советского образца к обществу с очень глубокой поляризацией населения и массовой бедностью. В процессе этого перехода российское население с учетом всего спектра накопленных ранее ресурсов сначала распалось на ряд имеющих значимые различия в своем положении групп. Однако в силу тенденции относительного обеднения основной части населения имеет место сползание основной массы россиян от малообеспеченности к бедности, а от нее – к нищете¹.

«Медианная группа», согласно нашему исследованию, занимает 40,9% всего населения республики, это самая большая социальная страта в структуре нашего регионального общества. Характеризуя ее, мы говорим и о наиболее типичном для республики и минимально приемлемом для нее стандарте жизни.

Представители «медианной группы» получают среднедушевой доход от 10 тыс. до 16800 руб. в месяц, что соответствует уровню прожиточного минимума. 54% группы проживает в городе, 46% – в селах, такое соотношение городского и сельского населения соответствует общим статистическим показателям по республике.

Половозрастной состав также соотносится с общей выборкой: 32% – население в возрасте 18–29 лет, 18% – 30–39 лет, 13,4% – 40–49 лет, свыше 16% – 50–59 лет. Исключение составляет самая возрастная группа (старше 60 лет), их доля в «медианной группе» более 20%, в то время как в других доходных – от 4 до 16%. Во всех изученных нами доходных группах концентрация пенсионеров максимальна именно в «медианной». Это объясняется государственной программой по региональным доплатам к пенсиям до уровня прожиточного минимума. Группа пенсионеров при этом

---

¹ Тихонова Н. Е. Социальная стратификация в современной России: опыт эмпирического анализа. М.: Ин-т социологии РАН, 2007. С. 145.

является самой уязвимой, которая очень легко может скатиться в первые две группы бедных.

По уровню образования «*медианная группа*» распределилась следующим образом: респонденты с высшим образованием – 20%, со средним специальным – 42%, со средним общим – 38%.

Как видим, наличие высшего образования как в этой, так и в предыдущей группе не является действенным фактором улучшения материального положения. Специфика рынков труда поселений, где проживает большинство представителей этого класса, не располагает таким количеством эффективных рабочих мест, предполагающих наличие специального профессионального образования, которое позволило бы образованию выступить значимым фактором вертикальной восходящей социальной мобильности. Проблема упирается и в специфику региональных рынков труда, и без их развития в результате структурной перестройки экономики рассчитывать на переход представителей медианного класса в более высокие слои в массовом масштабе не приходится¹.

По сферам занятости «*медианная группа*» довольно разная: большую часть ее составляют пенсионеры (более 21%), высока численность служащих (19,5%), квалифицированных рабочих (15%) и студентов (16%). В «*медианной группе*» появляются работники государственного аппарата (5,7%), увеличивается доля в сравнении с предыдущими группами самозанятых (уже более 7%), специалистов инженерно-технического профиля (8,4%) и т.д. Положение на работе у представителей данной группы более стабильное, нежели в предыдущих, доля тех, кто может потерять работу или уже потерял, невысока (16% и 2% соответственно). Можно резюмировать, что в данной группе у респондентов стабильно невысокие доходы.

---

¹ Тихонова Н. Е. Социальная стратификация в современной России: опыт эмпирического анализа. М.: Ин-т социологии РАН, 2007. С. 153.

Общий доход семьи в *«медианной группе»* главным образом формируется из заработной платы кормильца и других членов семьи, пенсий, пособий, дополнительных заработков, и пр. Имеют вторую работу 11,5% респондентов. У более 82% есть собственное жилье (дом, квартира), причем для 69% из них это единственное недвижимое имущество. Около 11% имеют дом в деревне, 8% – еще одну квартиру, около 7% – дачи.

У большинства опрошенных от одного до пяти человек в семье, доля многодетных семей в *«медианной группе»* значительно ниже двух предыдущих групп. Следует заключить, что представители групп *«нуждающихся»*, *«уязвимых»* и *«медианной»* в совокупности (т.е. практически 64% всего населения республики) получают в среднем примерно одинаковый доход, но две нижние группы попадают в бедные слои за счет большего количества членов семьи.

Более половины представителей *«медианной группы»* имеют долги и кредиты. Надо отметить, что из всех изученных семи групп эта самая закредитованная. Это типичная картина нашего региона, когда жить по средствам не удастся: платные медицинские и образовательные услуги, необходимость собирать детей в школу, желание «держаться» на среднем уровне среди знакомых, быть не хуже всех – эти факторы толкают людей брать кредиты как самый легкий и быстрый способ решить текущие проблемы.

По адаптационным стратегиям для улучшения материального положения ситуация в *«медианной группе»* такая же, как и в предыдущей, с разницей в том, что доля респондентов, которые ничего не предпринимают, меньше – 12%.

«Медианная группа» в нашей республике составляет большинство (40,9%), и экономическое положение ее лучше, чем у групп *«нуждающихся»* и *«уязвимых»*: практически 60% представителей этой группы указали, что *«денег им хватает на питание и одежду, но на покупку вещей длительного пользования они вынуждены брать кредиты»*, у 24% респондентов *«денег*

хватает только на питание, но покупка одежды вызывает затруднения» и «едва сводят концы с концами» 4,2%.

Медианный класс – это временное, переходное образование, в котором идут непростые процессы его размывания и внутриклассовой поляризации, позволяющие предполагать, что какая-то его часть со временем, при условии общего экономического роста, перейдет в относительно более благополучные слои. Тем не менее, для класса в целом характерно скорее медленное исчерпание его ресурсов, чем их приращение. Наиболее характерна эта тенденция для пенсионеров, составляющих значительную и постоянно растущую часть этого класса¹.

Следующей доходной группой в социальной структуре республиканского общества являются *«среднедоходные»*, соответствуют среднему классу, и составляют 18,8% всего населения. Они отличаются от *«медианной группы»* возможностями использования платных услуг, наличием недвижимого имущества и свободных средств. Данная группа получает доход от 16800 до 27 тыс. руб. на каждого члена семьи. Более 63% из них – городское население, около 37% – сельское.

Группу *«среднедоходных»* можно сопоставить с понятием «средний класс», под которым подразумеваются социальные слои, которые находятся на вертикальной шкале «бедность–богатство» между медианным классом и богатыми². Они объединяют отнюдь не средние (в смысле «середины») слои – эту роль играет медианный класс. Однако именно стандарт жизни воспринимается большинством населения России как «нормальная жизнь», как некий средний стандарт, в то время как медианный уровень означает лишь минимально приемлемый уровень жизни – прожиточный минимум. И сами их представители ощущают себя представителями именно средних слоев³.

---

¹ Тихонова Н. Е. Социальная стратификация в современной России: опыт эмпирического анализа. М.: Ин-т социологии РАН, 2007. С. 154.

² Там же. С. 157.

³ Там же. С. 159.

Возрастной состав *«среднедоходной группы»* следующий: 36% составляет население от 18 до 29 лет, 14% – от 30 до 39 лет, по 17,5% – от 40 до 49 и от 50 до 59 лет, 15% – население старше 60 лет.

С высшим образованием – 34% опрошенных, со средним специальным – 28%, со средним общим – 37%, чуть менее 1% занимают люди с научной степенью.

По профессиональной занятости *«среднедоходная»* группа отличается от первых трех доходных тем, что в ней больше всего квалифицированных рабочих (22,5%), высокая доля служащих и специалистов инженерно-технических специальностей (18,3% и 15,8% соответственно), сравнительно больше доля руководителей среднего и высшего звена (более 14%). Профессиональный статус людей, входящих в *«среднедоходную»* группу, позволяет получать доходы выше и воспроизводить более обширные возможности для наращивания человеческого капитала.

Источники дохода в данной группе такие же, как в целом по всей выборке: заработная плата своя (67,5%) и других членов семьи (45,8%), пенсии (35%), вторая работа, подработка и пр. Примечательно, что именно с этой группы стали появляться такие источники дохода, как проценты от банковских вкладов (4,2%), сбережения (9,2%), намного выше возрастает доля респондентов, кто получает доход от сдаваемого внаем недвижимого имущества (6,7%). *«Среднедоходная»* группа, конечно же, отличается от малоимущих групп наличием не только денежных средств, но и движимого и недвижимого имущества. Более 80% респондентов этой группы имеют собственное жилье, при этом для 45% из них это не единственное недвижимое имущество, у них есть еще квартиры, дома и дачи.

У данной группы иждивенческая нагрузка небольшая – в семьях от одного до пяти человек. У 57,5% опрошенных нет несовершеннолетних детей, что значительно меняет структуру семейных расходов. Начиная со *«среднедоходной»* группы наблюдается уменьшение доли людей с кредитной

нагрузкой. В предыдущих группах респондентов с долгами было всегда больше половины: 68,1% «нуждающихся», 51,4% «уязвимых», 51,1% «медианной группы». В «среднедоходной» группе долги и кредиты имеют только 47,5%. Финансовое поведение представителей группы говорит о довольно высоком уровне финансовой грамотности: они откладывают средства, создают «подушку безопасности» (35%), вкладывают в накопительное и инвестиционное страхование жизни, ценные бумаги (5,8%), бизнес (3,3%).

Более 53% представителей «среднедоходной» группы отмечают, «что доходов хватает на питание и одежду, но на покупку вещей длительного пользования приходится копить или брать кредит», около 26% респондентов «могут без труда покупать вещи длительного пользования, но затруднительна покупка автомобиля», почти 12% «денег хватает только на питание и одежду». Возникает вопрос, действительно ли представителей данной группы можно отнести к среднему классу?

По мнению Н. Е. Тихоновой, «главная специфика средних классов в сфере потребления связана не только с отдельными предметами собственности, сколько с качественно иными жизненными шансами в сфере потребления и в жизни в целом. Речь в данном случае идет не только о том, что именно здесь в массовом масштабе появляются пресловутые стили жизни и, соответственно, возможность их выбора с сопутствующей этому горизонтальной стратификацией, или о возможности воспроизводства и наращивания имущественного потенциала домохозяйств, но и об общем ощущении того, что жизнь в целом складывается неплохо, в ней происходят какие-то позитивные сдвиги и что можно, пусть и в достаточно скромных масштабах, «что-то себе позволить»¹.

Представители средних классов занимают сегодня наиболее привлекательные производственные позиции. Только начиная со средних

---

¹ Тихонова Н. Е. Социальная стратификация в современной России: опыт эмпирического анализа. М.: Ин-т социологии РАН, 2007. С. 167.

классов, в сознании их представителей начинает доминировать экономическая рациональность и конструктивные экономические ценности – убеждение, что упорный труд является причиной успеха, что предприниматели не столько наживаются на чужом труде, сколько дают людям рабочие места, готовность к ответственности за обслуживание и содержание принадлежащей им собственности. Именно они находятся как бы «на стыке» принципиально разных классов, массово имея, с одной стороны, в своем ближайшем окружении бедных, а с другой – богатых. Они выполняют интегрирующую функцию в обществе, они имеют определенный экономический ресурс, а также достаточно средств для появления стилевых различий потребления»¹.

Таким образом, наша региональная так называемая «среднедоходная» группа отнюдь не является по общероссийским меркам средним классом. Она значительно уступает по уровню и качеству жизни. Тем не менее имеющиеся у нас доходные группы были сформированы исходя из *республиканской* медианы, и для нашего общества «среднедоходная» группа – это некий показатель более-менее благополучного положения семей и индивидов.

Перейдем к не менее интересной доходной группе «обеспеченных», общая доля которых занимает 16%. Среднедушевой доход в данной группе варьируется от 27 тыс. до 54 тыс. руб. в месяц. Около 60% представителей группы – городское население, 40% – сельское. Возрастной состав следующий: 29,4% – молодежь (18–29 лет), 24,5% – 40–49 лет, 17,6% – респонденты 50–59 лет, 16,6% – 30–39 лет, и 11,7% – люди старше 60.

По профессиональной занятости представители группы «обеспеченных» более квалифицированы: наибольшая доля служащих (23,5%), выше доля руководителей среднего и высшего звена (20,5%), в этой группе появляются предприниматели (9,8%). Структура источников дохода

---

¹ Тихонова Н. Е. Социальная стратификация в современной России: опыт эмпирического анализа. М.: Ин-т социологии РАН, 2007. С. 180, 183–184.

примерно схожа со *«среднедоходной»*: заработная плата кормильца и других членов семьи, заработная плата со второй работы, пенсии, проценты от банковских вкладов, сбережения, доход от бизнеса, сдачи недвижимого имущества и т.д. Конечно же, *«обеспеченная»* группа имеет экономический ресурс в виде недвижимости, свыше 86% респондентов имеют собственное жилье, около 53% – другое имущество в виде квартир, загородных домов, коттеджей, дач и пр.

Иждивенческая нагрузка схожа с предыдущей группой: в семьях от одного до пяти человек в среднем, у 58% нет несовершеннолетних детей. Кредиты имеют 42% опрошенных, у 66,6% есть накопления и сбережения. Финансовое поведение схоже со *«среднедоходной»* группой. На вопрос «Создаете ли Вы себе пассивный доход?» представители этой группы выбрали следующие варианты ответов: 47% *«откладывают средства, создают «подушку безопасности»*», 15,7% *«откладывают деньги на вклад в банке, накопительное и инвестиционное страхование жизни и ценные бумаги»*, 8,8% *«вкладывают в бизнес»* и 3% *«вкладывают в недвижимость»*.

«Обеспеченные» представители республиканского общества в целом используют такой же набор адаптационных стратегий, что и *«среднедоходные»*: подрабатывают, проходят переквалификацию, получают дополнительное образование. Примечательно то, что в данной группе самая большая доля респондентов из всех доходных групп, которые совмещают две и несколько работ (28,4%). Можно предположить, что, имея одну работу, они не могли бы попасть в число *«обеспеченных»*, соответственно, эти респонденты работают больше и дольше других.

По вопросу об объективной оценке возможностей своей семьи ситуация более благоприятная: 44% респондентов указали, что *«денег хватает на питание и одежду, но на покупку вещей длительного пользования надо копить или брать кредит»*, 38% *«могут без труда купить вещи длительного пользования, но затруднительна покупка автомобиля»* и около 12% *«могут купить автомобиль, но затруднительна покупка*

квартиры», «ни в чем себе не отказывают» почти 3% опрошенных. Анализируя распределение ответов респондентов группы «обеспеченных» и их объективные данные, следует полагать, что именно она может называться средним классом в классическом его понимании.

И заключительной группой в доходной стратификации является группа «состоятельных», она занимает всего 1,2% в социальной структуре Бурятии. Среднедушевые доходы в группе – свыше 54 тыс. руб. в месяц. Абсолютно все представители данной группы проживают в городах, среди них нет ни одного представителя сельских поселений. По возрастному составу представлены молодежью от 18 до 29 лет (33,3%), населением от 50 до 59 лет (33,3%), по 16,6% – от 40 до 49 лет и старше 60 лет. Примечательно, что среди этой группы нет представителей от 30 до 39 лет, возможно, это погрешность выборки.

«Состоятельная» группа оказалась самой образованной: половина из них имеет высшее образование (50%), треть – среднее профессиональное (33,3%) и 16,6% – среднее общее. Распределение по профессиональной занятости следующее: почти 67% – руководители высшего и среднего звена, 50% – предприниматели, по 16,7% – самозанятые и студенты. Отметим, что данный вопрос по профессиональной занятости был не альтернативным, можно было выбрать несколько вариантов ответов, соответственно, сумма ответов не равна 100%. Возможно, что часть руководителей совмещают работу с предпринимательской деятельностью, либо выбрали ответ «руководитель», так как являются владельцами собственного бизнеса. Также к студентам могли отнести себя и те взрослые, которые получают дополнительное образование.

Основные доходы этой группы складываются из своей заработной платы и других членов семьи, пенсии, дополнительных заработков, процентов от вкладов и сбережений. Абсолютно 100% респондентов имеют собственное жилье, 50% – вторые и, возможно, третьи квартиры, у более 83% есть дома, дачи и земельные участки. В состав семей входит от одного до

четырёх человек, у половины из них нет несовершеннолетних детей. Меньшее количество иждивенцев позволяет повышать уровень и качество жизни.

В финансовом плане это самая благополучная группа, безусловно, у них нет такой кредитной нагрузки: 83% не имеют никаких обязательств перед банками. В связи с тем, что эта группа наиболее образованна, потому и методы улучшения жизни они используют более эффективные: 50% из представителей группы состоятельных получают дополнительное образование, свыше 33% проходят переквалификацию и получают новые, более востребованные профессии, а практически 17% ответили, что *«ничего не предпринимают, так как не нуждаются в этом»*. Следует отметить, что ни один из респондентов этой группы не трудится на второй работе. Это говорит о том, что состоятельные люди умеют расставлять приоритеты, качественно отдыхать, не загонять себя на нескольких работах, ставят долгосрочные цели.

Поскольку Бурятия является национальным регионом, рассмотрим этнический фактор в распределении доходных групп.

Таблица 10

Распределение этносов по доходным группам, %

Доходная группа	Русские	Буряты	Представители других нац-й	В среднем по выборке
Нуждающиеся	11,9	8,8	15,3	11,1
Уязвимые	12,9	8,2	15,3	11,5
Медианная группа	42,2	36,9	53,4	41,1
Среднедоходные	17,0	24,4	10,5	19,0
Обеспеченные	15,1	19,7	5,1	16,2
Состоятельные	0,9	2,0	0,4	1,1
Всего	100	100	100	100

Сост. по результатам социологического исследования ИМБТ СО РАН в 2020–2021 гг.

Данные таблицы 10 позволяют сделать вывод, что этнический фактор существенно не влияет на распределение доходных групп, за исключением двух факторов: в высокодоходных группах больше преобладают

представители титульной нации, в низкодоходных – представители других наций.

Таким образом, мы рассмотрели три разные модели доходной стратификации по относительному подходу и пришли к выводу, что, поскольку ориентировались при построении моделей на медианные значения доходов (*страновую, региональную и республиканскую медиану*), наиболее отвечающей современным реалиям и более объективно отражающей социальную стратификацию в республике является модель на основе *республиканской медианы*, поскольку медианная группа в ней располагается в центре модели и занимает наибольшую долю всего населения, выше и ниже медианы расположены примерно одинаковые доли опрошенных. В других моделях (по *страновой и региональной медиане*) медианная группа находится не в середине модели, а чуть выше или значительно ниже. Доходное распределение по республиканской медиане выглядит следующим образом: «*нищие*» (0,1%), «*нуждающиеся*» (11,6%), «*уязвимые*» (11,4%), «*медианная группа*» (40,9%), «*среднедоходные*» (18,8%), «*обеспеченные*» (16%), «*состоятельные*» (1,2%).

Анализ выделенных доходных групп по социально-демографическим характеристикам, адаптационным стратегиям и финансовому поведению позволил составить социальный портрет представителей каждой из групп. Общие тенденции следующие:

- Иждивенческая нагрузка прямо пропорциональна доходным группам. Чем выше количество членов в семье, тем менее обеспеченными они являются. В бедных группах число членов семьи, включая несовершеннолетних детей, значительно больше (до 11 чел.), в среднедоходных и высокодоходных – от трех до пяти человек.
- Чем выше уровень образования, тем чаще респонденты находятся в более доходной группе. Среди бедных («*уязвимые*» + «*нуждающиеся*») меньше всего респондентов с высшим образованием, среди богатых («*обеспеченные*» + «*состоятельные*») – больше всего.

- Территориальная принадлежность респондентов напрямую связана с доходным распределением – чем выше доход респондента, тем он чаще проживает в городской местности. Так, среди *«состоятельных»* нет сельчан, в то время как среди *«нуждающихся»* их больше половины.

- В группах с невысокими доходами выше закредитованность и, наоборот, среди богатых мало или совсем нет кредитной нагрузки на респондентов и их семьи. Чем выше уровень образования у респондентов, тем более финансово грамотными они являются и тем меньше имеют кредиты с высокими процентами. Если менее доходные группы берут кредиты на текущие нужды, то более доходные группы пользуются кредитными средствами для наращивания капитала.

- В более высоких по доходу группах чаще встречаются представители руководящего состава и предприниматели, в *«бедных»* таких нет.

- Анализ возрастного состава доходных групп не выявил особых различий. Пенсионеры в большей степени сконцентрированы в медианной группе.

- Собственное жилье (дом, квартира) имеется у всех богатых, причем не только в единственном числе, в то время как у бедных оно есть не всегда. Более доходные группы пользуются вторым, третьим жильем в качестве дополнительного источника дохода.

- Чем выше доход, тем более вариативны и адаптационные стратегии групп, в то время как у бедных их мало или они совсем не применяются. Стратегии низкодоходных (*«нищие»*, *«нуждающиеся»*, *«уязвимые»*) и высокодоходных групп (*«среднедоходные»*, *«обеспеченные»*, *«состоятельные»*) сильно различаются, а у низкодоходных и среднедоходных (*«медианная группа»*) имеют много общего.

- *«Медианная группа»* (40,9%) является наиболее типичной для республики группой с минимально приемлемым стандартом жизни, а в

реальности скорее низкодоходной (малообеспеченной) группой, весьма разной по составу (уровень образования, квалификация, возраст), со стабильным положением на работе, но весьма закрепитованной.

- Представители *«среднедоходной»* группы (18,8%) – это средний класс в масштабах Бурятии, в то время как группа *«обеспеченных»* (16%) – это средний класс по меркам РФ и в классическом его понимании.

- Часто представители *«среднедоходных»* и *«обеспеченных»* групп попадают в эти страты, потому что работают на двух или нескольких работах, в связи с тем, что в регионе почти нет высокооплачиваемой работы, благодаря которой можно было бы жить неплохо, работая на одном месте.

2.3. Особенности субъективной стратификации и анализ социальных слоев

Социально-экономические показатели развития страны и региона серьезным образом влияют на формирование социальной структуры общества и модели доходной стратификации. Мы уже проанализировали модели доходной стратификации по абсолютному и относительному подходам, теперь рассмотрим субъективную стратификацию, т.е. представления населения республики о собственном месте в стратификационной иерархии как по статусу, так и материальным возможностям.

Субъективная стратификация отражает представления индивидов о том, какое место в обществе в соотнесении с другими его членами они занимают. Более того, субъективная реальность, которая формируется на основе самооценок людьми своего статуса и их представлений о моделях стратификации общества, в котором они живут, может даже в большей степени влиять на их социальное самочувствие и поведение, чем уровень их жизни¹. Отмечается также более значительное влияние социально-психологических факторов на выбор респондентами своего социального статуса, чем материального положения или доходов².

То есть нередко, и мы об этом уже писали, объективные показатели доходной стратификации респондентов относят их к одним группам и слоям, в то время как сами они видят себя в других группах (известное тяготение к расположенным в середине шкалы слоям). Например, в нашем исследовании (2020–2021 гг.), объективно бедные, т.е. «нуждающиеся» и «уязвимые»

---

¹ Тихонова Н. Е. Модель субъективной стратификации российского общества и ее динамика // Вестник общественного мнения. 2018. № 1–2 (126). С. 17.

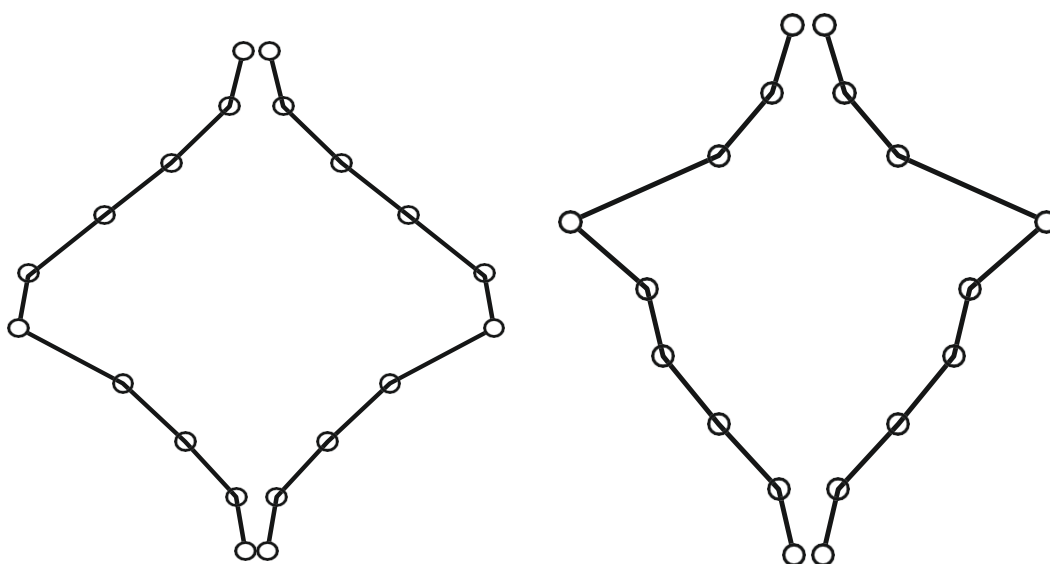
² Тихонова Н. Е. Субъективная стратификация российского общества: состояние, динамика, ключевые проблемы: аналитический доклад. М.: НИУ ВШЭ, 2021. С. 15. [Электронный ресурс]. Режим доступа. https://www.hse.ru/data/2022/01/30/1758504040/01_Tikhonova_Subjective_Stratification_Inequality_NCMU_Site_2022.pdf (дата обращения: 06.09.2022).

выбирали «средний слой» или «ниже среднего», в то время как «состоятельные» – «выше среднего», а не «высший» (см. табл. 9).

Данные подтверждаются графическими моделями субъективной стратификации (по самооценкам респондентов). На рисунке 6 представлены две общероссийские модели субъективной стратификации, выполненные группой ученых Института социологии ФНИСЦ РАН на основе результатов исследования 2018 и 2021 гг.¹.

Рис. 6

Модель субъективной стратификации населения России

Общероссийская модель 2018 г.

Общероссийская модель 2021 г.

На рисунке 7 представлена модель субъективной стратификации Республики Бурятия, разработанная автором по результатам социологического исследования, проведенного группой социологов ИМБТ СО РАН в 2020–2021 гг.

Данные модели можно сравнить условно, поскольку здесь немного различается методика: при построении российской модели исследователи

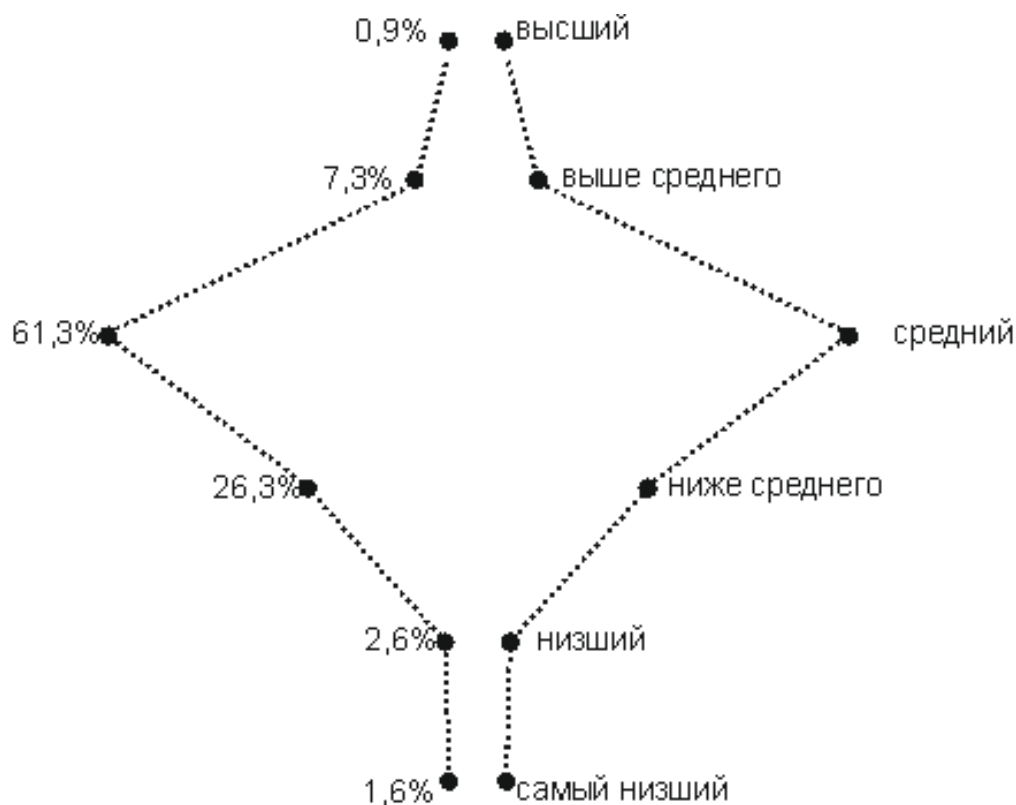
¹ Тихонова Н. Е. Субъективная стратификация российского общества: состояние, динамика, ключевые проблемы: аналитический доклад. М.: НИУ ВШЭ, 2021. С. 15. [Электронный ресурс]. Режим доступа. https://www.hse.ru/data/2022/01/30/1758504040/01_Tikhonova_Subjective_Stratification_Inequality_NCMU_Site_2022.pdf (дата обращения: 06.09.2022).

Института социологии ФНИСЦ РАН предлагали респондентам оценить свое место в социальной структуре общества по 10-балльной вертикальной шкале социального статуса¹.

Рис. 7

Модель субъективной стратификации Бурятии по оценкам социального положения, 2020-2021 гг., %

При построении модели по Бурятии мы использовали вопрос из анкеты «В обществе существуют разные социальные слои. К какому из них Вы скорее могли бы отнести себя и свою семью?» с шестью вариантами ответа:

- «высший» (0,9%),
- «выше среднего» (7,3%),
- «средний» (61,3%),
- «ниже среднего» (26,3%),
- «низший» (2,6%),

¹ Тихонова, Н. Е. Модель субъективной стратификации российского общества и ее динамика Н.Е. Тихонова // Вестник общественного мнения. 1–2 (126) январь – июнь. 2018. [Электронный ресурс]. Режим доступа. <https://cyberleninka.ru/article/n/model-subektivnoy-stratifikatsii-rossiyskogo-obschestva-i-ee-dinamika> (дата обращения 22. 05. 2022).

- «самый низший» (1,6%).

Как видим, модель по Республике Бурятия коррелирует с данными общероссийской модели: большая часть населения относит себя к среднему слою, при этом мало кто причисляет себя к высшим и низшим слоям, независимо от их объективного положения. Примечательно, что модель Бурятии в сравнении с общероссийской вытянута кверху, что говорит о более высоких самооценках собственного положения жителями республики. Хотя в предыдущем параграфе по доходной стратификации нами было показано, что Бурятия отстает от других регионов, и по общероссийским меркам население республики живет достаточно бедно.

Остановимся подробнее на модели стратификации Бурятии по самооценкам своего положения и рассмотрим характеристики шести социальных слоев по уровню жизни и социально-демографическим показателям.

К «высшему» слою отнесли себя 0,9% респондентов. В эту группу вошли руководители высшего и среднего звена, предприниматели, служащие, фермеры и студенты. Большая часть группы проживает в городе (80% респондентов из данной группы), по возрасту – это молодежь до 29 лет и люди старше 60 лет. Соответственно состав семьи состоит из одного-трех человек без несовершеннолетних детей, поскольку молодежь еще не обзавелась семьями, а у старшего поколения дети уже взрослые. 80% из них оценили материальное положение своих семей как «хорошее», 20% как «очень хорошее». Из всех социальных слоев именно в данной группе респонденты по максимуму используют все адаптационные стратегии по улучшению своего материального положения: получают дополнительное образование, совмещают основную и дополнительную работу, осваивают новые профессии, увеличивают количество скота в личном подворье и т.д.

Бюджет семьи складывается из заработных плат по основному и дополнительному местам работы, из заработных плат членов семьи и пенсий. Несмотря на то что в большей степени данная группа не обременена

обязательствами перед банками (60% респондентов), столько же опрошенных (60%) не имеют никаких накоплений. По уровню образования это самая высокообразованная группа: 40% опрошенных с высшим образованием, 40% – со средним профессиональным, 20% – со средним общим, хотя в группу последних могли войти те самые студенты из данной группы.

К слою *«выше среднего»* отнесли себя 7,3% опрошенных. Более половины из них (54,5%) проживают в городе, 50% опрошенных – это молодежь до 29 лет, остальные возрастные группы представлены равномерно. В данную группу входят работники из самых разных сфер (силовые структуры, госаппарат, энергетика, строительство, транспорт, торговля, сфера услуг и т.д.). Материальное положение семьи большинство (73%) оценивают как хорошее, 14% – как среднее, 11% – как очень хорошее. Для улучшения материального положения представители этой группы используют те же адаптационные стратегии, что и предыдущая, но здесь добавляется и предпринимательство, сдача внаем имущества, торговля, сбор ягод, дикоросов, сетевой маркетинг и пр. По составу это довольно большие семьи от одного до шести человек с одним-двумя несовершеннолетними. 56% опрошенных не имеют долговых обязательств перед банками, 50% не имеют накоплений, тем не менее более 40% респондентов откладывают средства, создают «подушку безопасности», 16% вкладывают в бизнес, 6,8% – в ценные бумаги и 4,5% – в недвижимость.

Если в предыдущей группе 80% опрошенных имели свое недвижимое имущество, то в данной таковых только 60%. По уровню образования представлены респонденты с высшим образованием (45,5%), средним – 27,3% и общим – 27,2%.

Самую большую часть структуры общества по самооценкам респондентов занимает *«средний слой»* (61,3%). Более половины из которого проживает в городе (58%), 42% – в селе. По возрастному составу распределение следующее: 34% – молодежь до 29 лет, 21,7% – население в

возрасте 30–39 лет, 17,2% – от 40 до 49 лет, 16,6% – от 50 до 59 лет, 10,5% – население старше 60 лет. По профессиональной принадлежности здесь большой разброс, можно сказать, что группа представлена респондентами всех профессий, так же, как и безработными, пенсионерами, домохозяйками. Более 81% опрошенных отметили материальное положение семьи как *«среднее»*. Для того чтобы его улучшить, они используют все адаптационные стратегии: подрабатывают, выращивают овощи, собирают ягоды, орехи, грибы, увеличивают количество скота, занимаются сетевым маркетингом, фрилансом, занимают деньги и т.д. Бюджет складывается из заработных плат членов семьи, пенсий, социальных пособий, стипендий, выручки от личного подсобного хозяйства, помощи родственников и т.д. По составу семьи в данной группе от одного до семи членов семьи, при этом более 47% опрошенных не имеют несовершеннолетних детей.

«Средний слой» – самая многочисленная группа, и примечательно, что представители данного слоя ведут очень скромную жизнь. Большинству (56,2%) *«доходов хватает на питание и одежду, но на покупку вещей длительного пользования – стиральной машины, холодильника, телевизора – приходится копить или брать кредит»*. Интересно, что к среднему слою отнесли себя и достаточно бедные: 13,7% *«денег хватает только на питание, даже покупка одежды вызывает затруднения»*, 1,3% опрошенных *«едва сводят концы с концами, денег не хватает даже на питание»*. И даже более благополучные граждане видят себя середняками: 22,5% опрошенных *«могут покупать вещи длительного пользования, но затруднительна покупка дорогих вещей, например автомобиля»*, 5,4% *«могут купить автомобиль, но затруднительна покупка квартиры, дома»*.

На материальное благополучие семей очень сильно влияет кредитная нагрузка, и в данном *«среднем слое»* не обходится без кредитов: соотношение респондентов, имеющих долговые обязательства перед банками и не имеющих таковых, распределилось почти поровну – 49% против 51% соответственно. Стоит отметить, что долговые обязательства у

«кредитников» не самые жизненно необходимые, в большей степени преобладают потребительские кредиты (41%) нежели ипотечные займы (8,8%). Свыше 72% опрошенных представителей *«среднего слоя»* не имеют никаких накоплений, 49,3% не знают, что такое пассивный доход, это говорит скорее о невысоком финансовом образовании данной группы.

Теоретически и идеально средний слой при любом государственном устройстве составляет большинство и представляет костяк общества. Подразумевается, что у представителей данного слоя уровень жизни довольно высокий, у них закрыты все базовые потребности в жилье, одежде, питании, они могут отдыхать и приобретать вещи длительного пользования, не прибегая к заемным средствам, могут активно принимать участие в политической жизни страны и т.д. Однако в региональном обществе мы таких показателей не наблюдаем. Базовая потребность в жилье закрыта не у всех, лишь 63% респондентов имеют собственное жилье, остальные 37% вынуждены снимать жилье либо жить в общежитиях, коммунальных и служебных квартирах. По образованию представители *«среднего слоя»* распределились следующим образом: 30,6% с высшим образованием, 34,4% – со средним, 31,9% – с общим. То есть фактически *«средний слой»* соответствует параметрам низкодоходных групп.

Следующий класс после среднего – *«ниже среднего»*, таковыми себя посчитали 26,3% опрошенных, из них сельских жителей 53,1%, городских – 46,9%. Возрастной состав следующий: 25,6% – молодежь до 29 лет, 21,9% – население старше 60 лет, 19,4% – население в возрасте 50–59 лет, 16,9% – 40–49 лет, 16,2% – 30–39 лет. Данная группа также широко представлена квалифицированными и неквалифицированными рабочими различных сфер, пенсионерами, домохозяйками, служащими, безработными и т.д. Примечательно, что в данной группе нет представителей руководящих должностей. Половина опрошенных (50%) отметили материальное положение их семей как *«плохое»*, 41,3% – как *«среднее»*. Для того чтобы улучшить ситуацию, представители данного слоя придерживаются таких же

адаптационных стратегий, как и представители других слоев, но следует отметить, что 20% опрошенных *«занимают деньги»*, т.е. вынуждены брать деньги в долг, а 17,5% респондентов отметили, что *«ничего не предпринимают, так как ничего не могут сделать»*. Бюджет семьи складывается из заработных плат, пенсий, социальных пособий, стипендий, дополнительных заработков и т.д. Состав семьи от одного до семи человек, при этом 33% опрошенных имеют от одного до трех несовершеннолетних детей, более половины семей (57,5%) не имеют таковых.

Представители слоя *«ниже среднего»* испытывают серьезные сложности в жизни: 48,3% отметили, что *«доходов им хватает на питание и одежду, на покупку вещей длительного пользования приходится брать кредит»*, у 37,3% респондентов *«денег хватает только на питание, даже покупка одежды вызывает затруднения»*, 8% *«могут без труда покупать вещи длительного пользования, но затруднительна покупка, например автомобиля»*, 4,9% *«едва сводят концы с концами, денег не хватает даже на питание»*. Низкий уровень доходов не позволяет покупать необходимые товары и услуги, не прибегая к заемным средствам, и, конечно, о накоплении денежных средств говорить не приходится: более половины респондентов (56%) имеют долги и кредиты, 79% не имеют накоплений. В данном социальном слое преобладает население с общим школьным образованием – 45,6%, со средним профессиональным – 34,4%, с высшим – всего 19,4%.

Следующий социальный слой *«низший»*, их, по самоопределению респондентов, 2,6%. В основном это сельские жители (56,2%), горожане составляют 43,8%. Большая часть данной категории – это пенсионеры, 43,8% составляют респонденты старше 60 лет. Население от 50 до 59 лет составили 18,7%, а категории от 18 до 29 лет, 30 до 39 и 40 до 49 лет – по 12,5% опрошенных. По профессиональной принадлежности ровно половина слоя *«низших»* – это пенсионеры (50%), студенты (18,7%), домохозяйка (12,5%), неквалифицированные рабочие (12,5%), безработные, инвалиды и т.д. То есть в данный слой попали самые незащищенные слои населения. 56,3%

опрошенных отметили материальное положение своей семьи как «*плохое*», 25% – как «*среднее*», 18,7% – как «*очень плохое*». Для улучшения условий жизни представители данного слоя используют архаичные методы, такие как сбор, ягод, орехов, дикоросов (43,7%), выращивание овощей (37,5%), увеличивают поголовье скота (18,7%), продают ягоды, орехи и продукцию ЛПХ (25%), ищут работу (18,7%), подрабатывают на второй работе (25%), а также занимают деньги в долг (12,5%) и получают помощь от родственников (37,5%). О таких стратегиях, как переквалификация, получение дополнительного образования и новой профессии, предпринимательство, сдача в наем недвижимости, сетевой маркетинг и пр. говорить не приходится, более того, 12,5% «*ничего не предпринимают, так как ничего не могут сделать*».

Бюджет семьи слоя «*низших*» в большей степени состоит из пенсий (75%), заработных членов семей, пособий, стипендий, подработок. В основном в данную категорию попали пенсионеры, инвалиды и многодетные семьи. Половина опрошенных (50%) отметила, что «*денег хватает только на питание, даже покупка одежды вызывает затруднения*», 25% – «*денег хватает на питание и одежду, но на покупку вещей длительного пользования приходится брать кредит*», 18,8% – «*едва сводит концы с концами, денег не хватает даже на питание*». Конечно, в таких условиях люди пытаются как-то выживать, вынуждены брать кредиты и в долг, 80% опрошенных имеют задолженности перед банками. Половина респондентов не стремится получать образование и имеет лишь полное школьное образование, 31,3 % – среднее профессиональное, и лишь 18,7% – высшее.

Проанализируем еще один социальный слой, так называемый андеркласс – это «*самый низший*» слой, к которому себя отнесли 1,6% населения республики. Считается, что проживание в сельских районах является ограничивающим фактором для улучшения материального положения индивидов, однако утверждение не подтверждается данными нашего исследования. 60% респондентов из самого бедного класса

проживают в городе, и лишь 40% – в селах. Возрастная категория представителей данного класса представлена следующим образом: по 30% – это население от 40 до 49 лет и старше 60 лет, 20% – люди в возрасте от 50 до 59 лет, и по 10% – молодые о 18 до 29 лет и от 30 до 39 лет. Это в большей степени неквалифицированные работники, крестьяне, пенсионеры, безработные, фермеры, самозанятые, домохозяйства. 70% опрошенных отметили материальное положение своей семьи как *«очень плохое»*, 20% как *«плохое»*, 10% затруднились ответить. Чтобы улучшить материальное положение, они используют все те же архаичные методы, как и представители предыдущей группы, и 50% опрошенных ответили, что *«ничего не предпринимают, так как ничего не могут сделать»*. Бюджеты семьи складываются, главным образом, из пенсий, заработных плат и помощи родственников.

«Самый низший» слой характеризуется небольшими семьями из одного-двух человек (30% и 40% соответственно), реже из четырех (20%)¹. Это семьи без несовершеннолетних детей (60%), либо с одним или двумя детьми. Оценивая свои возможности, 40% опрошенных из данного слоя отметили, что *«едва сводят концы с концами, денег не хватает даже на питание»*. Еще у 40% – *«денег хватает только на питание, даже покупка одежды вызывает затруднения»*. Примечательно, что половина респондентов имеет лишь базовое школьное образование, 40% – среднее образование и лишь 10% – высшее.

Следует отметить, что этнический фактор в самооценках респондентов существенной роли не играет (табл. 11).

---

¹ Не ответило 10% опрошенных

Таблица 11

Распределение ответов респондентов на вопрос «В обществе существуют разные социальные слои. К какому из них Вы скорее могли бы отнести себя и свою семью?», %

Социальный слой	Русские	Буряты	Представители других наций	В среднем по выборке
Высший	0,9	0,6	0	0,9
Выше среднего	6,1	9,1	4,8	6,9
Средний	56,4	62,6	47,6	57,9
Ниже среднего	26,3	20,0	42,9	24,9
Низший	2,6	2,2	4,7	2,6
Самый низший	2,0	1,1	0	1,7
Затруднились ответить	5,7	4,4	0	5,1
Всего	100	100	100	100

Сост. по результатам социологического исследования ИМБТ СО РАН в 2020–2021 гг.

Подводя итоги анализа социальных слоев по самооценке респондентов, можно сделать вывод, что результаты нашего исследования демонстрируют модель регионального «общества массового среднего класса». По субъективным оценкам, респонденты стремятся отнести себя к среднему слою независимо от объективных факторов. Так, к примеру, более четверти опрошенных (25,6%) из низкодоходной группы («нуждающиеся» и «уязвимые») относят себя к социальным слоям «средний» (16,5%) и «выше среднего» (9%). Такая «нестыковка» объективного положения индивидов с оценкой их социального статуса может объясняться стремлением не выделяться среди других (в основном для высокодоходных групп), общим в моделях жизни срединных и малообеспеченных групп и завышением своего статуса (для низкодоходных групп).

Результаты исследования показали, что респонденты в целом удовлетворены разными сферами своей жизни, не касающимися материального достатка (табл. 12, рис. 8).

Так, больше половины опрошенных в целом удовлетворены «питанием» (57,6%), «отношениями в семье» (78,5%), «общением с друзьями» (50,4%), «состоянием здоровья» (50%). В то же время в большей мере респонденты не удовлетворены «наличием денег» (48,9%), состоянием

здоровья» (50%), «жизнью в Бурятии» (39,3%), «статусом в обществе» (31,6%).

Таблица 12

Распределение ответов на вопрос: «Насколько Вы удовлетворены...?, в %

Варианты ответа	Полностью удовлетворен	Скорее удовлетворен	Частично не удовлетворен	Скорее не удовлетворен	Совершенно не удовлетворен
Питанием	49,6	8,0	19,5	0,4	22,5
Отношениями в семье	62,2	16,3	-	17,4	4,1
Общением с друзьями	41,5	8,9	21,2	1,4	27,0
Жилищными условиями	37,7		20,6	34,0	7,7
Одеждой	37,3	8,9	20,6	1,0	32,2
Работой	30,8	17,1	20,2	1,9	29,9
Реализацией себя в профессии	30,0	17,2	20,6	1,2	31,0
Статусом в обществе	28,2	14,1	26,1	1,3	30,3
Наличием денег	13,0	24,0	14,1	1,6	47,3
Состоянием здоровья	23,4	26,6	-	40,3	9,7
Проведением свободного времени	30,4	11,1	18,2	1,4	38,9
Возможностью отдыха в период отпуска	21,2	28,7	12,7	2,2	35,2
Жизнью в Бурятии	21,9	17,9	20,8	1,2	38,1
Жизнью в своем населенном пункте	26,1	16,7	20,0	1,2	36,0

Сост. по результатам социологического исследования ИМБТ СО РАН в 2020–2021 гг.

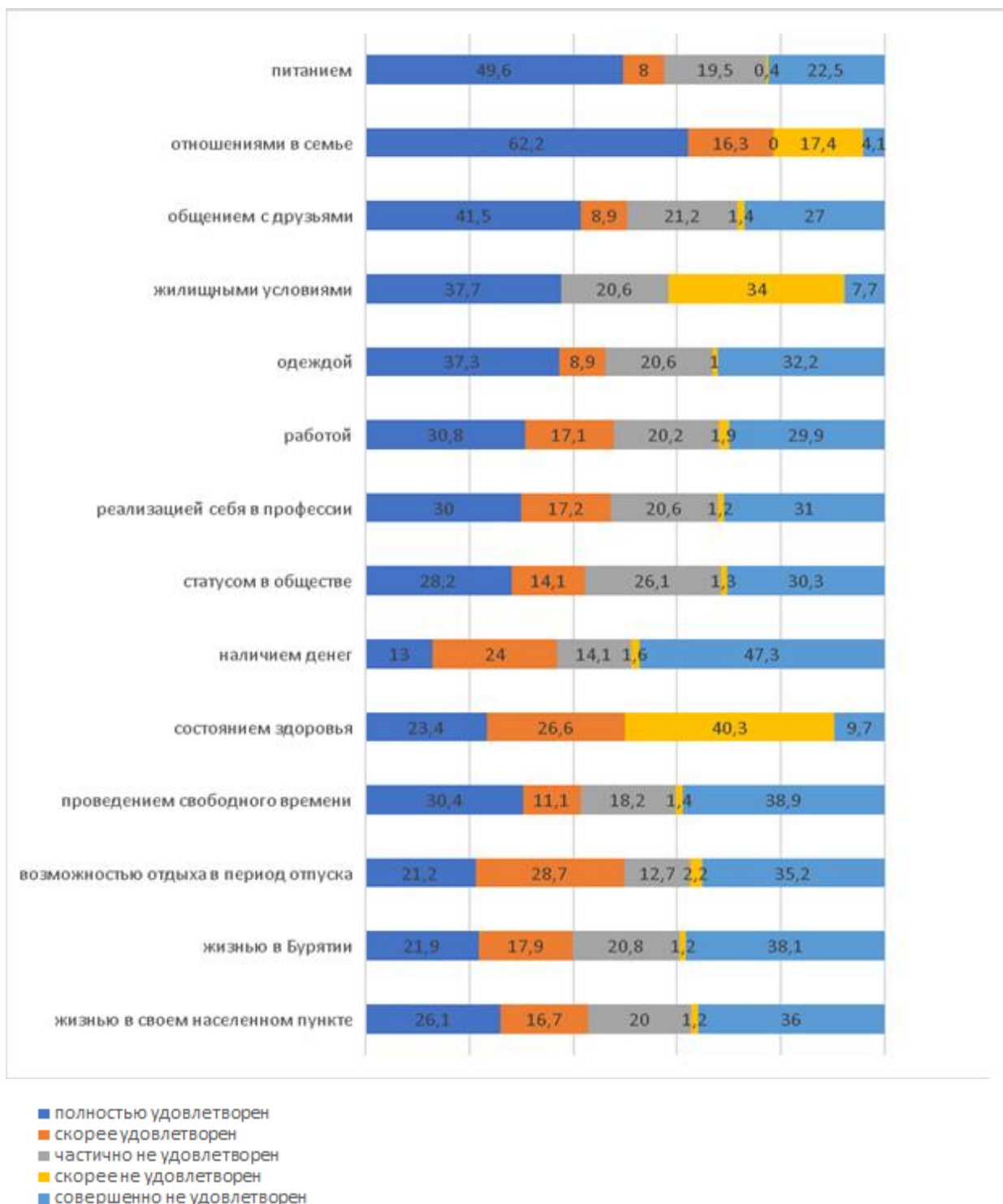
Данные таблицы 12 показывают, что население республики высоко оценивает уровень семейного счастья (отношения в семье), общение с друзьями, качество питания. Средне оценивают свои жилищные условия, базовые потребности в одежде, свою работу, реализацию себя в профессии и свой социальный статус. Жители республики крайне негативно оценили свое материальное положение (наличие денег), состояние здоровья и в целом жизнь в своем регионе.

Состояние здоровья беспокоит многих жителей, поскольку в последнее десятилетие ухудшились экологические условия, на фоне чего произошел

серьезный рост заболеваний органов дыхания и онкологии, а возможности получить должное медицинское лечение есть не у всех¹.

Рис. 8

Распределение ответов на вопрос: «Насколько Вы удовлетворены...?», в % *

¹ Бурятию покидают семьями из-за плохой экологии и в поисках лучшей жизни. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ulanude.bezfor-mata.com/listnews/buryatiyu-pokidayut-semyami-iz-za-plohoj/82290034/> (дата обращения: 24.03.2022).

Невысокий уровень доходов, отсутствие перспектив и возможностей качественно улучшить свой уровень жизни вынуждает многих высококвалифицированных специалистов мигрировать со своими семьями в центральную часть страны либо за рубеж. Особенно обострилась эта проблема в период пандемии COVID-19, когда врачи массово стали уезжать в другие регионы РФ, где им предлагают заработные платы, серьезно превышающие те, что они получают в республике¹.

Помимо модели субъективной стратификации с самоотнесением себя к определенному социальному классу, где все же модель предстает как бы в «кривом зеркале»², есть возможность построить модель с более объективными оценками, используя ответы на вопрос анкеты «Скажите, к какой группе Вы относитесь?» Респондентам было предложено шесть вариантов ответа: *«мы едва сводим концы с концами, денег не хватает даже на питание и одежду»*, *«денег хватает только на питание, даже покупка одежды вызывает затруднения»*, *«доходов нам хватает на питание и одежду, но на покупку вещей длительного пользования – стиральной машины, холодильника, телевизора приходится копить или брать кредит»*, *«мы можем без труда покупать вещи длительного пользования, но затруднительна покупка дорогих вещей, например автомобиля»*, *«мы можем купить автомобиль, но затруднительна покупка действительно дорогих вещей, например квартиры, дома»* и *«ни в чем себе не отказываем»*. Получившиеся результаты на основе существующего апробированного

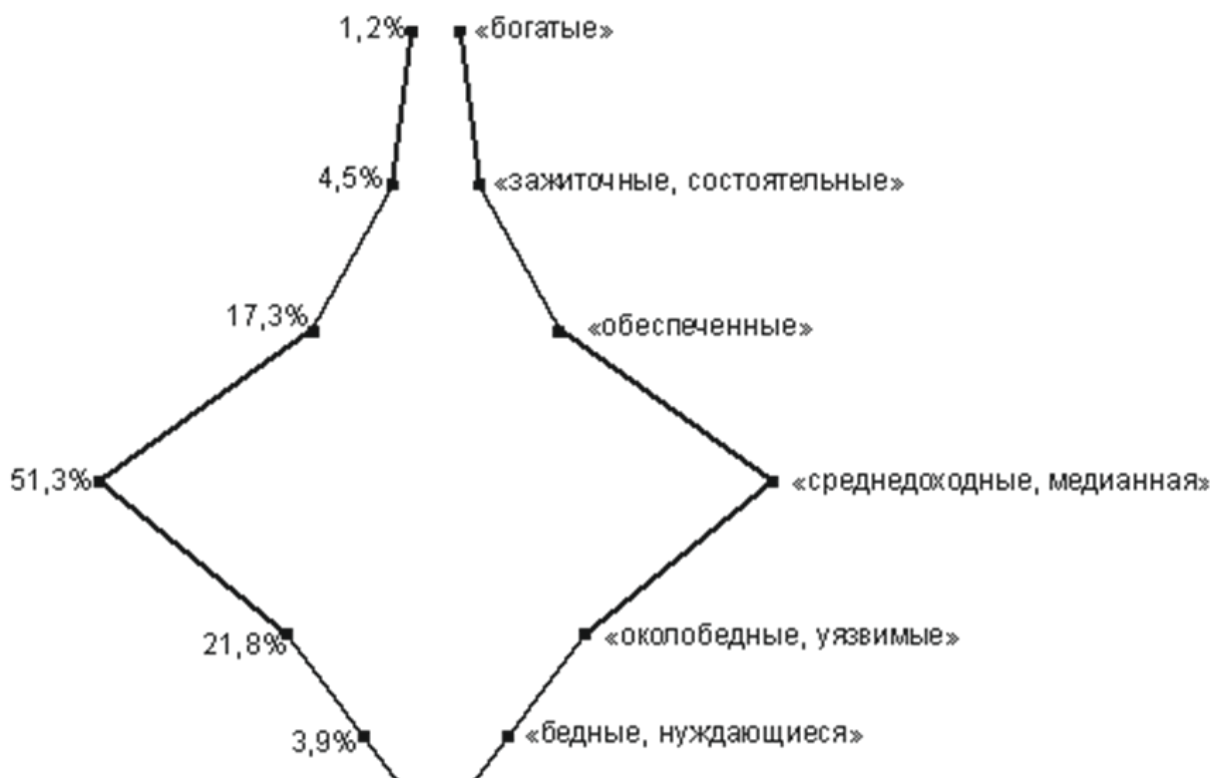
¹ Медики продолжают покидать Бурятию. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://gazeta-n1.ru/news/society/115896/> (дата обращения: 24.03.2022); Бурятия остается аутсайдером в рейтинге регионов по качеству жизни. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.baikal-daily.ru/news/15/384548/> (дата обращения: 24.09.2022); Названы регионы России с самым высоким качеством жизни. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ria.ru/20210215/zhizn-1597464812.tml?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&nw=1613349793000 (дата обращения: 25.09.2022); Население покидает Бурятию. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.baikal-daily.ru/news/15/363439/> (дата обращения: 11.09.2022).

² Тихонова Н. Е. Субъективная стратификация российского общества: состояние, динамика, ключевые проблемы // Аналитический доклад; под науч. ред. Л. Н. Овчаровой; НИУ «Высшая школа экономики». — М.: НИУ ВШЭ, 2021. С. 10 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.hse.ru/data/2022/01/30/1758504040/01_Tikhonova_Subjective_Stratification_Inequality_NCMU_Site_2022.pdf (дата обращения: 06.09.2022).

подхода¹ позволили выстроить модель, которую мы условно назвали «субъективно-объективной» (рис. 9).

Рис. 9

Модель субъективной стратификации Бурятии по оценкам потребительских возможностей, 2020-2021 гг., %

Полученная графическая модель (рис. 9) визуально похожа на смещенный книзу ромб, она более объективно отражает структуру регионального общества, поскольку респонденты свободны от необходимости выбора в категории «низшие–высшие», «богатые–бедные» и отмечают наиболее близкий ответ, который в большей мере характеризует уровень их возможностей. К тому же данная модель субъективной стратификации больше соответствует модели доходной (объективной) стратификации Бурятии, построенной по относительному подходу на основе республиканской медианы (см. рис. 5).

¹ Бедность отступает, но средний класс по-прежнему в дефиците. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/bednost-otstupayet-no-srednij-klass-po-prezhnemu-v-deficizite> (дата обращения: 10.01.2023). Материальное положение россиян в 2005-2015 гг. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/materialnoe-polozhenie-rossiyan-2005-2015> (дата обращения: 10.01.2023).

Итак, нами получено шесть социальных групп:

- 1 группа (бедные, нуждающиеся) – «мы едва сводим концы с концами, денег не хватает даже на питание и одежду» (3,9%);
- 2 группа (околобедные, уязвимые) – «денег хватает только на питание, даже покупка одежды вызывает затруднения» (21,8%);
- 3 группа (среднедоходные, медианная) – «доходов нам хватает на питание и одежду, но на покупку вещей длительного пользования – стиральной машины, холодильника, телевизора – приходится копить или брать кредит» (51,3%);
- 4 группа (обеспеченные) – «мы можем без труда покупать вещи длительного пользования, но затруднительна покупка дорогих вещей, например, автомобиля» (17,3%);
- 5 группа (зажиточные, состоятельные) – «мы можем купить автомобиль, но затруднительна покупка действительно дорогих вещей, например, квартиры, дома» (4,5%);
- 6 группа (богатые) – «ни в чем себе не отказываем» (1,2%).

Рассмотрим каждую группу по-отдельности.

«Бедные» в социальной структуре республики по самооценке составляют лишь 3,9%. Это люди, которые «едва сводят концы с концами», денег не хватает даже на питание». Группа представлена в большей степени сельским населением (56% сельчан, 44% горожан). По возрастному составу больше пожилых (36%), молодежи до 29 лет – 24%, респондентов в возрасте 30–39 лет – 20%, 40–49 лет – 12%, 50–59 лет – 8%. По профессиональной занятости в группе много крестьян и фермеров (32%), служащих (24%), пенсионеров (24%), безработных (16%), студентов (16%) и домохозяек (12%). Из всех шести групп данная группа самая малообразованная, более половины респондентов (56%) не имеют среднего и высшего образования. Примечательно, что и, отвечая на другой вопрос по самооценке «К какому социальному слою Вы себя относите?», к объективно

бедным слоям («самому низшему» и «низшему») отнесли себя только 16% и 12% соответственно, к слою «ниже среднего» – 28%, «среднему» - 20%.

Материальное положение своей семьи «бедные» респонденты оценили как «среднее» (24%), «плохое» (32%) и «очень плохое» (20%). 32% опрошенных на вопрос о методах улучшения материального положения ответили, что «ничего не предпринимают, так как ничего не могут сделать». Из адаптационных практик преобладают такие формы, как сбор ягод, орехов, охота, подработка, увеличение поголовья скота, продажа продукции личного подсобного хозяйства, помощь со стороны родственников. Бюджеты семей складываются из пенсий, заработных плат, пособий, доходов личного подсобного хозяйства. Конечно, семьи с низкими доходами не могут обойтись без кредитов, 56% опрошенных имеют задолженности перед банками.

Следующая группа «уязвимые» (21,8%) также ведет очень скромный образ жизни, «доходов им хватает только на питание, затруднительна даже покупка одежды». Большая часть представителей проживает в городах (53,6%), возрастной состав представлен равномерно, так же как и у представителей предыдущего слоя, и более половины респондентов (55,8%) не имеют среднего и высшего образования. Представители данной группы из шести социальных слоев отнесли себя к «среднему» – 37% и «ниже среднего» – 43%. К аналогичным адаптационным стратегиям, используемым предыдущей группой, добавляются вторая работа, поиск более высокооплачиваемой работы, дополнительное образование и переквалификация. Структура бюджета наполовину состоит из заработных плат, следовательно, можно предположить, что представители данной группы – это слой «работающих бедных». 64,5% имеют долги и кредиты, накоплений нет.

Самая большая группа в структуре республиканского общества – это группа «среднедоходная» (51,3%), которую мы можем соотнести с «медианной» модели доходной стратификации по относительному подходу с

республиканской медианой. Представителям этой группы *«доходов хватает на питание и одежду, но на покупку вещей длительного пользования – стиральной машины, холодильника, телевизора приходится копить или брать кредит»*. Некоторые исследователи называют данную группу *«средненижней», «средней», «необеспеченной»*. Но, сопоставив реальные возможности и уровень жизни представителей этой группы, как бы они не казались им стандартными и повсеместными, будем называть их *«малообеспеченными»*, поскольку имеющихся доходов им хватает только на базовые потребности в питании, жилье и одежде.

Соотношение городского и сельского населения в данной группе соответствует выборке: 54% женщин и 46% мужчин. Возрастной состав: 18–29 лет – 33,1%, 30–39 лет – 19,9%, 40–49 лет – 16,3%, 50–59 лет – 16,3%, 60 лет и старше – 14,4%. Уровень образования у респондентов следующий: с основным образованием – 33,1%, со средним – 38,7%, с высшим – 27,6%, с ученой степенью – 0,6%. Примечательно, что из всего массива данных только в данной группе есть респонденты с ученой степенью. По профессиональной занятости группа самая обширная и включает помимо руководителей среднего и высшего звена, также предпринимателей и т.д. Из шести вариантов социальных слоев 63,2% опрошенных отнесли себя к *«среднему слою»*, 23,6% – к *«ниже среднего»*. Для того, чтобы улучшить материальное положение представители группы работают на второй работе, подрабатывают, занимаются сетевым бизнесом, получают дополнительное образование, осваивают новые профессии, торгуют продукцией ЛПХ, и т.д. Семейный бюджет складывается из заработной платы респондентов и членов семьи, пенсий, пособий, дополнительных заработков. Отметим, что 48,2% из этой группы мы отнесли по доходам к *«медианной»*, 19,6% к *«среднедоходной»*.

«Обеспеченные» или *«средний класс»* (в классическом его понимании) составляет в общей структуре 17,3%, уровень их жизни позволяет не заботиться о ежедневных тратах на базовые потребности, они *«могут без*

труда покупать вещи длительного пользования, но затруднительна покупка дорогих вещей, например, автомобиля». 61,8% опрошенных данной группы проживают в городах, это более молодая возрастная группа: 39% составляют респонденты от 18 до 29 лет, 20,9% – от 40 до 49 лет, по 14,6% – группы 30–39 лет и 50–59 лет, пожилых в группе немного – лишь 10,9%. По профессиональной занятости в группе много служащих, специалистов, ИТР, квалифицированных рабочих, руководителей, самозанятых. В этой группе также есть респонденты с ученой степенью (0,83%) и значительно больше респондентов с высшим образованием, чем в предыдущих группах (34,17%), с основным образованием – 36,67%, со средним – 28,33%.

72,7% опрошенных этой группы отнесли себя к *«среднему слою»*. Для улучшения материального положения представители *«среднего класса»* получают дополнительное образование и квалификации, совмещают работу, занимаются сетевым бизнесом, являются самозанятыми, сдают внаем недвижимость, а 16,3% *«ничего не предпринимают, так как не нуждаются в этом»*. В структуре семейного бюджета помимо привычных заработных плат, пенсий, пособий появляются доходы от недвижимости, сбережения и проценты от банковских вкладов. Конечно же, имеющие накопления и сбережения люди не особо обременены банковскими кредитами, хотя 32,7% имеют ипотечные кредиты, в том числе за недвижимость, которую сдают в аренду.

Следующая группа – *«состоятельные»*, их в структуре регионального общества всего 4,5%. Соотношение городского и сельского населения не имеет большой разницы – 51,7% и 48,3% соответственно. Возрастной состав распределен равномерно, больше людей со средним (58,6%) и высшим (34,5%) образованием и мало с основным образованием (6,9%). По профессиональной занятости в *«состоятельной»* группе много руководителей среднего и высшего звена, служащих, специалистов, ИТР, предпринимателей и самозанятых. Примечательно, что 69% *«состоятельных»*

отнесли себя опять же к *«среднему слою»*. Адаптационные стратегии схожи с предыдущей группой.

Особо следует отметить, что респонденты из данной группы оказались самыми финансово грамотными людьми в сравнении с представителями из других групп. В отличие от всех остальных групп, где от 33% до 80% опрошенных не знают, что такое пассивный доход, в данной группе не знающих это всего 6,9%. Представители *«состоятельной»* группы используют все доступные виды увеличения капитала: создают «подушку безопасности» (44,8%), вкладывают в ценные бумаги, акции, накопительное и инвестиционное страхование жизни (31%), бизнес (13,8%) и недвижимость (3,5%).

И завершает верхушку модели субъективной стратификации группа *«богатых»* (1,2%). Представители этой группы проживают преимущественно в городах (66,7%), половина опрошенных (50%) – молодежь до 29 лет, треть (33,3%) – население в возрасте 50–59 лет, 16,7% – 40–49 лет. Среди респондентов данной группы не оказалось представителей возрастных категорий 30–39 лет и старше 60 лет. Уровень образования распределен равномерно – по 33,3% в каждой категории (основное, среднее, высшее). Профессиональная занятость распределилась между руководителями высшего и среднего звена, предпринимателями, самозанятыми, служащими и квалифицированными рабочими. Адаптационные стратегии представлены нешироко, поскольку уровень жизни и так устраивает, 50% респондентов отметили, что *«ничего не предпринимают, так как не нуждаются в этом»*.

Рассмотрим распределение этнических групп на выявленные социальные группы (табл. 13).

Данные таблицы 13 коррелируют с результатами вопроса по этническому распределению в доходных группах из предыдущего параграфа: представители бурятского этноса более широко представлены в высокодоходных группах, а представители других наций – в низкодоходных.

Таблица 13

**Распределение ответов на вопрос:
«Скажите, пожалуйста, к какой группе Вы относитесь?», %**

Варианты ответа	Русские	Буряты	Другие национальн ости	В среднем по выборке
Мы едва сводим концы с концами, денег не хватает даже на питание	4,5	2,8	9,5	4,2
Денег хватает только на питание, даже покупка одежды вызывает затруднения	23,5	15,9	38,1	21,7
Доходов нам хватает на питание и одежду, но на покупку вещей длительного пользования - стиральной машины, холодильника, телевизора - приходится копить или брать кредит	51,2	50,8	42,9	50,8
Мы можем без труда покупать вещи длительного пользования, но затруднительна покупка дорогих вещей, например, автомобиля.	15,8	22,2	4,8	17,3
Мы можем купить автомобиль, но затруднительна покупка действительно дорогих вещей, например, квартиры, дома	4,2	6,0	4,7	4,8
Ни в чем себе не отказываем, у нас нет материальных затруднений	0,8	2,3	0	1,2
Всего	100	100	100	100

Сост. по: результатам социологического исследования ИМБТ СО РАН в 2020–2021 гг.

Отметим, что коллектив Института социологии ФНИСЦ РАН при изучении социально-стратификационных процессов в Туве для построения модели субъективной стратификации также использовал вопрос с похожими вариантами ответов, а затем сопоставил полученную модель с моделью доходной стратификации по объективным показателям (рис.10)¹.

¹ Информационно-аналитический бюллетень (ИНАБ). 2019. № 3. С. 49.; Особенности социальной стратификации в Республике Тыва. Социально-стратификационные процессы в Республике Тыва / З. Т. Голенкова, Ю. В. Голиусова, П. Е. Сушко; ФНИСЦ РАН. М.-Кызыл: ФНИСЦ РАН, 2020. С. 64.

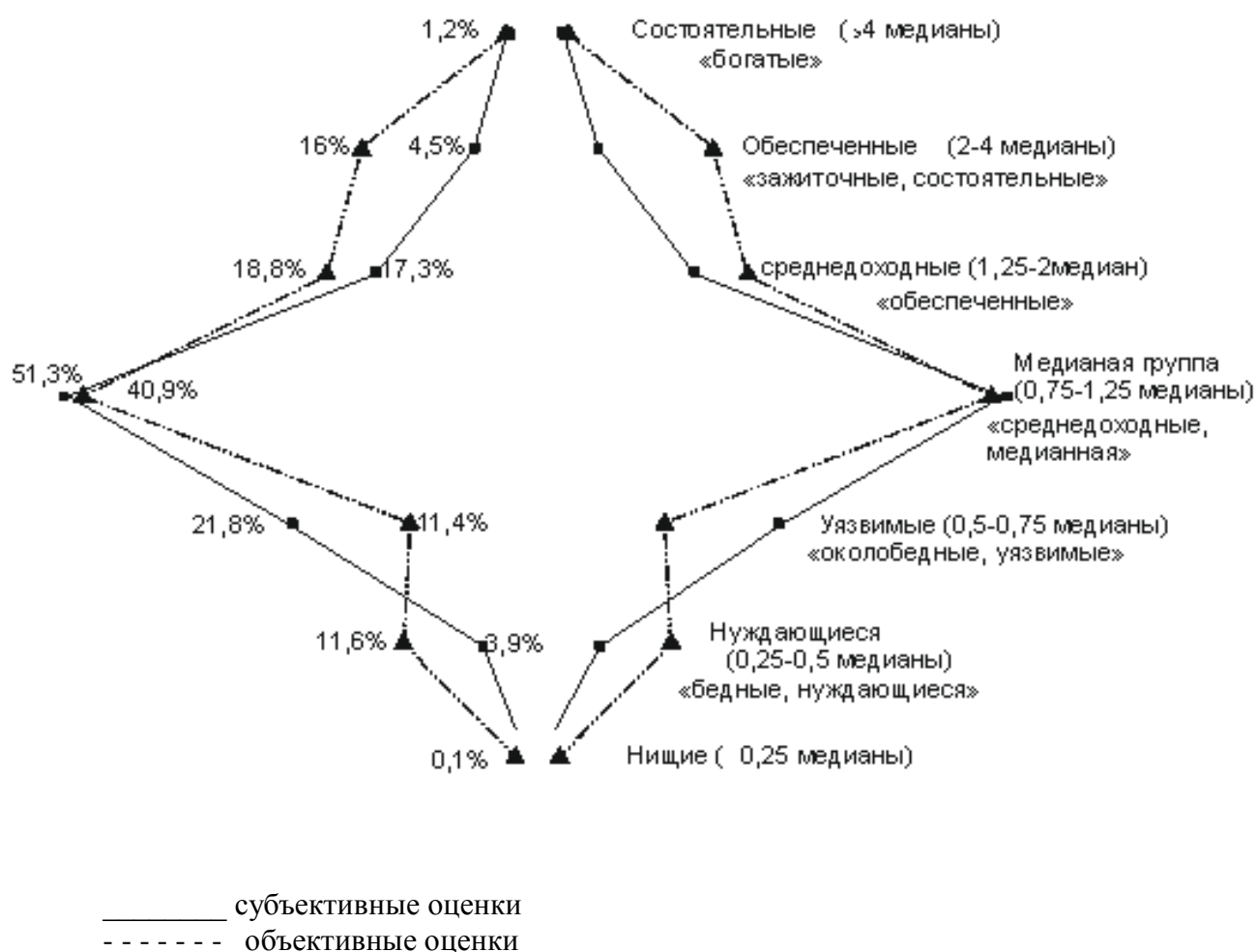
**Совмещенная модель доходной дифференциации населения
Республики Тыва по относительному подходу с использованием региональной
медианы и по субъективным оценкам материального положения, 2019, %**

* Графические модели на рисунке демонстрируют, что субъективные оценки респондентов не соответствуют объективным данным и являются завышенными.

Таким же способом сопоставим полученную нами субъективно-объективную модель с моделью доходной стратификации по относительному подходу с использованием республиканской медианы, т.е. сравним две наиболее объективные модели для населения Бурятии (рис. 11.).

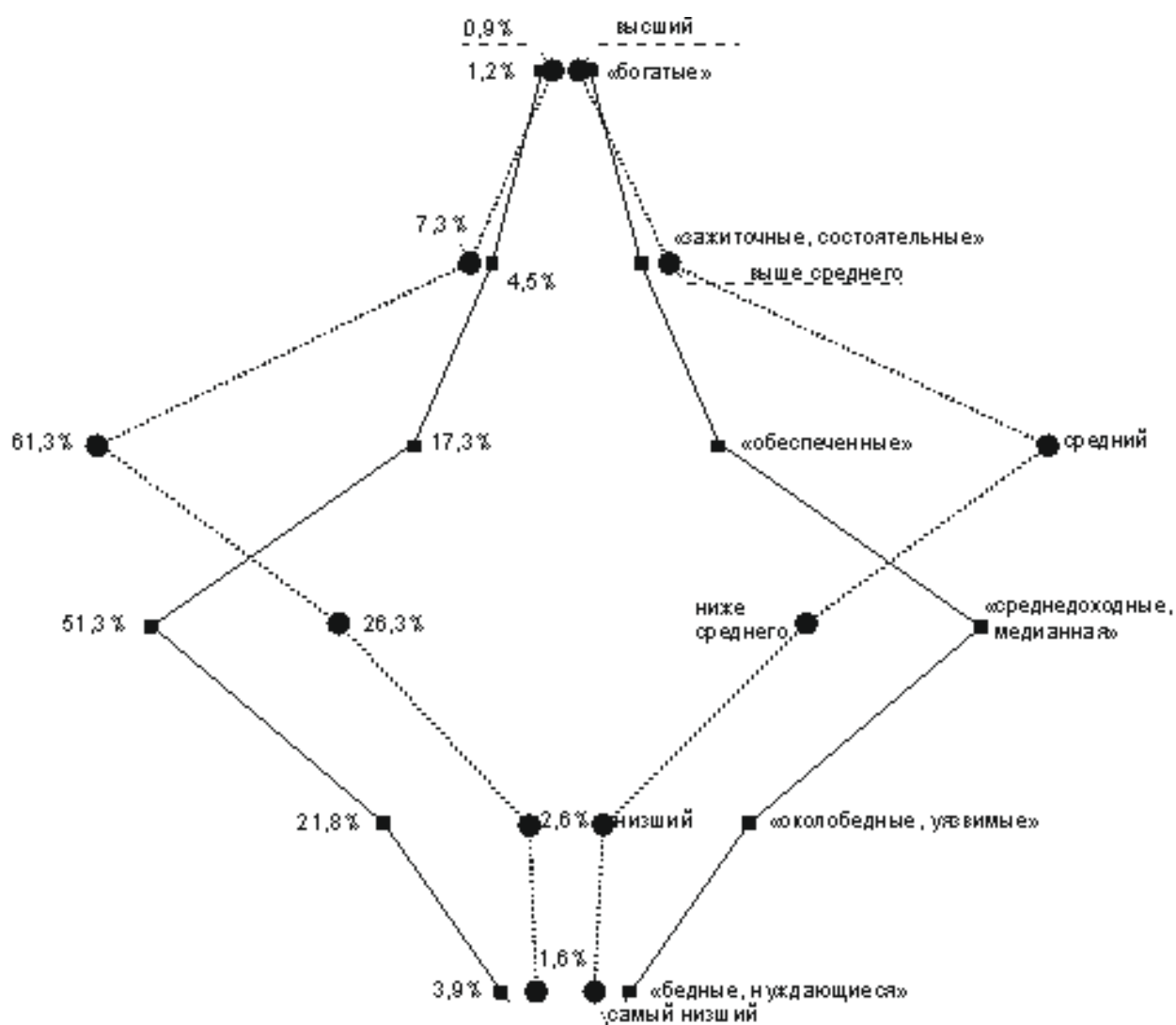
**Совмещенная модель доходной стратификации Бурятии
по относительному подходу с использованием республиканской медианы и по
субъективным оценкам потребительских возможностей, 2020–2021, %**

Как видим на рисунке 11 конфигурации моделей коррелируют. Это позволяет сделать вывод, что используемые нами методы подобраны правильно. Модели визуально напоминают ломанный ромб, что говорит о населении Республики Бурятия как об обществе *«среднего класса»*, пусть и эти мерки сильно занижены.

Интересным является сопоставление субъективной модели (см. рис. 7) и субъективно-объективной модели (см. рис. 9). То есть сравнение того, как люди себя ощущают, к какому социальному классу себя относят и того, что на самом деле они могут себе позволить в плане потребления (рис. 12).

Совмещенная модель субъективной стратификации Бурятии по самооценкам социального положения и потребительских возможностей, 2020–2021, %

_____ что могут себе позволить

..... как себя ощущают

Как видим на рисунке 12 модель с более объективными показателями субъективной стратификации смещена вниз, в то время как модель с самоидентификацией стремится вверх. То есть это наглядные показатели того, что индивиды и их семьи могут себе позволить значительно меньше того, чем они себя позиционируют.

Итак, мы разработали две модели субъективной стратификации Бурятии по самооценкам респондентов на основе результатов проведенного социологического исследования и проанализировали выделенные социальные слои и группы. Сравнили республиканские графические модели субъективной стратификации с моделями, построенными на основе объективных показателей. А также соотнесли с существующими общероссийскими моделями и моделью Тувы. Основные выводы, к которым пришли, таковы.

Полученные в ходе проведения нашего социологического исследования результаты и построенные на их основе модели субъективной стратификации коррелируют с общероссийскими результатами и моделями, что говорит, с одной стороны, об объективности полученных данных и корректности применяемой нами методологии, с другой – о включенности Бурятии в общероссийские социально-экономические процессы и, соответственно, выраженности на территории республики общероссийских тенденций формирования стратификационных моделей, хотя и с региональной спецификой, связанной с определенными показателями социально-экономического развития и соответствующим уровнем жизни населения республики.

Так же как и в общероссийских моделях субъективной стратификации, в Бурятии для опрошенных независимо от их объективного положения (как бедных, так и богатых) характерно тяготение к расположенным в середине шкалы позициям (*«среднему слою», «среднедоходной», «медианной» группам*), при этом мало кто относит себя к высшим и низшим слоям. Причинами таких расхождений являются высокая степень удовлетворенности жизнью в целом (для большинства), что подтвердили результаты нашего исследования, стремление не выделяться среди других (в основном для высокодоходных групп), общее в моделях жизни срединных и малообеспеченных групп, завышение самооценок для низкодоходных. К социально-психологическим факторам, которые влияют на самооценки

респондентов, можно отнести их возможность сравнить собственное положение со своим окружением, увидеть тех, кто живет еще хуже, и успокоиться по поводу своего уровня жизни.

Сравнение республиканских моделей субъективной и объективной стратификации (по республиканской медиане) позволяет увидеть несоответствие завышенных самооценок респондентов и их объективно невысокого уровня доходов и жизни. То есть модель субъективной стратификации по самооценкам опрошенных выглядит как модель регионального «общества массового среднего класса». Модель по объективным показателям также говорит о модели «медианной», т.е. срединной группы, которая в Бурятии является минимально приемлемым стандартом жизни, а в реальности скорее низкодоходной (малообеспеченной).

Однако следует помнить, что средний класс в его классическом понимании отличается от среднего класса в масштабах РФ и Республики Бурятия. То есть общий невысокий уровень доходов в республике не позволяет говорить о том, что выявленный в Бурятии «средний слой» или «медианная группа» ведут образ жизни представителей действительно среднего класса, которые многое могут себе позволить и редко в чем ограничены¹.

Однако то, что и по самооценкам, и по объективным показателям дохода большая часть опрошенных находится в срединной группе шкалы возможно и формирует у нее социально-психологическое обоснование для

---

¹ «Средний класс может характеризовать 1) автономность труда, особые трудовые мотивации, властный ресурс или ресурс влияния, специфика переговорных позиций во взаимоотношениях с работодателями; 2) возможность самостоятельно определять стиль жизни и вообще иметь определенный стиль жизни; 3) наличие материальных ресурсов, которые по западным меркам не сильно отличают представителей среднего класса от других, но в условиях российского общества с внеклассовыми неравенствами (поселенческими, региональными, отраслевыми и др.) обеспечивают качественные отличия; 4) особые поведенческие стратегии, которые связаны, прежде всего, с отличающимся от других групп отношением к основным видам ресурсов, которыми они располагают (включенность в систему информационных технологий, отношение к работе, модели отдыха и др.). Особенности социальной стратификации в Республике Тыва // Информационно-аналитический бюллетень (ИНАБ). 2019. № 3. С. 66 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.isras.ru/index.php?page_id=1198&id=7598 (дата обращения: 20.11.2022).

трансляции оптимистичного социального самочувствия и удовлетворенности
разными сферами своей жизни, кроме доходов.

Заключение

В условиях трансформации российского общества, а также на фоне мирового экономического кризиса, санкций в отношении Российской Федерации и мировой пандемии происходит углубление расслоения населения, однако принимаемые государством меры для уменьшения неравенства населения не всегда эффективны. К тому же ощущается недостаток научных исследований по данной тематике с практическими выводами и рекомендациями.

Существующее территориально-поселенческое неравенство страны детерминирует различия в уровне и качестве жизни, шансах и возможностях, степени доступности к социальным благам отдельных групп и индивидов. Поэтому одной из государственных задач по уменьшению социального расслоения является необходимость снижения межрегиональных неравенств, а также поиск и реализация эффективных механизмов уменьшения бедности, повышения уровня жизни населения, расширения возможностей для вертикальной восходящей мобильности и развития инфраструктуры в тех регионах, показатели развития которых наименее высокие.

В связи с этим важной и актуальной становится задача получения новой эмпирической социологической информации о структуре расслоения, характере бедности, доходных группах и их адаптационных стратегиях, на основе которой возможно принятие важных управленческих решений для улучшения социального благополучия населения регионов и уменьшения его дифференциации. Наибольший интерес представляют региональные исследования. Поэтому целью диссертационной работы являлось выявление особенностей социального расслоения в Республике Бурятия.

В диссертации проанализированы показатели социально-экономического развития республики, влияющие на социальное расслоение в регионе и обуславливающие формирование определенного типа моделей доходной и субъективной стратификации, которые в сравнительном плане были впервые исследованы в Бурятии. Несмотря на положительные сдвиги

последних лет, республика испытывает достаточно много серьезных проблем и в настоящее время ситуация остается сложной вследствие утраты большинства промышленных предприятий, спада сельскохозяйственного производства, роста безработицы. Анализ показателей развития республики за период трансформаций и сравнение их с общероссийскими, а также с данными по регионам Сибирского и Дальневосточного федеральных округов позволяет сделать вывод о существующем межрегиональном и внутреннем территориально-поселенческом неравенствах, которые обуславливают формирование региональных особенностей социально-стратификационной структуры населения и моделей социального расслоения.

За исторически краткий период в 30 лет в республике произошло уменьшение общей численности населения, вызванное миграционным оттоком, в основном в трудоспособном возрасте, низким уровнем среднедушевых доходов, по сравнению с общероссийским и соседними субъектами, стабильно высоким уровнем безработицы, который постоянно растет. Необходимо также отметить, что серьезное влияние на общую ситуацию оказывает старение населения республики, т.е. увеличение числа лиц в возрасте старше трудоспособного и уменьшение доли лиц в возрасте моложе трудоспособного. Небольшой естественный прирост населения, наблюдаемый с 2006 г., позволяет поддерживать общую численность населения в республике на уровне миллиона человек, в то время как в последнее десятилетие XX в. эта цифра была значительно выше.

Немаловажный фактор – это географическая удаленность республики от центра, что, с одной стороны, является барьером для регионального социально-экономического развития в связи с существующим в РФ межрегиональным неравенством. С другой – трансграничное положение Бурятии, которая обладает большим потенциалом для сотрудничества с Монголией и Китаем (через Забайкальский край), однако данное стратегическое преимущество пока не используется в полной мере.

Чтобы выстроить вертикальную иерархическую модель общества, применяются методы многомерной и одномерной стратификации. Среди множества подходов к изучению стратификации в данном диссертационном исследовании был выбран метод одномерной вертикальной доходной стратификации (абсолютный и относительный подходы), поскольку он дает возможность оценить степень проявления доходного неравенства, структуру бедности, определить доходные группы, выявить, какие слои можно считать наиболее и наименее обеспеченными, каково их соотношение в процентном выражении и чем они отличаются между собой. Кроме того, в диссертации рассмотрена региональная стратификация на основе субъективных оценок респондентами их социального статуса и потребительских возможностей.

Методология исследования доходной стратификации включает два подхода – абсолютный и относительный (медианный и депривационный), который еще называют объективным. Модель доходной стратификации по абсолютному подходу строится на статистических данных, по относительному – на материалах социологических исследований. Абсолютный подход основывается на конкретных величинах (минимальный размер оплаты труда и потребительской корзины, величина прожиточного минимума и др.), относительный – на средних или медианных показателях доходов. Отличие в применении относительного подхода от абсолютного связано с тем, что относительный свободен от статистической погрешности и выявляет более близкую к реальности модель стратификации.

В диссертации рассмотрено несколько региональных моделей доходной стратификация (по абсолютному и относительному (медианному) подходам) и субъективной (по оценкам респондентами своего статуса и потребительских возможностей), построены их графические модели, осуществлено сравнение с аналогичными общероссийскими моделями. Проанализированы выделенные на основе графических моделей доходные группы, даны их характеристики по таким основаниям, как образование, профессия, занятость, место проживания, адаптационные стратегии.

Сделан вывод о влиянии показателей социально-экономического развития республики на формирование определенного типа региональных моделей доходной и субъективной стратификации. Сопоставление конфигурации разработанных моделей с общероссийскими говорит о невысоком социально-экономическом положении населения республики по состоянию на 2021 г. в сравнении с общероссийской моделью (2021 г.) – низкодоходные группы представлены шире, а высокодоходные – намного уже. Тем не менее, есть положительная динамика роста средне- и высокодоходных групп и уменьшения числа низкодоходных в республике по сравнению с 2002 г.

Анализ доходного распределения по относительному подходу позволил выстроить три графические модели стратификации: относительную, основанную на *страновой, региональной и республиканской* (выявленной в ходе социологического исследования) медианах. Из них наиболее объективно отражающей реальность является модель на основе республиканской медианы. Согласно ей были выделены следующие доходные группы: «*нищие*» (0,1%), «*нуждающиеся*» (11,6%), «*уязвимые*» (11,4%), «*медианная группа*» (40,9%), «*среднедоходные*» (18,8%), «*обеспеченные*» (16%), «*состоятельные*» (1,2%).

Для всех представленных групп характерны общие тенденции: иждивенческая нагрузка прямо пропорциональна доходным группам; чем выше уровень образования, тем чаще респонденты находятся в более доходной группе; территориальная принадлежность респондентов напрямую связана с доходным распределением – чем выше доход респондента, тем он чаще проживает в городской местности; в группах с невысокими доходами закрепованность выше, чем у богатых; в более высоких по доходу группах чаще встречаются представители руководящего состава и предприниматели, в «бедных» таких нет; чем выше доход, тем более вариативны и адаптационные стратегии групп.

По каждой из них также был составлен социальный портрет, основанный на социально-демографических характеристиках, адаптационных стратегиях и финансовом поведении респондентов. Отметим отличительные черты некоторых групп. «*Медианная группа*» (40,9%) является наиболее типичной для республики группой с минимально приемлемым стандартом жизни, а в реальности скорее низкодоходной (малообеспеченной), весьма разной по составу (уровень образования, квалификация, возраст), со стабильным положением на работе, но очень закредитованной. Представители «*среднедоходной*» группы (18,8%) – это средний класс в масштабах Бурятии, в то время как «*обеспеченные*» (16%) – это средний класс по меркам РФ и в классическом его понимании. Часто представители «*среднедоходных*» и «*обеспеченных*» групп попадают в эти страты, потому что работают на двух или нескольких работах, чтобы существенно улучшить уровень жизни семьи, так как в регионе нет высокооплачиваемой работы.

Разработанные нами две модели субъективной стратификации основаны на представлениях индивидов о своем социальном статусе и оценке своих потребительских возможностей. Исследователи стратификации часто отмечают, что объективные показатели доходной стратификации относят респондентов к одним группам и слоям, в то время как сами респонденты видят себя в других группах, что говорит о большем влиянии социально-психологических факторов в определении своего статуса, чем материальное положение, т.е. модели объективной и субъективной стратификации одних и тех же респондентов различаются, что также было подтверждено в нашей диссертационной работе.

По результатам проведенного социологического исследования на основе ответов респондентов на вопрос «В обществе существуют разные социальные слои. К какому из них Вы скорее могли бы отнести себя и свою семью?» была выстроена первая субъективная модель и выделено шесть социальных слоев, каждому из которых дана характеристика по уровню

жизни и социально-демографическим показателям. Выяснилось, что по субъективным самооценкам все респонденты стремятся отнести себя к средним слоям, независимо от объективных факторов. Наблюдается стремление не выделяться среди других у высокодоходных групп и завышение своего статуса у низкодоходных.

В ответах на вопрос «Скажите, к какой группе Вы относитесь?» респонденты были свободны от необходимости выбора своего места в предлагаемой иерархии, что позволило построить вторую модель субъективной стратификации с более объективными оценками, которую мы назвали субъективно-объективной, и выделили шесть групп с описанием их социального портрета.

Проведен сравнительный анализ республиканских моделей субъективной стратификации с моделями, построенными на основе объективных показателей (доходная стратификация), а также с общероссийскими моделями и моделью Республики Тыва. В итоге стало очевидным, что наши данные коррелируют с общероссийскими результатами, а это свидетельствует, с одной стороны, об объективности полученных данных и корректности применяемой методологии, с другой – о включенности Бурятии в общероссийские социально-экономические процессы и, соответственно, выраженности на территории республики общероссийских тенденций формирования стратификационных моделей, хотя и с региональной спецификой, связанной с невысокими показателями социально-экономического развития республики и соответствующим уровнем жизни населения республики.

При сравнительном анализе республиканских моделей субъективной и доходной стратификации, основанной на республиканской медиане, сделан вывод о несоответствии завышенных самооценок респондентов и их объективно невысокого уровня доходов. То есть модель субъективной стратификации по самооценкам выглядит как модель регионального «общества массового среднего класса». Республиканская модель доходной

стратификации по объективным показателям также свидетельствует о модели «*медианной*» или срединной группы, но в Бурятии она является минимально приемлемым стандартом жизни, а в реальности демонстрирует низкодоходную (малообеспеченную) группу.

Поэтому, рассуждая о среднем классе в Бурятии, следует учитывать, что средний класс в его классическом понимании отличается от среднего класса в масштабах России или Бурятии. У выявленного в Бурятии «среднего слоя» или «медианной группы», ввиду невысоких доходов, закрепитованности и высокой иждивенческой нагрузки нет возможности вести такой же образ жизни, как у представителей действительно среднего класса.

После выявления социальных слоев и доходных групп в работе определены их адаптационные стратегии и особенности финансового поведения. Установлено, что большинство низкодоходных групп не имеют накоплений и сбережений, отличаются низкой финансовой грамотностью и часто являются мультизаемщиками. Невысокий уровень образования, как и в целом человеческого капитала, воспроизводит положение бедности. Чем выше поднимается группа в шкале доходной стратификации, тем чаще, разнообразнее и эффективнее используемые адаптационные стратегии: дополнительное образование, переквалификация и получение новых, более востребованных профессий, получение дохода от банковских вкладов, сбережений, сдачи внаем недвижимого имущества.

В диссертации сделан вывод о необходимости повышения уровня и качества жизни населения региона, преодоления его бедности и дифференциации, решения проблем с занятостью и доходным неравенством, созданием условий для всех социальных и доходных групп по реализации возможностей восходящей вертикальной мобильности, принятием мер социальной поддержки низкодоходных групп, а также корректировки экономической политики региона.

Литература и источники

1. Аврамова Е. М. Средний класс: мировые тренды и российские реалии / Е. М. Аврамова // *Общественные науки и современность*. – 2018. – № 2. – С. 22–33.
2. Аитов Н. А. Управление развитием социальной структуры советского общества / Н. А. Аитов, Ф. Р. Филиппов. – М.: Наука, 1988. – 169 с.
3. Алексеенок А. А. Средний класс в современном российском обществе: специфика идентификации, социальная структура, перспективы воспроизводства: дис. д-ра социол. наук: 22.00.04 / Алексеенок Анна Алексеевна; Тульс. гос. ун-т. – Белгород, 2017. – 352 с.
4. Алексеенок А. А. Структура среднего класса в современном российском обществе: специфика идентификации и пути оптимизации / А. А. Алексеенок. – Орел: Изд-во ОФ РАНХиГС, 2014. – 284 с.
5. Алексеенок А. А., Ухорский М. В. Особенности становления и развития социальной структуры современного российского общества / А.А. Алексеенок, М.В. Ухорский // *Среднерусский вестник общественных наук*. – 2013. – № 1. – С. 18–25.
6. Аникин В. А. Экономическая стратификация: об определении границ доходных групп / В. А. Аникин, Ю. П. Лежнина // *Социологическое обозрение*. – 2018. – Т. 17. – № 1. – С. 237–267.
7. Аристотель. Политика / Аристотель; пер. С. А. Жебелева. – М.: АСТ, 2022. – 384 с.
8. Арутюнян Ю. В. Социальная структура сельского населения СССР / Ю. В. Арутюнян. – М., 2012. – 376 с.
9. Багайников М. Л. Байкальский регион и АТР: перспективы развития взаимодействия в продовольственной сфере / М. Л. Багайников // *Азиатско-тихоокеанский регион: экономика, политика, право*. – 2017. – Т. 6. – № 1-2. – С. 17–28.

10. Бадараев Д. Д. Модернизация социальной структуры монгольских этносов: опыт трансформационных изменений (на примере Монголии и Республики Бурятия) / Д. Д. Бадараев // Идентичности, процессы социальной интеграции и дезинтеграции в трансформирующихся обществах: мат-лы докл. Международ. науч. конф. (10–12 августа 2014 г., г. Улан-Батор) / под ред. В. А. Ядова, Ц. Цэцэнбилэг. – М.; Улан-Батор: ИС РАН, Институт философии, социологии и права АН Монголии, 2014. – С. 38–47.
11. Бадараев Д. Д. Социальная стратификация монгольского общества в условиях модернизации в XX–XXI вв. / Д. Д. Бадараев // Социальные и политические вызовы модернизации в XXI в.: мат-лы Международ. науч.-практ. конф. (6–11 августа 2018 г.) / науч. ред. Б. В. Базаров. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2018. – С. 29–32.
12. Бадараев Д. Д. Социально-стратификационная структура населения Монголии и Бурятии в изменяющемся обществе конца XX – начале XXI в.: дис. канд. социол. наук: 22.00.04 / Дамдин Доржиевич Бадараев; Бурят. гос. ун-т. – Улан-Удэ, 2005. – 174 с.
13. Бадараев Д. Д. Структурные и этнокультурные особенности социальных изменений на российско-монгольском трансграничье: дис. д-ра социол. наук: 5.4.4 / Дамдин Доржиевич Бадараев; ИС ФНИСЦ РАН. – М., 2022. – 427 с.
14. Бадараев Д. Д. Модернизация социальной структуры монгольских этносов: опыт трансформационных изменений (на примере Монголии и Республики Бурятия) / Д. Д. Бадараев // Идентичности, процессы социальной интеграции и дезинтеграции в трансформирующихся обществах: мат-лы докл. Международ. науч. конф. (10–12 августа 2014 г., г. Улан-Батор) / под ред. В. А. Ядова, Ц. Цэцэнбилэг. – М.; Улан-Батор: ИС РАН, Институт философии, социологии и права АН Монголии, 2014. – С. 38–47.
15. Балабанов А. С. Социальное неравенство: факторы углубления депривации / А. С. Балабанов, Е. С. Балабанова // Социологические исследования. – 2003. – №7. – С.34–43.

16. Балдано М. Н. Основные тенденции изменений социальной структуры в постсоветский период / М. Н. Балдано, К. Б.-М. Митупов // Мир Центральной Азии. Т. II, ч. I. История. Социология: мат-лы Международ. науч. конф. – Улан-Удэ, 2002. – С. 17–22.
17. Балдано М. Н. Индустриальное развитие Бурятии (1923–1991 гг.): достижения, издержки, уроки / М. Н. Балдано. – Улан-Удэ: Изд-во ВСГИК, 2001. – 431 с.
18. Бек У. Общество риска: на пути к другому модерну / пер. с нем. В. Седельника, Н. Федоровой. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 383 с.
19. Беленький В. Х. Класс наемных работников или рабочий класс? / В. Х. Беленький // Социологические исследования. – 2005. – № 3. – С. 127–135.
20. Беленький В. Х. Стратификационная система общества: некоторые вопросы теории и практики / В. Х. Беленький; Сибирский федеральный университет. – М.: ИНФРА-М; Красноярск: СФУ, 2009. – 242 с.
21. Беляева Л. А. Доходное неравенство в российском обществе: социальные последствия и проблемы / Л. А. Беляева // Вестник Института социологии. – 2018. – Вып. 26. – Т. 9. – № 3. – С. 83–100.
22. Беляева Л. А. Социальная стратификация и средний класс в России: 10 лет постсоветского развития / Л. А. Беляева. – М.: Academia, 2001. – 183 с.
23. Беляева Л. А. Шансы и риски как критерии социальной стратификации современного российского общества // Социологические исследования. – 2022. – № 11. – С. 165–170.
24. Беляева, Л. А. Социальные слои в России: опыт кластерного анализа / Л. А. Беляева // Социологические исследования. – 2005. – № 12. – С. 56–64.
25. Бильтрикова А. В. Показатели бедности в России и Бурятии / А. В. Бильтрикова // Улан-Удэ – 350 лет: история, пространство, общество: сб. науч. ст. / отв. ред. Б. В. Базаров. – Улан-Удэ: Оттиск. – 2016. – С. 128–133.
26. Бильтрикова, А. В. Бурятская национальная интеллигенция на современном этапе / А. В. Бильтрикова. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2001. – 89 с.

27. Бобков В. Н. 20 лет капиталистических трансформаций в России: влияние на уровень и качество жизни / В. Н. Бобков // Мир России. Социология. Этнология. – 2012. – Т. 21. – № 2. – С. 3–26.
28. Бобков В. Н. Каким быть региональному неравенству качества и уровня жизни? / В. Н. Бобков // Мир России. Социология. Этнология. – 2009. – Т. 18. – № 3. – С. 61–84.
29. Бобков В. Н. Методологический подход всероссийского центра уровня жизни к изучению и оценке качества и уровня жизни населения / В. Н. Бобков // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Экономика и управление. – 2009. – № 2. – С. 26–36.
30. Богомолова Т. Ю. Экономическая мобильность населения России в пространстве «бедность-небедность»: траектории переходов в 1990-е и 2000-е гг. / Т. Ю. Богомолова // SPERO. – 2011. – № 14. – С. 41–56.
31. Богомолова Т. Ю. Экономическая стратификация населения России: динамический аспект / Т. Ю. Богомолова, В. С. Тапилина // Социологические исследования. – 2001. – № 6. – С. 32–43.
32. Богомолова Т. Ю., Тапилина В. С. Бедность в современной России: измерение и анализ / Т. Ю. Богомолова, В. С. Тапилина // Социология: 4 М. – 2006. – № 22. – С. 90–113.
33. Богомолова Т. Ю., Тапилина В. С. Экономическая стратификация: объективное и субъективное измерения / Т. Ю. Богомолова, В. С. Тапилина // Социологические исследования. – 1997. – № 9. – С. 28–40.;
34. Бояк Т. Н. Русская сельская молодежь: трансформация духовно-нравственных ценностей (на материалах Республики Бурятия и Читинской области) / Т. Н. Бояк. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2007. – 478
35. Бурдые П. Социология социального пространства / П. Бурдые; пер. с франц.; отв. ред. Н. А. Шматко. – М.: Ин-т эксперимент. социологии; СПб.: Алетейя, 2007. – 288 с.
36. Буркина А. А. Бурятская национальная интеллигенция / А. А. Буркина. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 1998. – 115 с.

37. Бюраева Ю. Г. Миграционные процессы в Республике Бурятия: направления, результативность, факторы / Ю.Г. Бюраева // ЭКО. – 2022. – № 1 (571). – С. 141–166;
38. Ван И. Д. Закредитованность населения как один из показателей социально-экономического развития Республики Бурятия / И. Д. Ван // Социально-гуманитарные знания. – 2018. – № 4. – С. 252–260.
39. Ван И. Д. Модель доходной стратификации в Байкальском регионе / И. Д. Ван // Социально-гуманитарные знания. – 2020. – № 6. – С. 295–301.
40. Ван И. Д. Региональное неравенство в Сибири и на Дальнем Востоке / И. Д. Ван // Социология и общество: традиции и инновации в социальном развитии регионов: сб. докл. VI Всерос. социол. конгресса (Тюмень, 14-16 октября 2020) / отв. ред. В. А. Мансуров. – М., 2020. – С. 403–407.
41. Вебер М. Избранные произведения / М. Вебер; пер. с нем.; сост., общ. ред. и послесл. [с. 736–769] Ю. Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайденко [с. 5–41; Комментар. А. Ф. Филиппова] – М.: Прогресс, 1990. – 804 с.
42. Вебер М. Основные понятия стратификации / М. Вебер // Социологические исследования. – 1994. – № 5. – С. 147–156.
43. Галлямов Р. Р. Этносоциальная стратификация общества: теоретические подходы и концептуальная модель / Р. Р. Галлямов // Междисциплинарные исследования в контексте социально-культурной антропологии / отв. ред. М.Н. Губогло. – М.: Наука, 2004. – С. 189–198.
44. Галлямов Р. Р. Этносоциальная стратификация: теоретические подходы, концептуальная модель, тенденции развития / Р. Р. Галлямов, Л. Ф. Зайнетдинова. – Уфа: Здравоохранение Башкортостана, 2004. – 116 с.
45. Гидденс Э. Стратификация и классовая структура / Э. Гидденс // Социологические исследования. – 1992. – № 9. – С. 112–123.
46. Гидденс Э. Устройство общества: очерк теории структуризации / Э. Гидденс; пер. И. Тюрина. – М.: Акад. проект, 2003. – 525 с.

47. Голенкова З.Т. Становление гражданского общества и социальная стратификация / З.Т. Голенкова, В.В. Витюк, Ю.В. Гридчин, А.И. Черных, Л.М. Романенко // Социологические исследования. – 1995. – № 6. – С. 14–24.
48. Голенкова З. Т. Новые социальные группы в современных стратификационных системах глобального общества / З. Т. Голенкова, Ю. В. Голиусова // Социологическая наука и социальная практика. – 2013. – № 3. – С. 5–15.
49. Голенкова З. Т. Региональные особенности доходной стратификации в контексте занятости и финансового поведения (на примере Республики Тыва) / З. Т. Голенкова, Ю. В. Голиусова, П. Е. Сушко // Россия реформирующаяся: ежегодник. Вып. 18 / отв. ред. М. К. Горшков – М.: Новый хронограф, 2020. – С. 33–54.
50. Голенкова З. Т. Социальная структура общества: в поиске адекватных ответов / З. Т. Голенкова, Е. Д. Игитханян // Социологические исследования. – 2008. – № 7(291). – С. 75–84.
51. Голенкова З. Т. Социальное неравенство и социально-структурные изменения / З. Т. Голенкова, Е. Д. Игитханян, М. Ф. Черныш, Л. А. Семенова // Россия в глобальных процессах: поиски перспективы / отв. ред. М. К. Горшков. – М.: ИС РАН, 2008. – С. 26–51.
52. Голенкова З. Т. Социальные параметры формирования среднего класса (к методологии анализа) / З. Т. Голенкова, Е. Д. Игитханян // Россия реформирующаяся: ежегодник. Вып. 7. / отв. ред. М. К. Горшков. – М.: ИС РАН, 2008. – С. 93–100.
53. Голенкова З.Т. Средние слои в современной России / З.Т. Голенкова, Е.Д. Игитханян // Социологические исследования. – 1998. – № 7. – С. 44–53.
54. Голенкова З.Т. Социальная стратификация городского населения / З.Т. Голенкова, Е.Д. Игитханян, И.В. Казаринова, Э.Г. Саровский // Социологические исследования. – 1995. – № 5.– С. 91–102.

55. Голенкова З.Т. Социально-стратификационные процессы в российском обществе / З.Т. Голенкова, Е.Д. Игитхян // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 1995. № 4. – С. 3–12.
56. Гончарова С. В. Социальная стратификация российского общества в условиях социальной трансформации (на материалах Приморского края): дис. канд. социол. наук: 22.00.04 / Светлана Владимировна Гончарова; Дальневост. гос. техн. ун-т. – Владивосток, 2005. – 233 с.
57. Горшков М. К. Богатство и бедность в представлениях россиян / М. К. Горшков, Н. Е. Тихонова // Социологические исследования. – 2004. – № 3 (239). – С. 16–22.
58. Горшков М. К. Некоторые методологические аспекты анализа среднего класса в России / М. К. Горшков // Социологические исследования. – 2000. – № 3. – С. 4–12.
59. Горшков М. К. Социальные неравенства как вызов современной России / М. К. Горшков // Вестник Института социологии. – 2010. – № 1. – С. 24–47.
60. Горшков М. К. Бедность и бедные в современной России / М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова, под ред. М. К. Горшкова, Н. Е. Тихоновой. – М.: Весь Мир, 2014. – 304 с.
61. Гофман А. Б. Мартовские тезисы о социологии равенства и неравенства / А. Б. Гофман // Социологические исследования. – 2004. – № 7. – С. 23–26.
62. Давыдова Н. М. Депривационный подход в оценках бедности / Н.М. Давыдова // Социологические исследования. – 2003. – № 6. – С. 88–96.
63. Дагбаева С. Д. -Н. Качество жизни населения: технологии анализа и управления / С. Д. -Н. Дагбаева. – Улан-Удэ: Изд-во ВСГТУ, 2011. – 275 с.
64. Данилова З. А. Миграционные настроения населения Байкальского региона (по материалам социологического исследования) / З. А. Данилова // Проблемы прогнозирования. – 2010. – № 3(120). – С.115–118.
65. Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта / Р. Дарендорф // Социологические исследования. – 1994. – № 5. – С. 142–147.

66. Дашибалова И. Н. Представления этнических групп Бурятии о социальной нестабильности / И. Н. Дашибалова // Вестник МИРБИС. – 2020. – № 1(21). – С. 134–143.
67. Динамика монетарных и немонетарных характеристик уровня жизни российских домохозяйств за годы постсоветского развития: аналитический доклад. – М.: Фонд «Либеральная миссия». – 2014. – 104 с.
68. Добренъков В. И. Фундаментальная социология. Т. 15. Стратификация и мобильность / В. И. Добренъков, А. И. Кравченко. – М.: Инфра-М, 2007. – 1040 с.
69. Дэвис К. Некоторые принципы стратификации. Вып. I / К. Дэвис, У. Мур // Социальная стратификация / под ред. С. А. Белановского. – М.: ИНП РАН, 1992. – С. 160–177.
70. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / Э. Дюркгейм; пер. с фр. и послесл. А. Б. Гофмана. – М.: Наука, 1991. – 572 с.
71. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Э. Дюркгейм; пер. с фр., сост., послесл. и примеч. А. Б. Гофмана. – М.: Канон, 1995. – 352 с.
72. Епихина Ю. Б. Важность дохода для субъективного благополучия / Ю. Б. Епихина // ИНАБ ИС ФНИС РАН. – 2020. – № 1. – С. 75–94.
73. Жалсанова В. Г. Политическая элита Бурятии на современном этапе / В. Г. Жалсанова; отв. ред. Ю. Б. Рандалов. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2003. – 114 с.
74. Жалсанова В. Г. Сельское население Бурятии в начале XXI века: проблемы и перспективы развития / В. Г. Жалсанова // Вестник Бурятского государственного университета. – 2013. – № 6. – С. 86–90.
75. Зайнетдинова Л. Ф. Этносоциальная стратификация российского общества в условиях реформ: региональный аспект (на примере Республики Башкортостан): дис. канд. социол. наук: 22.00.04 / Лилия Ферузовна Зайнетдинова; Башкир. гос. аграр. ун-т. – Пермь, 2003. – 178 с.

76. Заславская Т. И. Современное российское общество: социальный механизм трансформации / Т.И. Заславская. – М.: Дело, 2004. – 397 с.
77. Заславская Т. И. Социальная структура современного российского общества / Т. И. Заславская // *Общественные науки и современность*. – 1997. – № 2. – С. 5–23.
78. Заславская Т. И. Социально-стратификационная структура России / Т. И. Заславская // *Общество и экономика*. – 1999. – № 3–4. – С. 22–27.
79. Заславская Т. И. Социетальная трансформация российского общества / Т.И. Заславская. – М., 2003. – 568.с.
80. Заславская Т. И. Стратификация современного российского общества / Т. И. Заславская // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. – 1996. – № 1. – С. 7–15.
81. Заславская Т. И. Структура российского общества через призму трансформационного процесса / Т. И. Заславская // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. – 2002. – № 4(60). – С. 7–13.
82. Заславская Т. И. Структура современного российского общества / Т. И. Заславская // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. – 1995. – № 6. – С. 7–13.
83. Заславская Т. И. Человеческий потенциал в современном трансформационном процессе / Т. И. Заславская // *Общественные науки и современность*. – 2005. – № 3. – С. 5–16.
84. Затеев В. И. Некоторые аспекты изменения социальной структуры коренных народов Сибири в постсоветский период / В. И. Затеев // *Проблемы изменений социальных отношений среди народов Байкальского региона (теоретико-эмпирические аспекты): сб. ст.* – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. – С. 47–55.
85. Збарская И. А. Тенденции формирования социальной структуры российского общества на современном этапе: дис. канд. социол. наук:

22.00.04 / Ирина Александровна Збарская; РАГС при президенте РФ. – М., 2006. – 145 с.

86. Зубаревич Н. В. Бедность в российских регионах в 2000–2017 годах: факторы и динамика / Н. В. Зубаревич // Население и экономика. – 2019. – № 3. – С. 63–74.

87. Зубаревич Н. В. Неравенство доходов населения: пространственная проекция / Н. В. Зубаревич // PRO ET CONTRA. – 2013. – Т. 17. – № 6. – С. 48–60.

88. Зубаревич Н. В. Неравенство регионов и крупных городов России: что изменилось в 2010-е годы? / Н. В. Зубаревич // Общественные науки и современность. – 2019. – № 4. – С. 57–69.

89. Зубаревич Н. В. Неравенство социально-экономического развития регионов и городов России 2000-х годов: рост или снижение? / Н. В. Зубаревич // Общественные науки и современность. – 2013. – № 6. – С. 15–26.

90. Зубаревич Н. В. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация / Н. В. Зубаревич. – М.: Независимый институт социальной политики, 2010. – 160 с.

91. Зубаревич, Н. В. Территориальное неравенство доходов населения России и других крупных постсоветских стран / Н. В. Зубаревич, С. Г. Сафронов // Региональные исследования. – 2014. – № 4. – С. 100–109.

92. Иджаева Б. В. Статистические показатели дифференциации доходов населения в Республике Калмыкия на современном этапе / Б. В. Иджаева, Н. В. Бадмаева // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. – 2015. – № 2. – С. 195–200.

93. Ильин В. И. Государство и социальная стратификация советского и постсоветского общества 1917–96 гг.: опыт конструктивистско-структуралистского анализа / В. И. Ильин. – Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского ун-та ИС РАН, 1996. – 349 с.

94. Ильин В. И. Общество потребления: теоретическая модель и российская реальность / В. И. Ильин // Мир России. – 2005. – № 2. – С. 3–40.

95. Ильин В. И. Социальная стратификация / В. И. Ильин. – Сыктывкар, 1991. – 222 с.
96. Ишкинеева Ф. Ф. Социально-стратификационные процессы в постмонопромышленном городе в условиях трансформации общества (на примере г. Набережные Челны): дис. канд. социол. наук: 22.00.04 / Фарид Фалесовна Ишкинеева; Казан. гос. ун-т. – Казань, 2000. – 136 с.
97. Каравай А. В. Факторы доходной стратификации российского общества: методология анализа и роль аскриптивных характеристик / А. В. Каравай // Социологическая наука и социальная практика. – 2018. – Т. 6. – № 1. – С. 23–36.
98. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
99. Константиновский Д. Л. Динамика неравенства: российская молодежь в меняющемся обществе: ориентации и пути в сфере образования (от 1960-х годов к 2000-му) / Д. Л. Константиновский. – М.: Эдиториал УРСС, 1999. – 344 с.
100. Конт О. Общий обзор позитивизма. Изд. 2-е / О. Конт; пер. с фр. И. А. Шапиро; под ред. Э. Л. Радлова. – М.: Либроком, 2011. – 296 с.
101. Корнаев А. Т. Социальная стратификация в современном региональном сообществе (на примере Республики Северная Осетия – Алания): дис. канд. социол. наук: 22.00.04 / Арсен Тотразович Корнаев; Сев.-Кав. гос. техн. ун-т. – Ставрополь, 2007. – 174 с.
102. Култыгин В. П. Исследования социальной структуры в переходных обществах (историко-методологический обзор) / В. П. Култыгин // Социологические исследования. – 2002. – № 4. – С. 121–129.
103. Лаврикова В.Н. Социально-политическое самоопределение молодежи Забайкальского края и Бурятии (по материалам конкретного социологического исследования) / Русанова А.А., Лаврикова В.Н., Филиппова Е.В. // Наукосфера. – № 1 (2). – 2022. – С. 126–134.

104. Ламбаева И. А. Социальная структура населения Республики Бурятия / И. А. Ламбаева // Мир Центральной Азии. Т. 2, ч. 2. История. Социология: мат-лы Международ. науч. конф. – Улан-Удэ, 2002. – С. 68–72.
105. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. Изд. 5. М: Изд-во полит. литературы, 1970. – 615 с.
106. Лига М.Б. Оценка социально-экономических проблем населения как индикатор доверия к социальным институтам / Захарова Е.Ю., Лига М.Б., Щеткина И.А. // Социальная безопасность и социальная защита населения в современных условиях. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 30-летию социальной работы в России. отв. ред. Н. С. Антонова. – Улан-Удэ, 2021. – Изд-во: БГУ им. Д. Банзарова. – С. 132–138.
107. Лига М.Б. Риски адаптации человека к цифровому обществу / Лига М.Б., Захарова Е.Ю., Щеткина И.А. // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. – № 13. – 2022. – С. 115-133.
108. Лыков А. В. К проблеме социально-экономической стратификации Оренбургской области / А. В. Лыков // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2013. – № 7(156). – С. 45–52.
109. Лящевский А. Б. Социальная стратификация в условиях трансформации общества: дис. канд. социол. наук: 22.00.04 / Анатолий Брониславович Лящевский; Кубан. гос. аграр. ун-т. – Майкоп, 2004. – 165 с.
110. Мареева С. В. Монетарные и немонетарные неравенства в жизни россиян / С. В. Мареева // Социологические исследования. – 2016. – № 10(310). – С. 65–74.
111. Мареева С. В. Практики инвестирования среднего класса в свой человеческий капитал / С. В. Мареева // Terra Economicus. – 2012. – Т. 10. – № 1. – С. 165–173.
112. Мареева С. В. Социальные неравенства и социальная структура современной России в восприятии населения / С. В. Мареева // Вестник института социологии. – 2018. – Т. 9. – № 3. – С. 101–120.

113. Маркс К. Капитал / К. Маркс, Ф. Энгельс // Собрание сочинений. Т. 25, ч. II. – М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1962. – 558 с.
114. Межнациональное согласие в общероссийском и региональном измерении. Социокультурный и религиозный контексты / отв. ред. Л. М. Дробижева. – М.: ФНИСЦ РАН, 2018. – 552 с.
115. Межнациональные отношения в республике Бурятия (по материалам мониторинговых исследований 2016–2018 гг.). / Е. В. Петрова, А. В. Бильтрикова, И. Н. Дашибалова, В. Г. Жалсанова. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН. – 2019. – 130 с.
116. Межэтнические отношения в Республике Бурятия в изменяющихся социально-экономических условиях / Е. В. Петрова, А. В. Бильтрикова, И. Н. Дашибалова, В. Г. Жалсанова. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2021. – 182 с.
117. Мертон Р. Явные и латентные функции / Р. Мертон // Американская социологическая мысль: тексты. – М.: Изд-во МГУ, 1994. – С. 379–448.
118. Мид Дж. Аз и Я / Дж. Мид // Американская социологическая мысль: тексты. – М.: Изд-во МГУ, 1994. – С. 229–230.
119. Михельс Р. Демократическая аристократия и аристократическая демократия / Р. Михельс // Социологические исследования. – 2000. – № 1. – С. 107–116.
120. Модель доходной стратификации российского общества: динамика, факторы, межстрановые сравнения / Н. Е. Тихонова, Ю. П. Лежнина, С. В. Мареева, В. А. Аникин, А. В. Каравай, Е. Д. Слободенюк; под ред. Н. Е. Тихоновой. – М.; СПб.: Нестор-История, 2018. – 368 с.
121. Можина М. А. Распределительные отношения: доходы и потребление населения (из науч. наследия) / М. А. Можина; под общ. ред. Н. М. Римашевской. – М.: Гайнуллин, 2001. – 304 с.
122. Мостовая И. В. Социальное расслоение: символический мир метаигры. М.: АОЗТ «Механик», 1997. – 205 с.

123. Общество неравных возможностей: социальная структура современной России / Н. Е. Тихонова, С. В. Мареева, В. А. Аникин, Ю. П. Лежнина, А. В. Каравай, Е. Д. Слободенюк; под ред. Н. Е. Тихоновой. – М.: Весь Мир, 2022. – 424 с.
124. Осинский И. И. Изменение социальной структуры рабочих в процессе перехода к рыночным отношениям / И. И. Осинский // Проблемы изменений социальных отношений среди народов Байкальского региона (теоретико-эмпирические аспекты): сб. ст. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. – С. 36–47.
125. Осинский И. И. Изменения социальной структуры российского общества в современных условиях (на материалах Республики Бурятия) / И. И. Осинский, М. И. Добрынина // Социальные процессы в современном российском обществе: проблемы и перспективы: мат-лы V Всерос. науч. конф. – Иркутск, 2021. – С. 10–22.
126. От прекарной занятости к прекаризации жизни. / Под ред. Ж.Т. Тощенко. – Изд-во: ООО «Издательство Весь мир». М., 2022. – 364 с.
127. Парето В. Компендиум по общей социологии / В. Парето. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008. – 511 с.
128. Парсонс Т. Аналитический подход к теории социальной стратификации. Вып. 1 / Т. Парсонс // Социальная стратификация. – М., 1992. – С. 114–137.
129. Парсонс Т. Система координат действия и общая теория систем действия: культура, личность и место социальных систем / Т. Парсонс // Американская социологическая мысль: тексты. – М.: Изд-во МГУ, 1994. – С. 448–464.
130. Петрова Е. В. Особенности этносоциальной стратификации в республиках Сибири / Е. В. Петрова // Вестник БГУ. – 2010. – № 14а. – С. 134–141.
131. Петрова Е. В. Русское население в этносоциальной структуре республик Сибири / Е. В. Петрова. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2009. – 332 с.

132. Петрова Е. В. Социальное неравенство в Бурятии в оценках населения / Е. В. Петрова, А. В. Бильтрикова // Общество: социология, психология, педагогика. – 2021. – № 10(90). – С. 20–24.
133. Петрова Е. В. Этносоциальная стратификация в Бурятии (особенности и специфика) / Е. В. Петрова // Социологические исследования. – 2007. – № 2. – С. 102–109.
134. Петрова Е.В. Социальное самочувствие групп с разными доходами (по материалам социологического исследования в Бурятии) / Е. В. Петрова, И.Д. Ван // Теория и практика общественного развития. – 2023. № 3. – С. 17–21.
135. Платон. Государство / Платон // Собрание сочинений. В 4 т., Т. 3 пер. с др.-греч.; общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи. – М.: Мысль, 1994. – 654 с.
136. Подойницына И. И. Анализ региональной социальной стратификации: на примере Республики Саха (Якутия): дис. докт. социол. наук: 22.00.04 / Ирина Ивановна Подойницына; Санкт-Петер. гос. ун-т. – СПб., 2000. – 365 с.
137. Прекариат: становление нового класса: (коллективная монография) / Под ред. Ж.Т. Тощенко. – М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2020. – 400 с.
138. Радаев В. В. Обычные и инновационные практики в деятельности российского среднего класса / В. В. Радаев // Мир России: социология, этология. – 2003. – № 4. – С. 89–19.
139. Радаев В. В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация / В. В. Радаев // Общественные науки и современность. – 2003. № 2. – С. 5–16.
140. Радаев В. В. Работающие бедные: велик ли запас прочности / В. В. Радаев // Экономическая социология. – 2000. – Т. 1. – № 1. – С. 25–36.
141. Радаев В. В. Социальная стратификация / В. В. Радаев, О. И. Шкаратан. – М.: Аспект-экспресс, 1996. – 237 с.
142. Рандалов Ю. Б. Об изменениях в социальной структуре бурятского населения / Ю. Б. Рандалов // Современное положение бурятского народа и перспективы его развития. – Улан-Удэ, 1996. – С. 13–17.

143. Рандалов Ю. Б. Проблемы изменения социальной структуры бурятского народа в новейший период / Ю. Б. Рандалов // Проблемы нового этапа культурного возрождения народов Бурятии. – Улан-Удэ, 2001. – С. 3–11.
144. Рандалов Ю. Б. Социальная структура населения в Байкальском регионе: проблемы и противоречия / Ю. Б. Рандалов // Проблемы изменений социальных отношений среди народов Байкальского региона (теоретико-эмпирические аспекты): сб. ст. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. – С. 12–24.
145. Рандалов Ю. Б. Социально-демографическая структура и проблемы повышения рождаемости в Республике Бурятия / Ю. Б. Рандалов, П. А. Чукреев, Б. В. Хараев. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. – 131 с.
146. Реальная Россия: социальная стратификация современного российского общества / М. Тарусин и др.. – М.: Ин-т общественного проектирования: Эксперт, 2006. – 677 с.
147. Региональная политика РФ как стратегический, национальный приоритет и глобализационный тренд. Бейдина Т.Е., Иванов Т.Е., Новикова А.В., Эрдынеева К.Г. [монография]. – М., 2019. – Изд-во: ООО «МАКС Пресс». – 152 с.
148. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2003: стат. сб. / Госкомстат России. – М., 2003. – 895 с.
149. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016: стат. сб. / Росстат. – М., 2016. – 1326 с.
150. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2021: стат. сб. / Росстат. – М., 2021. – 1112 с.
151. Римашевская Н. М. Бедность и маргинализация населения / Н. М. Римашевская // Социологические исследования. – 2004. – № 4(240). – С. 33–43.
152. Римашевская Н. М. Региональные особенности уровня и качества жизни / Н. М. Римашевская; Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН. – М.: М-Студио, 2012. – 392 с.

153. Римашевская Н. М. Роль центра и регионов в форсировании доходов населения / Н. М. Римашевская, Л. А. Мигранова, В. К. Бочкарева // Уровень жизни населения регионов России. – 2007. – № 11(117). – С. 37–49.
154. Римашевская Н. М. Социальная политика в стратегии российского развития: последствия экономических трансформаций / Н. М. Римашевская // Россия и современный мир. – 2003. – № 4(41). – С. 5–21.
155. Российское общество и вызовы времени. Книга шестая / ФНИСЦ РАН, Институт социологии / Под ред. М. К. Горшкова, Н. Е. Тихоновой. – М.: Изд-во «Весь Мир», 2022. – 284 с.
156. Россия – новая социальная реальность. Богатые. Бедные. Средний класс. – М.: Наука, 2004. – 259 с.
157. Россия в глобальных процессах: поиски перспективы Российская акад. наук, Ин-т социологии / отв. ред. М. К. Горшков. М. – 2008. – 319 с.
158. Руткевич М. Н. Социальная структура / М. Н. Руткевич. – М.: Альфа-М, 2004. – 272 с.
159. Руткевич М. Н. Трансформация социальной структуры российского общества / М. Н. Руткевич // Социологические исследования. – 2004. – № 12. – С. 41–46.
160. Рывкина Р. В. Советская социология и теория социальной стратификации / Р. В. Рывкина // Постигание: Социология. Социальная политика. Экономическая реформа / ред. сост. Ф. М. Бородкин, Л. Я. Косалс, Р. В. Рывкина. – М.: Прогресс, 1989. – 592 с.
161. Свобода. Неравенство. Братство. Социологический портрет современной России / под общ. ред. чл.-корр. РАН М. К. Горшкова; Ин-т социологии РАН. М.: Российская газета. – 2007. – 448 с.
162. Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика: исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений / П. А. Сорокин. – СПб: Изд-во Рус. христиан. гуманитар. ин-та, 2000. – 1054 с.

163. Сорокин П. А. Социальная мобильность / П. А. Сорокин; пер. с англ. М. В. Соколовой; под общей ред. В. В. Сапова. – М.: Academia: LVS, 2005. – XX, 588 с.
164. Сорокин П. А. Социология революции / П. А. Сорокин. – М.: Территория будущего: РОССПЭН, 2005. – 702 с.
165. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество / П. А. Сорокин; общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонов; пер. с англ. С. А. Сидоренко. – М.: Политиздат, 1992. – 543 с.
166. Социальная мобильность в усложняющемся обществе: объективные и субъективные аспекты / В. В. Семенова и др.; отв. ред. В. В. Семенова, М. Ф. Черныш, П. Е. Сушко. – М.: ФНИСЦ РАН, 2019. – 512 с.
167. Социальная стратификация российского общества / под ред., предисл. З. Т. Голенковой. – М.: Институт социологии РАН; Летний сад. – 2003. – 368 с.
168. Социальное неравенство в социологическом измерении: аналитический доклад ИС ФНИСЦ РАН. – М., 2006. – 135 с.
169. Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность / авт. проекта и отв. ред. Л. М. Дробижева. – М.: Academia, 2002. – 480 с.
170. Социальное расслоение и социальная мобильность / под ред. З. Т. Голенковой. – М.: Наука, 1999. – 192 с.
171. Социально-стратификационные процессы в Республике Тыва / З. Т. Голенкова, Ю. В. Голиусова, П. Е. Сушко; ФНИСЦ РАН. – М.-Кызыл: ФНИСЦ РАН, 2020. – 128 с.
172. Социологический анализ трансграничных обществ Байкальского региона: динамика, проблемы, перспективы / Е. В. Петрова, Д. Д. Бадараев, А. В. Бильтрикова и др. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2016. – 245 с.
173. Социология в России (2-е изд., перераб. и дополн.) / под ред. В. А. Ядова. – М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 1998. – 696 с.
174. Спенсер Г. Основания социологии. Т. 2 / Г. Спенсер. – М.: Книга по требованию, 2012. – 412 с.

175. Средние классы в России: экономические и социальные стратегии / под ред. Т. Малевой; Моск. центр Карнеги. – М.: Гендальф, 2003. – 506 с.
176. Средний класс в современной России / отв. ред. М. К. Горшков, Н. Е. Тихонова. – М.: ИС РАН, 2008. – 320 с.
177. Сушко П. Е. Человеческий потенциал Центрально-Азиатского региона: перспективы развития / П. Е. Сушко, А. П. Дамба-Хуурак // Социологические исследования. – 2020. – № 12. – С. 154–155.
178. Тартыгашева Г.В. Новые аспекты социального неравенства в оценках экспертного сообщества / Тартыгашева Г.В. // Интеллигенция в эпоху кардинальных цивилизационных изменений. Сборник научных статей. – Сер. «Интеллигенция и современность». – Выпуск 24. М., 2023. – С. 96–103.
179. Татарова С. П. Уровень и качество жизни населения Республики Бурятия (по результатам опроса бурятского населения) / С.С. Татарова // Вестник Восточно-Сибирского государственного института культуры. – 2020. – № 4 (16). – С. 53–62.
180. Тихонова Н. Е. Факторы социальной стратификации в условиях перехода к рыночной экономике. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999. – 320 с.
181. Тихонова Н. Е. Феномен городской бедности в современной России / Н.Е. Тихонова. – М.: Летний сад, 2003. – 407 с.
182. Тихонова Н. Е. Индекс уровня жизни и модель стратификации российского общества / Н. Е. Тихонова, Н. М. Давыдова, И. П. Попова // Социологические исследования. – 2004. – № 6(242). – С. 120–130.
183. Тихонова Н. Е. Ресурсный подход как новая теоретическая парадигма в стратификационных исследованиях / Н. Е. Тихонова // Социологические исследования. – 2006. – № 9. – С. 28–41.
184. Тихонова Н. Е. Социальная стратификация в современной России: опыт эмпирического анализа. – М.: Институт социологии РАН, 2007. – 320 с.
185. Тихонова Н. Е. Модель социальной стратификации российского общества: эвристические возможности различных теоретических подходов /

- Н. Е. Тихонова // Россия реформирующаяся: ежегодник. Вып. 6 / отв. ред. М. К. Горшков. – М.: Институт социологии РАН, 2007. – С. 112–146.
186. Тихонова Н. Е. Малообеспеченные в современной России: специфика уровня и образа жизни / Н. Е. Тихонова // Социологические исследования. – 2009. – № 10(306). – С. 29–39.
187. Тихонова Н. Е. Средний класс: теория и реальность / Н. Е. Тихонова, С. В. Мареева. – М.: Альфа-М, 2009. – 320 с.
188. Тихонова Н. Е. Социальная структура России: теории и реальность / Н. Е. Тихонова. – М.: Новый хронограф; Институт социологии РАН, 2014. – 408 с.
189. Тихонова Н. Е. Доходная стратификация в России: кросс-страновой и динамический анализ / Н. Е. Тихонова // Социологические исследования. – 2017. – Т. 23. – № 4. – С. 31–50.
190. Тихонова Н. Е. Стратификация по доходу в России: специфика модели и вектор изменений / Н. Е. Тихонова // Общественные науки и современность. – 2017. – № 2. – С. 23–35.
191. Тихонова Н. Е. Модель субъективной стратификации российского общества и ее динамика / Н. Е. Тихонова // Вестник общественного мнения. – 2018. – № 1–2(126). – С. 17–29.
192. Тихонова Н. Е. Прекариат и перспективы изменения социальной структуры российского общества / Н. Е. Тихонова // Социологические исследования. – 2019. – № 2. – С. 167–173.
193. Тощенко Ж.Т. Новое явление в социальной структуре общества: прекариат / Тощенко Ж.Т. // Общество и экономика. – № 11. – 2018. – С. 25–45.
194. Тощенко Ж.Т. Неформальная занятость – результат современной экономической политики / Тощенко Ж.Т. // SOCIO-EKONOMSKI ESEJ. Т. 4. – № 1–2. – 2018. – С. 5–17.
195. Харитоновна Е. Г. Влияние демографических процессов на воспроизводство социальной структуры Бурятии / Е. Г. Харитоновна,

- К. Б. -М. Митупов // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии. Т. 2. – Улан-Удэ, 2000. – С. 166–169.
196. Хахулина Л. А. Имущественное расслоение в переходный период / Л. А. Хахулина, М. Тучек // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 1996. – № 3. – С. 19–23.
197. Хахулина Л. А. Распределение доходов: бедные и богатые в постсоциалистических обществах (некоторые результаты сравнительного анализа) / Л. А. Хахулина, М. Тучек // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 1995. – № 1. – С. 18–22.
198. Хахулина Л. А. Субъективный средний класс: социологический анализ / Л. А. Хахулина // Уровень жизни населения регионов России. – 2008. – № 11–12(129–130). – С. 115–119.
199. Хахулина Л. А. Устойчивость массовых представлений о справедливости / Л. А. Хахулина // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. – 2014. – № 1–2(117). – С. 37–49.
200. Царева Н. А. Особенности социальной стратификации населения в Приморском крае / Н. А. Царева // Фундаментальные исследования. – 2014. – № 12 (ч. 10). – С. 2261–2264.
201. Чепак О. А. Изменение социальной структуры сельского населения в процессе реформирования российского общества (на материалах Республики Бурятия): дис. канд. социол. наук: 22.00.04 / Ольга Александровна Чепак; Бурят. гос. ун-т. – Улан-Удэ, 2004. – 186 с.
202. Черныш М. Ф. Социальная мобильность // Средний класс в современной России / отв. ред. М.К. Горшков, Н. Е. Тихонова; Ин-т социологии РАН. М., 2008. – С. 143–154.
203. Чукреев П. А. Незанятые: настроения, ожидания, намерения (опыт социологического исследования) / П.А. Чукреев. – Улан-Удэ: БНЦ СО РАН. – 1996. – 119 с.

204. Шевяков А. Ю. Социальное неравенство: тормоз экономического и демографического роста // Уровень жизни населения регионов России. – 2010. – № 5. – С. 38–52.
205. Шкаратан О. И. Социальное расслоение в современной России: драма расколотого общества / О. И. Шкаратан // Мир России: социология, этология. – 2004. – Т. 13. – № 1. – С. 3–48.
206. Шкаратан О. И. Социально-экономические неравенства в современном мире и становление новых форм социального расслоения в России / О. И. Шкаратан // Мир России. – 2018. – № 2. – С. 6–35.
207. Шкаратан О. И. Социально-экономическое неравенство и его воспроизводство в современной России / О. И. Шкаратан. – М.: ОЛМА Медиа групп, 2009. – 560 с.
208. Шкаратан О. И. Социология неравенства: теория и реальность / О. И. Шкаратан. – М.: Изд. дом НИУ ВШЭ, 2012. – 525 с.
209. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества / П. Штомпка; пер. с польск. С. М. Червонной. – М.: Логос, 2005. – 664 с.
210. Ядов В. А. Социологическое исследование: методология, программа, методы / В. А. Ядов. – М., 1987. – 248 с.

Электронные ресурсы

211. Алексеенок А. А. Специфика идентификации структуры среднего класса в современном российском обществе / А. А. Алексеенок // Фундаментальные исследования. – 2014. – С. 180–185 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=34135> (дата обращения: 11.11.2022).
212. Бадмаева Н. В. Финансовая грамотность и финансовое поведение населения региона (на примере Калмыкии) / Н. В. Бадмаева [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/finansovaya-gramotnost-i-finansovoe-povedenie-naseleniya-regiona-na-primere-kalmykii> (дата обращения: 11.11.2021).

213. Бедность отстывает, но средний класс по-прежнему в дефиците. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/bednost-otstupaet-no-srednij-klass-po-prezhnemu-v-deficizite> (дата обращения: 10.09.2021).
214. Бурдые П. Формы капитала (перевод М.С. Добряковой). Экономическая социология (электронный журнал). Т. 3. № 5. Ноябрь 2002. С. 60–75. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208205039/ecsoc_t3_n5.pdf (дата обращения 10.11.2022).
215. Бурятию покидают семьями из-за плохой экологии и в поисках лучшей жизни. [Электронный ресурс]. Режим доступа: [https://ulanude.bezformata.com/listnews/buryatiyu-pokidayut-semyami-iz-za-plohoj/82290034/](https://ulanude.bezformata.com/listnews/buryatiyu-pokidayut-semyami-iz-za-plohoj-82290034/) (дата обращения: 24.03.2022).
216. Бурятия остается аутсайдером в рейтинге регионов по качеству жизни. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.baikal-daily.ru/news/15/384548/> (дата обращения: 24.09.2022);
217. Бурятия получила около 7 млрд. после вхождения в ДФО – Алексей Цыденов // ВостокТелеИнформ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://vtinform.com/news/142/182352/> (дата обращения 06.12.2022).
218. Бюраева Ю. Г. Миграционные процессы в Республике Бурятия: направления, результативность, факторы / Ю. Г. Бюраева // ЭКО. – 2022. – № 1(571). – С. 141–166 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ecotrends.ru/index.php/eco/article/view/4370> (дата обращения: 18.05.2021).
219. Возрастной состав населения. ФСГС. Регионы России – 2005 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://gks.ru/bgd/regl/B05_14p/IssWWW.exe/Stg/d010/02-05.htm (дата обращения 11.05.2022).
220. Глотов М. Б. Стратификационный подход к анализу общества / М. Б. Глотов // Социологические науки. – 2013. – № 8(352). – С. 53– 59

[Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.actualresearch.ru/nn/2012_2/Article/sociology/glotov20122.pdf (дата обращения 11.11.2018).

221. Голенкова З. Т. Социальные изменения в мире в контексте глобализации / З. Т. Голенкова // Официальный сайт ИС РАН. – 2008 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.isras.ru/publ.html?id=1090> (дата обращения 11.11.2021).

222. Ивантер В. Долгосрочное социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Забайкалья: основные проблемы и задачи / В. Ивантер, О. Кожемяко, Д. Квалин // Проблемы прогнозирования. – 2013. – № 4 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.perspektivy.info/history/dolgosrochnoje_socialno-ekonomicheskoje_razvitije_dalnego_vostoka_i_zabajkalja_osnovnyje_problemy_i_zadachi_2014-02-28.htm (дата обращения: 18.11.2019).

223. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Изд. 5, Т. 39 / В. И. Ленин. – М.: Изд-во полит. литературы. – 1970 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://uaio.ru/vil/39.htm> (дата обращения: 20.11.2022).

224. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 3, кн. 3. Ч. 2, гл. 52. С. 963–964. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.esperanto.mv.ru/Marksismo/Kapital3/kapital3-52.html#c52> (дата обращения 10.08.2021).

225. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. 1848. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.marxists.org/russkij/marx/1848/manifesto.htm> (дата обращения 15.10.2022).;

226. Медики продолжают покидать Бурятию. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://gazeta-n1.ru/news/society/115896/> (дата обращения: 24.03.2022);

227. Названы регионы России с самым высоким качеством жизни. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ria.ru/20210215/zhizn->

1597464812.

tml?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&nw=1613349793000 (дата обращения: 25.09.2022);

228. Население покидает Бурятию. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.baikal-daily.ru/news/15/363439/> (дата обращения: 11.09.2022).

Особенности социальной стратификации в Республике Тыва // Информационно-аналитический бюллетень (ИНАБ). – 2019. – № 3. – 71 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.isras.ru/index.php?page_id=1198&id=7598 (дата обращения: 20.11.2022).

229. Раддац Ю. А. Проблемы и перспективы развития Байкальского региона / Ю. А. Раддац // Иркутский историко-экономический ежегодник. С. 342–351 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=2&ved=0ahUKewiLxdHqkYvXAhXpK5oKHUsBA34QFggsMAE&url=http%3A%2F%2Fhistory.bgu.ru%2Fdl.ashx%3Fid%3D2584&usg=AOvVaw0ciU2uvPcELCCkrCK2-qRw> (дата обращения: 20.11.2019).

230. Региональный материнский (семейный) капитал в связи с рождением второго ребенка (ДФО) // Портал МФЦ РБ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://mfc.govrb.ru/usl/soc/27-1/> (дата обращения 06.12.2022).

Регионы России. Социально-экономические показатели: стат. сб. – М.: Росстат, 2018 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://gks.ru/bgd/regl/B18_14p/Main.htm (дата обращения 11.05.2022).

231. Рейтинг российских регионов по качеству жизни – 2021 // РИА Новости [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ria.ru/20220214/kachestvo_zhizni-1772505597.html (дата обращения 05.12.2022).

232. Свинухова Ю. Н. Коэффициент фондов в России: тенденции, основные факторы роста и меры по их устранению / Ю. Н. Свинухова // Национальная

- безопасность / nota bene. – 2019. – № 2. – С. 15–26 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://e-notabene.ru/pnb/article_29441.html (дата обращения: 20.04.2021).
233. Социологический энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://politics.ellib.org.ua/encyclopedia-term-4584.html> (дата обращения 15.06.2022).
234. Структурные аспекты цифрового неравенства. Информационно-аналитический бюллетень (ИНАБ). – 2021. – № 4. – 86 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.isras.ru/files/File/INAB/2021_4/INAB_2021_4.pdf (дата обращения: 20.05.2022).
235. Сушко П. Е. Социальное благополучие населения России в контексте доступности социальных благ / П. Е. Сушко // Информационно-аналитический бюллетень (ИНАБ). – 2020. – № 1. Субъективное и объективное благополучие в современном российском обществе: результаты эмпирического исследования. – С. 39–53 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.isras.ru/index.php?page_id=1198&id=9089 (дата обращения: 05.09.2021).
236. Тихонова Н. Е. Субъективная стратификация российского общества: состояние, динамика, ключевые проблемы / Н. Е. Тихонова // Аналитический доклад; под науч. ред. Л. Н. Овчаровой; НИУ «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2021 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.hse.ru/data/2022/01/30/1758504040/01_Tikhonova_Subjective_Stratification_Inequality_NCMU_Site_2022.pdf (дата обращения: 06.09.2022).
237. Урбанаев О. В. Проблемы трансформации социально-экономических систем регионов (на примере Байкальского региона) / О. В. Урбанаев // Российское предпринимательство. – 2012. – № 14(212) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://creativeconomy.ru/journals/rp/archive/62119> (дата обращения: 05.11.2019).

238. Федеральный закон от 29.12.2006 г. № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64872/ (дата обращения 09.09.2021).
239. Численность населения. ФСГС. Социально-экономические показатели 2004 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://gks.ru/bgd/regl/B04_14/IssWWW.exe/Stg/d010/i010090r.htm (дата обращения 11.05.2022).
240. Численность населения. ФСГС. Социально-экономические показатели 2004 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://gks.ru/bgd/regl/B04_14/IssWWW.exe/Stg/d010/i010090r.htm (дата обращения 11.05.2022).
241. Шилова В. А. Субъективное благополучие в понимании россиян: оценки уровня, связь с другими показателями, субъективные характеристики и модели / В. А. Шилова // ИНАБ. – 2020. – № 1. Субъективное и объективное благополучие в современном российском обществе: результаты эмпирического исследования. – С.18–38. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.isras.ru/index.php?page_id=1198&id=9089 (дата обращения: 20.05.2022).

ИНСТИТУТ МОНГОЛОВЕДЕНИЯ, БУДДОЛОГИИ И ТИБЕТОЛОГИИ СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

А Н К Е Т А

Уважаемый респондент!

Просим Вас принять участие в исследовании проблем социальной стратификации и социального неравенства в Республике Бурятия, проводимом Институтом монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН.

Заполняется анкета просто: необходимо обвести *кружком* номер того варианта ответа, с которым Вы согласны (один или несколько). После каждого вопроса в скобках есть пояснения, какое количество вариантов ответа допустимо (напр., «*дать один ответ*», «*дать не более 5 ответов*», «*можно дать любое число ответов*»). На вопросы, в которых отсутствуют варианты ответов, напишите, пожалуйста, Ваше мнение по данной проблеме в специально отведенной строке. В таблицах просьба дать ответ по каждой строке.

Свою фамилию указывать не нужно. Результаты опроса будут использованы в обобщенном виде.

Заранее благодарим за участие в опросе!

Улан-Удэ

2020

172

13. Скажите, к какой группе Вы себя относите? (выбрать не более 3 вариантов ответа)

1. руководители предприятия, организации, учреждения
2. руководители среднего звена (начальник отдела, заведующие и др.)
3. работники государственного аппарата
4. специалисты, ИТР
5. служащие
6. неквалифицированные рабочие
7. квалифицированные рабочие
8. крестьяне
9. фермеры
10. предприниматели
11. военные
12. учащиеся, студенты
13. домохозяйства
14. пенсионеры
15. безработные (зарегистрированные)
16. безработные (незарегистрированные)
17. самозанятые
18. другая группа (какая, напишите, пожалуйста) _____

14. Если Вы работаете, насколько стабильно Ваше положение на работе? (выбрать один вариант ответа)

1. положение стабильное, есть даже возможность получить лучшую работу
2. положение стабильное, нет опасений потерять эту работу
3. могу потерять работу в будущем
4. могу потерять работу в любое время
5. я уже потерял работу, безработный
6. трудно сказать
7. я не работаю (учусь, на пенсии)

15. В какой отрасли хозяйства Вы работаете? (выбрать не более 3 ответов)

1. органы государственного управления
2. армия, МВД, силовые структуры
3. МЧС
4. органы юстиции (суд, прокуратура, адвокатура)
5. добывающая промышленность (напр., угле-, нефте-, золото-, урано и др. добыча полезных ископаемых)
6. обрабатывающая промышленность (напр., машиностроение, авиастроение и т.д.)
7. легкая промышленность
8. энергетика
9. строительство
10. транспорт
11. связь
12. сельское хозяйство и переработка (пищевая промышленность) сельскохозяйственной продукции
13. лесное хозяйство
14. финансы, кредит, страхование
15. торговля
16. туризм, гостиничное хозяйство
17. общественное питание
18. жилищно-коммунальное хозяйство
19. бытовое обслуживание, услуги населению
20. образование
21. здравоохранение
22. наука и научное обслуживание
23. культура и искусство
24. средства массовой информации, реклама

25. общественные, религиозные и благотворительные организации
26. компьютерное обслуживание, IT
27. другое (*напишите, пожалуйста*) _____
28. затрудняюсь ответить

17. Какое отношение Вы имеете к собственности предприятия, на котором Вы работаете? (*выбрать один вариант ответа*)

1. единоличный собственник предприятия (фирмы) или совладелец семейного предприятия (фирмы)
2. участвую в долевой (паевой) собственности средств производства
3. являюсь обладателем акций предприятия
4. обладаю контрольным пакетом акций
5. являюсь наемным работников
6. другое (*напишите, пожалуйста*) _____

19. В обществе существуют разные социальные слои. К какому из них Вы скорее могли бы отнести себя и свою семью? (*выбрать один вариант ответа*)

1. высший
2. выше среднего
3. средний
4. ниже среднего
5. низший
6. самый низший
7. затрудняюсь ответить

20. Как бы Вы оценили в настоящее время материальное положение Вашей семьи? (*выбрать один вариант ответа*)

1. очень хорошее
2. хорошее
3. среднее
4. плохое
5. очень плохое
6. затрудняюсь ответить

21. Что Вы делаете для того, чтобы улучшить свое материальное положение? (*указать не более 7 ответов*)

1. работаю на второй работе или работаю в нескольких местах
2. ищу новую работу с более высокой оплатой труда
3. прошел переквалификацию, освоил новую профессию
4. получаю дополнительное образование
5. подрабатываю на сезонной или разовой работе, калымлю
6. увеличиваю количество скота в личном подворье
7. выращиваю больше овощей, ягод на даче, огороде
8. занимаюсь сбором ягод, грибов, орехов, охотой, рыболовством
9. продаю ягоды, орехи, пушнину, рыбу и т.д.
10. торгую продукцией собственного приготовления, подсобного хозяйства, дачного участка
11. занимаю деньги
12. получаю помощь со стороны родственников, друзей
13. сдаю внаем квартиру, дом, дачу
14. распродаю имущество
15. имею ИП без наемных работников
16. имею ИП с наемными работниками
17. являюсь самозанятым, занимаюсь фрилансом, сетевым маркетингом
18. другое (*напишите, пожалуйста*) _____
19. ничего не предпринимаю, так как не нуждаюсь в этом
20. ничего не предпринимаю, так как ничего не могу сделать

24. Назовите, пожалуйста, из каких источников складывается бюджет Вашей семьи? (указать все источники доходов)

1. ваша заработная плата по основному месту работы (если Вы работаете)
2. ваша заработная плата по другому месту работы (если Вы работаете в нескольких местах)
3. заработная плата других членов семьи, проживающих с Вами вместе
4. пенсии
5. пособия
6. стипендии
7. дополнительные заработки (калым, сетевой маркетинг, ИП, фриланс) Вас и членов Вашей семьи
8. помощь родственников, не живущих вместе с Вами
9. деньги, вырученные от продажи продукции личного подсобного хозяйства и/или дачи, огорода, а также рыбы, орехов, ягод и т.д.
10. проценты от банковских вкладов
11. сбережения
12. благотворительность, гуманитарная помощь
13. доход от аренды движимого и недвижимого имущества
14. другое (напишите, пожалуйста) _____

25. Посчитайте, пожалуйста, сколько дохода в среднем в месяц Вы имеете на каждого члена семьи (то есть в расчете на одного члена Вашей семьи), включая заработную плату мужа (жены) и других членов семьи, а также пенсии, пособия, стипендии и другие доходы? (выбрать один вариант ответа)

1. от 5 до 7 тысяч рублей	8. от 25 до 30 тысяч рублей
2. от 7 до 10 тысяч рублей	9. от 30 до 35 тысяч рублей
3. от 10 до 12 тысяч рублей	10. от 35 до 40 тысяч рублей
4. от 12 до 15 тысяч рублей	11. от 40 до 55 тысяч рублей
5. от 15 до 17 тысяч рублей	12. от 55 до 70 тысяч рублей
6. от 17 до 20 тысяч рублей	13. свыше 70 тысяч рублей
7. от 20 до 25 тысяч рублей	14. можно указать точную сумму: _____

26. Сколько человек в Вашей семье? (т.е. тех, которые живут вместе с Вами, включая Вас, супруга/жену, детей, родителей и т.д.) _____

27. Есть ли у Вас дети в возрасте до 18 лет и если да, то сколько? (указать количество)

_____

28. Скажите, пожалуйста, к какой группе Вы относитесь? (выбрать один вариант ответа)

1. мы едва сводим концы с концами, денег не хватает даже на питание
2. денег хватает только на питание, даже покупка одежды вызывает затруднения
3. доходов нам хватает на питание и одежду, но на покупку вещей длительного пользования – стиральной машины, холодильника, телевизора – приходится копить или брать кредит
4. мы можем без труда покупать вещи длительного пользования, но затруднительна покупка дорогих вещей, например, автомобиля.
5. мы можем купить автомобиль, но затруднительна покупка действительно дорогих вещей, например, квартиры, дома
6. ни в чем себе не отказываем, у нас нет материальных затруднений

29. Есть ли у Вас долги? (выбрать один вариант ответа)

1. да
2. нет

30. Какими обязательствами перед банками вы обременены? (выбрать один или несколько вариантов ответа)

1. беспроцентная рассрочка на технику или одежду сроком до 1-2 лет
2. потребительский кредит со ставкой до 20%
3. потребительский кредит со ставкой свыше 20%
4. потребительский кредит со ставкой свыше 35%
5. ипотечный кредит на жилье, в котором проживаете
6. ипотечный кредит на жилье, которое сдаете внаем
7. не обременен кредитными и ипотечными обязательствами.

31. Имеете ли вы накопления?

1. да
2. нет

32. Создаете ли себе пассивный доход? (выбрать не менее одного варианта ответа)

1. не знаю что это такое
2. откладываю на «черный день», создаю «подушку безопасности»
3. откладываю часть заработной платы на вклад в банке, НСЖ, ИСЖ, ценные бумаги
4. вкладываю в недвижимость
5. вкладываю в бизнес

34. Удовлетворены ли Вы следующими сторонами своей жизни? (выбрать ответ по каждой строке)

№		удовлетворен полностью	скорее удовлетворен	скорее не удовлетворен	совершенно не удовлетворен
1	питанием	1	2	3	4
2	одеждой	1	2	3	4
3	наличием денег	1	2	3	4
4	состоянием своего здоровья	1	2	3	4
5	жилищными условиями	1	2	3	4
6	отношениями в семье	1	2	3	4
7	проведением своего свободного времени	1	2	3	4
8	своей работой	1	2	3	4
9	возможностью отдыха в период отпуска	1	2	3	4
10	общением с друзьями	1	2	3	4
11	реализацией себя в профессии	1	2	3	4
12	получением образования и необходимых знаний	1	2	3	
13	жизнью в Бурятии	1	2	3	4
14	жизнью в собственном населенном пункте	1	2	3	4
15	своим положением, статусом в обществе	1	2	3	4
16	политической ситуацией в стране	1	2	3	4
17	экологической обстановкой в районе, где вы проживаете	1	2	3	4
18	уровнем Вашей личной безопасности	1	2	3	4

35. Собираетесь ли Вы уехать? (выбрать один вариант ответа)

1. да, собираюсь уехать (из республики, из села, из города) **подчеркните откуда**
2. подумываю об отъезде (из республики, из села, из города) **подчеркните откуда** но в ближайшее время уезжать не собираюсь
3. да, хочу уехать (из республики, из села, из города) **подчеркните откуда**, но нет возможности
4. нет, не собираюсь
5. затрудняюсь ответить

36. Если собираетесь уехать, то куда? (напишите, пожалуйста) _____

37. Если Вы собираетесь уехать, то почему? (выбрать не менее 1 ответа)

1. хочу продолжить образование
2. надеюсь найти лучшую работу
3. по семейным обстоятельствам (дать образование детям; переехать поближе к детям или родителям и т.д.)
4. из-за состояния межнациональных отношений
5. из-за экологических условий
6. по состоянию здоровья (климат не подходит)
7. хочу уехать в место с более высоким уровнем и качеством жизни
8. другое (напишите, пожалуйста) _____

38. Что для Вас является наиболее важным в жизни? (выбрать ответ по каждой строке)

№		важно	не очень важно	совсем не важно
1	счастливая семейная жизнь	1	2	3
2	материальная обеспеченность	1	2	3
3	свое дело, бизнес	1	2	3
4	карьера	1	2	3
5	хорошее образование	1	2	3
6	хорошие и верные друзья	1	2	3
7	собственное жилье	1	2	3
8	интересная работа	1	2	3
9	удовольствия (жизнь, полная развлечений)	1	2	3
10	общественное признание	1	2	3
11	самореализация	1	2	3
12	свобода, независимость	1	2	3
13	профессионализм	1	2	3
14	хорошая обстановка в стране	1	2	3
15	активная, деятельная жизнь	1	2	3
16	здоровье	1	2	3
17	власть	1	2	3
18	любовь	1	2	3
19	творчество	1	2	3
20	уверенность в себе	1	2	3
21	религия, вера	1	2	3
22	родной край, малая родина	1	2	3
23	равенство (равные возможности для всех)	1	2	3
24	сохранение мира между народами	1	2	3
25	возможность увидеть мир, посетить разные страны	1	2	3

40. Есть ли в Вашей семье следующие виды имущества? (указать любое количество ответов)

1. телевизор
2. холодильник
3. морозильная камера
4. стиральная машина
5. мебельный гарнитур, включая кухонный, мягкая мебель, стенка
6. шкаф-купе
7. антенна спутникового телевидения
8. видеомагнитофон, видеоплеер
9. цифровой фотоаппарат
10. видеокамера
11. музыкальный центр
12. посудомоечная машина
13. пылесос
14. микроволновая печь, гриль, тостер и т. п. бытовая техника
15. спортивные тренажеры
16. компьютер
17. подключение к интернету
18. мобильный телефон, смартфон
19. газонокосилка
20. электро-бензопила, электродрель, другой инструмент
21. кондиционер
22. гараж
23. мотоцикл
24. легковой отечественный автомобиль
25. легковой автомобиль-иномарка
26. трактор
27. теплица с обогревом
28. грузовой автомобиль или микроавтобус
29. лодка, катер

41. Чем Вы обычно занимаетесь в свободное время? (указать любое количество ответов)

1. читаю газеты, журналы
2. посещаю дискотеки, ночные клубы, другие развлекательные мероприятия
3. посещаю спортклубы, секции, тренировки
4. посещаю театры, концерты, кино
5. занимаюсь дополнительно для получения образования, повышения квалификации
6. посещаю музеи, выставки, вернисажи
7. занимаюсь домашним хозяйством, детьми, дачей
8. имею хобби, занимаюсь им дома
9. участвую в работе общественных организаций, ассоциаций
10. занимаюсь в различных кружках, клубах по интересам
11. компьютер, интернет
12. смотрю телевизор, слушаю радиопередачи
13. слушаю музыку, читаю книги, смотрю видео
14. посещаю кафе, бары, рестораны
15. посещаю политические организации, собрания
16. встречаюсь и общаюсь с друзьями дома или в гостях
17. провожу время на природе, гуляю
18. посещаю церковь, другие религиозные собрания
19. просто отдыхаю, расслабляюсь
20. чем-то еще *(напишите, пожалуйста)* _____

42. Как Вы проводите свой отпуск? Как часто Вы позволяете себе курорты, путевки?
(выбрать ответ по каждой строке)

№		1 раз в полгода	1 раз в год	2 раза в год	никогда
1	дома с семьей	1	2	3	
2	у родственников в деревне	1	2	3	
3	на даче	1	2	3	
4	курорты, санатории в пределах республики	1	2	3	
5	курорты, санатории в России	1	2	3	
6	зарубежные курорты	1	2	3	

43. В каком типе жилья Вы (Ваша семья) живете? (выбрать один вариант ответа)

1. в отдельном собственном доме
2. в отдельном неприватизированном доме
3. в приватизированной квартире (2-квартирный дом, 4-квартирный дом и т.д.)
4. в неприватизированной квартире (2-квартирный дом, 4-квартирный дом и т.д.)
5. в отдельной приватизированной квартире в многоквартирном доме
6. в отдельной неприватизированной квартире в многоквартирном доме
7. в коммунальной квартире
8. в общежитии
9. снимаю дом
10. снимаю квартиру
11. снимаю комнату
12. в служебной квартире
13. другой тип жилья (укажите какой) _____

44. Есть ли у Вас (Вашей семьи) в собственности еще какое-либо жилье? (дать любое число ответов)

1. еще одна квартира
2. дом в деревне
3. дача, садовый домик
4. коттедж за городом
5. коммунальная квартира
6. дом (часть дома) в городе
7. другое (напишите, пожалуйста) _____
8. другого жилья нет

45. Ваш пол (выбрать один вариант ответа)

1. мужской
2. женский

46. Какое у Вас образование? (выбрать один вариант ответа)

1. школьное (начальное, неполное (основное) среднее (8-9 классов), среднее общее (10-11 классов)
2. среднее профессиональное (начальное профессиональное (ФЗУ, ПТУ), среднее специальное (техникум, колледж)
3. высшее (неоконченное высшее (не менее трех курсов), бакалавриат, магистратура, высшее (специалитет 5 курсов), два высших образования)
4. кандидатская/докторская степень

47. Скажите, пожалуйста, каково Ваше семейное положение? (выбрать один вариант ответа)

1. женат/ замужем
2. женат/ замужем, но живем отдельно
3. гражданский брак (живем вместе, но не зарегистрированы)
4. разведен/ разведена
5. вдовец/ вдова
6. холост/ не замужем

48. Скажите, пожалуйста, какое образование у Ваших родителей (выбрать ответ по каждой строке)

	неполное среднее и ниже	среднее общее	проф.тех ническое	среднее специаль ное	неоконче н ное высшее	высшее	канд./ докт. степень	затр. ответит ь
Мать	1	2	3	4	5	6	7	8
Отец	1	2	3	4	5	6	7	8

51. К какой национальности Вы себя относите? (выбрать один вариант ответа)

1. русский
2. бурят
3. другая национальность (укажите, пожалуйста) _____

52. Ваш возраст _____ (указать)

БЛАГОДАРИМ ЗА УЧАСТИЕ!